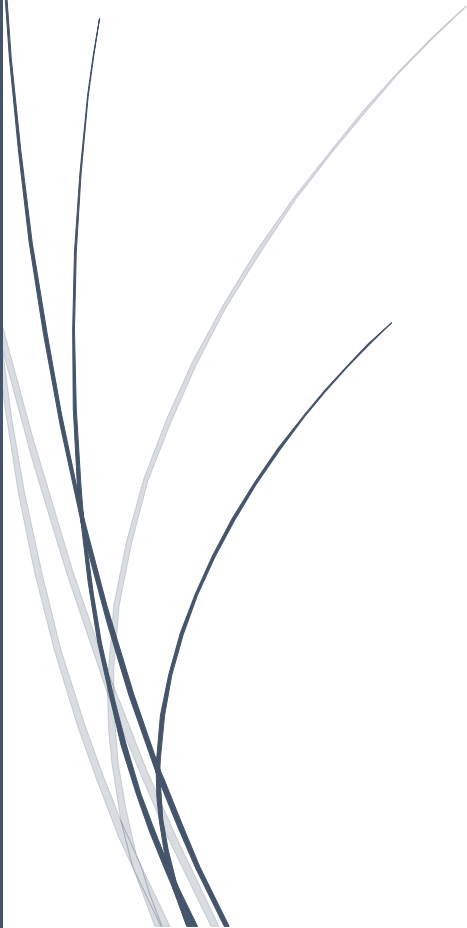

Алексей Закревский
Alexej Sakrewski

Ромео и Джамия

Romeo und Djamila

Aus dem Russischen:
THEO SANDER

Алексей Закревский

РОМЕО И ДЖАМИЛЯ

Table of Contents

Ромео и Джамиля

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Эпилог

Inhaltsverzeichnis

Romeo und Djamilia

Kapitel 1

Kapitel 2

Kapitel 3

Kapitel 4

Kapitel 5

Kapitel 6

Kapitel 7

Kapitel 8

Kapitel 9

Kapitel 10

Kapitel 11

Kapitel 12

Kapitel 13

Kapitel 14

Epilog

Алексей Закревский

Alexej Sakrewski

Ромео и Джамия

Romeo und Djamila

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Von „ParaType“ bereitgestellte Schriftarten

© Алексей Закревский, 2021

© Alexej Sakrewski, 2021

Не трудно догадаться, что «Ромео и Джамия» — это адаптация знаменитого сюжета шекспировской трагедии. Только на этот раз события разворачиваются весной 1992 года на окраине бывшего Советского Союза.

Es ist nicht schwer zu erraten, dass Romeo und Djamila eine Adaption der berühmten Handlung von Shakespeares Tragödie ist. Nur dieses Mal spielen sich die Ereignisse im Frühjahr 1992 am Rande der ehemaligen Sowjetunion ab.

ISBN 978-5-0053-2080-3

ISBN 978-5-0053-2080-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Erstellt im intelligenten Publishing-System Ridero

Roman = Roma = Romka

Serjoscha = Seri

ГЛАВА 1

KAPITEL 1

Дозор быстрым шагом возвращался на заставу. Чтобы сократить путь, старший наряда повёл своих подчинённых не по основному рубежу у берега Аракса, а по рубежу прикрытия, то есть напрямик по грунтовой дороге, идущей вдоль железнодорожной колеи.

Вокруг было тихо, если не замечать отдалённого гула реки и птичьего щебета в зарослях кустарника. Ничего вокруг не говорило о том, что пару лет назад здесь царил хаос.

Раньше два пограничных рубежа были действительно рубежами с целой системой заградительных сооружений. Они не давали возможности приблизиться к реке, по руслу которой и проходила государственная граница. Всё изменилось в январе 1990 года, когда тысячи местных жителей-

Die Patrouille kehrte in zügigem Tempo zum Außenposten zurück. Um den Weg abzukürzen, führte der Patrouillenführer seine Untergebenen nicht entlang der Hauptlinie am Ufer des Araks, sondern entlang der Deckungslinie, d.h. auf einer Schotterstraße, die entlang der Bahnlinie verlief.

Es war still, bis auf das ferne Rauschen des Flusses und das Zwitschern der Vögel im Gebüsch. Nichts deutete darauf hin, dass hier vor ein paar Jahren noch Chaos geherrscht hatte.

In der Vergangenheit waren die beiden Grenzen wirklich Grenzen mit einem ganzen System von Barrieren. Sie hinderten die Menschen daran, sich dem Fluss zu nähern, durch den die Staatsgrenze verlief. Das alles änderte sich im Januar 1990, als Tausende von einheimischen Aserbajdschanern zur

азербайджанцев вышли к заградительной системе и потребовали её открытия.

После отказа пограничников пустить митингующих на охраняемую территорию начался разгром. Толпы негодующих мужчин крушили забор из колючей проволоки, сгребали проволочную сеть-путанку. Чтобы было сподручнее, использовали бульдозеры и экскаваторы.

Советская власть на излёте своего существования не заметила, как выпустила джина национализма. В каждом национальном регионе страны этот джин проявлялся по-своему. В Нахичевани на протяжении всей советско-иранской границы он предстал в виде пылающих огромными факелами сторожевых вышек, поджигаемых участниками погромов.

Пограничникам оставалось только наблюдать за всем этим. Командование, перепуганное всплеском ненависти местного населения к военным, отдало категорический приказ: столкновений с митингующими избегать, на провокации не отвечать и охранять только себя.

К тому времени, когда три участника утреннего дозора спешили на заставу, страсти на границе улеглись. Бывшие погромщики вернулись к своим обычным занятиям и превратились в мирных граждан, а пограничники снова приступили к выполнению своих служебных обязанностей. Только граница теперь представляла собою жалкое зрелище. От заградительной системы остались лишь неряшливые кучи из мешанины столбов, перепутанной проволоки, камней и земли.

В то время на каждой советской погранзаставе, на самом почётном

Sperranlage marschierten und forderten, dass sie geöffnet wird.

Nachdem die Grenzbeamten sich weigerten, die Demonstranten in den bewachten Bereich zu lassen, brach ein Aufstand aus. Scharen von wütenden Männern rissen den Stacheldrahtzaun nieder und harkten den Maschendraht hoch. Um es handlicher zu machen, wurden Bulldozer und Bagger eingesetzt.

Die Sowjets haben am Ende ihrer Existenz nicht gemerkt, wie sie den Geist des Nationalismus freigesetzt haben. In jeder nationalen Region des Landes manifestierte sich dieser Geist auf seine eigene Weise. In Nachitschewan, entlang der gesamten sowjetisch-iranischen Grenze, erschien sie in Form von Wachtürmen mit riesigen Fackeln, die von den Teilnehmern an den Pogromen in Brand gesetzt wurden.

Die Grenzsoldaten hatten keine andere Wahl, als das Ganze zu beobachten. Das Kommando, erschrocken über den Ausbruch des lokalen Hasses gegenüber dem Militär, gab einen kategorischen Befehl: Zusammenstöße mit den Demonstranten vermeiden, nicht auf Provokationen reagieren und nur sich selbst schützen.

Als die drei Mitglieder der morgendlichen Streife zum Außenposten eilten, hatten sich die Leidenschaften an der Grenze bereits gelegt. Die ehemaligen Pogromisten waren zu ihrer gewohnten Beschäftigung zurückgekehrt und hatten sich in friedliche Bürger verwandelt, und die Grenzsoldaten hatten ihre offiziellen Aufgaben wieder aufgenommen. Nur die Grenze war jetzt ein klägliches Anblick. Das Sperrsystem war nur ein schlampiges Durcheinander aus Pfeilern, durcheinander geworfenem Draht, Steinen und Erde.

Damals hatte jeder sowjetische Grenzposten an seinem Ehrenplatz eine

месте красовалась церемониальная стела со словами: «Границы СССР священны и неприкосновенны!» После январских событий 1990 года эти высокопарные слова звучали не иначе как насмешка. Теперь местные жители беспрепятственно проходили к самой реке, а пограничники вынуждены были сквозь пальцы смотреть на бултыхающихся в воде мальчишек или выпасаемые на береговой отмели отары овец. Военным оставалось только делать видимость охраны границы, да пресекать уж слишком откровенные случаи контрабанды.

Пройдя раним утром по берегу реки до самого стыка с флангом соседней заставы, солдаты чуть ли не бегом возвращались обратно. Причиной спешки был воскресный день, а по воскресениям на заставе показывали кино.

Солдатский быт, особенно на отдалённых заставах, никогда не отличался большим разнообразием в плане развлечения. Просмотр кинофильмов оставался, чуть ли не единственным способом отрешиться от опостылевшей действительности.

Хотя этот способ времяпрепровождения всё ещё в просторечии назывался «смотреть кино», к прежнему кинематографу он уже имел весьма отдалённое отношение. Эпоха натянутой на стене белой простыни, стрекочущего кинопроектора и жестяных коробок с бобинами киноплёнки канула в Лету. На смену всему этому пришёл видеомагнитофон.

В конце восьмидесятых годов видеосалоны заполнили всю страну, растлевающая, застоявшуюся в стойлах советской морали, молодёжь. Победное шествие «видика» не останавливала даже заградительная цена, которая в некоторых случаях

feierliche Stele mit den Worten: „Die Grenzen der UdSSR sind heilig und unverletzlich!“ Nach den Ereignissen im Januar 1990 konnten diese hochtrabenden Worte nur wie Hohn klingen. Die Einheimischen gingen nun zu Fuß zum Fluss selbst, wobei die Grenzsoldaten ein Auge zudrückten, wenn kleine Jungs im Wasser planschten oder eine Schafherde am Ufer graste. Das Militär hatte keine andere Wahl, als so zu tun, als würde es die Grenze bewachen und und zu offene Fälle von Schmuggel zu stoppen.

Nachdem sie in den frühen Morgenstunden am Flussufer entlang bis zur Kreuzung an der Grenze des benachbarten Vorpostens gelaufen waren, rannten die Soldaten fast zurück. Der Grund für den Ansturm war, dass es ein Sonntagnachmittag war, und sonntags zeigte der Außenposten Filme.

Das Leben eines Soldaten, besonders auf abgelegenen Außenposten, war nie sehr abwechslungsreich, was die Unterhaltung anging. Das Anschauen von Filmen war fast die einzige Möglichkeit, der langweiligen Realität zu entkommen.

Diese Art des Zeitvertreibs wurde zwar umgangssprachlich noch als „Filme gucken“ bezeichnet, hatte aber mit der alten Kinematographie nur noch wenig zu tun. Vorbei war die Zeit der weißen Laken, die an der Wand aufgespannt waren, des zirpenden Filmprojektors und der Blechdosen mit Filmrollen. Es wurde alles durch den Videorekorder ersetzt.

In den späten achtziger Jahren überschwemmten die Videotheken das ganze Land und korrumpierten die Jugend, die in den Buden der sowjetischen Moral stagnierte. Der Siegeszug des „Videorecorders“ wurde auch durch den unerschwinglichen Preis

достигала стоимости отечественного автомобиля.

Вскоре после описываемых выше январских беспорядков в приграничное нахичеванское село, наконец, добрался прогресс. Один из предприимчивых местных граждан по имени Самед Гусейнов продал, доставшийся ему в наследство от дедушки, «Москвич 412» и приобрёл в столице новенький Panasonic. По возвращению на родину молодой человек развил бурную деятельность, организовав в местном кафе видеосалон. Дело оказалось прибыльным, и вскоре Самед разъезжал уже на «Москвиче 2141», уважительно называемом в народе «зубилом». Надо отдать должное — он не почивал на лаврах, а искал новые способы обогащения. В результате у предпринимателя с пограничниками возникла договорённость о том, что каждое воскресенье он будет привозить на заставу видеомагнитофон и с десяти утра до шести вечера демонстрировать фильмы. За это с каждого военнослужащего вне зависимости от звания взималась плата в размере пяти рублей.

Солдаты не зря спешили на заставу — надо было занять лучшие места. Как правило, первой ставилась какая-нибудь новинка. Для её просмотра собирались все, включая офицеров. В ленинской комнате отодвигали к стенам столы и, расставив табуреты в несколько рядов, рассаживались, исходя из заставской иерархии. В первом ряду прямо перед телевизором садились офицеры. По бокам от них и на двух последующих рядах размещались «демебеля» и «дедушки». Остальные довольствовались менее удобными местами. Самым обездоленным и угнетённым, коими являлись так называемые «индусы» (аналог армейских «духов»), оставалось

nicht gestoppt, der in einigen Fällen die Kosten eines einheimischen Autos erreichte.

Bald nach den oben beschriebenen Januar-Unruhen kam der Fortschritt schließlich im Grenzdorf Nachitschewan an. Einer der unternehmungslustigen Bürger namens Samed Gussejnow verkaufte den "Moskwitsch 412", den er von seinem Großvater geerbt hatte, und kaufte einen nagelneuen Panasonic in der Hauptstadt. Nach seiner Rückkehr nach Hause entwickelte der junge Mann eine ungestüme Aktivität und richtete im örtlichen Café einen Videosalon ein. Das Geschäft wurde profitabel, und bald fuhr Samed bereits einen "Moskwitsch 2141", im Volksmund "Meißel" genannt. Es sei angemerkt, dass er sich nicht auf seinen Lorbeeren ausruhte, sondern neue Wege suchte, um sich zu bereichern. Daraufhin vereinbarte der Unternehmer mit den Grenzsoldaten, dass er jeden Sonntag einen Videorekorder zum Außenposten bringt und von zehn Uhr morgens bis sechs Uhr abends Filme zeigt. Eine Gebühr von fünf Rubel wurde von jedem Soldaten erhoben, unabhängig vom Rang.

Nicht umsonst eilten die Soldaten zum Außenposten - sie mussten die besten Plätze bekommen. In der Regel wurde zuerst eine Neuheit aufgesetzt. Alle, auch die Offiziere, versammelten sich, um es zu beobachten. Im Lenin-Saal wurden Tische an die Wände geschoben und Hocker in mehreren Reihen aufgestellt, und jeder saß entsprechend der Vorposten-Hierarchie. Die Beamten saßen in der ersten Reihe direkt vor dem Fernseher. Zu beiden Seiten von ihnen und in den nächsten beiden Reihen saßen die „künftigen Reservisten“ und „Großväter“. Der Rest begnügte sich mit weniger bequemen Sitzen. Die Armseligsten und Unterdrückten, wie z.B. die „Hindu“ (ein Analogon zu den „Geistern“ der Armee),

только одно: зарабатывать косоглазие и кривошеею, примостившись где-нибудь на подоконнике или на столе. Опоздавшие обычно разделяли с ними эту участь.

Чтобы успеть к началу показа участникам утреннего дозора требовалось вовремя вернуться на заставу, доложить о прибытии, сдать оружие и обязательно перекусить, чтобы потом, во время просмотра, не оглашать помещение урчанием пустого брюха.

Периодически среди зрителей происходили передвижения. Так, посмотрев один-два первых фильма, офицеры вставали и покидали «зрительный зал», гонимые своими служебными обязанностями. Представители самых привилегированных слоёв солдатского общества тотчас же занимали их места.

После ухода начальства Самед, как правило, хитро подмигивал и доставал из недр своей огромной спортивной сумки кассету, содержимое которой носило явно порнографический характер. Это встречало нездоровое оживление в солдатской среде, особенно среди дембелей.

Просмотр «порнухи», сопровождаемый солдатским ржанием и сальными шутками, длился недолго. Вскоре зрелище надоедало, и бойцы требовали перейти на показ в ускоренном темпе. Вид прыгающих и вертящихся фигур и потешно кривляющихся физиономий на экране какое-то время веселил солдат, но опять-таки недолго. В конце концов, порнографическую кассету с позором изымали из видеоманитона, и она исчезала в чреве всё той же огромной сумки Самеда. На смену ей ставился какой-нибудь боевик, то есть более достойное настоящих мужчин кинопроизведение.

hatten keine andere Wahl, als von einem Fensterbrett oder einem Tisch aus zu schielen und sich einen schiefen Hals zu holen. Nachzügler teilten dieses Schicksal meist mit ihnen.

Um pünktlich zur Schau zu kommen, mussten die Teilnehmer der Morgenpatrouille rechtzeitig zurück am Außenposten sein, um ihre Ankunft zu melden, ihre Waffen abzugeben und unbedingt etwas zu essen, um das Knurren eines leeren Bauches während der Schau zu vermeiden.

Von Zeit zu Zeit gab es Bewegung im Publikum. Zum Beispiel standen die Offiziere nach den ersten ein oder zwei Filmen auf und verließen den „Zuschauerraum“, getrieben von ihren dienstlichen Pflichten. Vertreter der privilegiertesten Schichten der soldatischen Gesellschaft nahmen sofort ihre Plätze ein.

Nachdem die Vorgesetzten gegangen waren, zwinkerte Samed gewöhnlich verschmitzt und zog aus den Tiefen seiner riesigen Sporttasche eine Kassette hervor, deren Inhalt eindeutig pornografischer Natur war. Dies stieß auf ungesunde Aufregung unter den Soldaten, besonders unter den künftigen Reservisten.

Das Anschauen von „Pornos“, begleitet von Wiehern und schmierigen Witzen der Soldaten, dauerte nicht lange. Bald langweilte sich das Spektakel, und die Soldaten forderten, mit beschleunigtem Tempo zur Schau zu gehen. Der Anblick von hüpfenden und sich drehenden Figuren und lustigen Gesichtern auf dem Bildschirm amüsierte die Soldaten für eine Weile, aber nicht für lange. Schließlich wurde die pornografische Kassette schamhaft aus dem Videorekorder entfernt, und sie verschwand in dem Bauch von Sameds großer Tasche. Er wurde durch einen Actionfilm ersetzt, also eine würdigere Filmproduktion echter Männer.

Во время демонстрации, изредка прерываемой перекурами, отдельные солдаты вынужденно покидали ряды зрителей, так как уходили в наряд или заступали на дежурство, но основная масса ухитрялась за воскресение посмотреть до пяти видеофильмов. В числе таких везунчиков были и участники утреннего дозора. Главное, чтобы они успели возвратиться на заставу к приезду Самеда и застолбить удобное для просмотра место.

Когда пограничники шли по рубежу прикрытия, их мысли наверняка были уже там, в ленинской комнате, перед экраном телевизора. Несмотря на это солдаты всё же заметили небольшую отару овец, пасущуюся в узкой балке, спускавшейся к реке. Впадина эта была хитрым местом. Начинаясь от туннеля, пронизывающего железнодорожную насыпь, она перерезала всё расстояние до реки и могла незаметно вывести к воде. Этой ложиной уже не раз пользовались те, кто промышлял мелкой контрабандой.

Было очень заманчиво проскочить мимо, якобы, ничего не заметив. Уж очень хотелось успеть к распределению мест перед телевизором. Всё же старший наряда младший сержант Сергей Кирильчук решил задержаться у подозрительной балки.

По радиостанции он вызвал заставу и сообщил о своём местонахождении. Затем сделал знак сослуживцам, и они разошлись, начав действовать по давно отработанной схеме. Кирильчук отправился вдоль впадины по более высокому склону слева, а его друг рядовой Павел Цвигун с собакой пошёл по более низкому и пологому правому краю, отсекая, таким образом, путь к бегству. Третий участник дозора, рядовой Роман Шамшур, держа

Während der Demonstration, die gelegentlich durch Rauchpausen unterbrochen wurde, mussten einige Soldaten die Reihen der Zuhörer verlassen, weil sie im Dienst oder im Einsatz waren, aber die meisten schafften es, bis zu fünf Videos an einem Sonntag zu sehen. Die Teilnehmer der Morgenpatrouille gehörten zu den Glücklichen. Die Hauptsache war, dass sie rechtzeitig vor Sameds Ankunft zum Außenposten zurückkehrten und sich einen günstigen Platz zum Beobachten sicherten.

Als die Grenzsoldaten an der Grenzlinie entlanggingen, waren ihre Gedanken wohl schon dort, im Lenin-Zimmer, vor dem Fernsehbildschirm. Trotzdem bemerkten die Soldaten eine kleine Schafherde, die in einer engen Schlucht zum Fluss hinunter graste. Diese Mulde war ein heikler Ort. Ausgehend von einem Tunnel durch den Bahndamm, schnitt er die gesamte Strecke zum Fluss ab und konnte unbemerkt zum Wasser führen. Diese Mulde wurde mehr als einmal von Kleinschmugglern benutzt.

Es war sehr verlockend, daran vorbeizugehen, scheinbar ohne es zu bemerken. Es ging darum, rechtzeitig bei der Sitzplatzvergabe vor dem Fernseher zu sein. Dennoch beschloss Sergeant Sergej Kiriltschuk, der diensthabende Felwebel, bei einem verdächtigen Balken zu verweilen.

Er rief den Außenposten per Funk an und informierte sie über seinen Aufenthaltsort. Dann winkte er seinen Kameraden zu, und sie verteilten sich nach einem bewährten Muster. Kiriltschuk ging links den höheren Hang entlang, während sein Freund, der Soldat Pawel Zwigun, mit seinem Hund den niedrigeren, sanfteren rechten Weg nahm und so den Fluchtweg abschnitt. Das dritte Mitglied der Patrouille, Soldat Roman Schamschur, hielt sein Sturmgewehr bereit und bewegte sich

автомат на изготовку, двинулся по низу лощины. То, что внизу на полпути к реке паслись овцы, ещё ничего не значило. Контрабандисты часто действовали под видом пастухов. Несколько человек пригоняли отару к воде, якобы для водопоя, и пока один действительно следил за животными, его сотоварищи переправлялись с ценным грузом на другой берег или, наоборот, принимали контрабанду с сопредельной территории.

Осторожно ступая по каменистой почве, Шамшур приблизился к зарослям, за которыми, судя по звуку, находилась отара. Сквозь ветки кустарника, он увидел около двух десятков грязных тощих овец. Животные тоже его заметили и тотчас же шарахнулись в сторону. Пастухов не было видно, но чуть ниже, из-за каменистого уступа, поднималась тонкая едва заметная струйка дыма.

Аккуратно обойдя отару, солдат подошёл ближе и услышал тонкие, как ему показалось, детские голоса. «Пацаны, — подумал он, — Зря только спускался!»

Недолго думая, Шамшур выступил из-за укрытия, чтобы шугануть пастухов. У маленького костерка сидели не мальчишки, а три молодых женщины. Одетые в безразмерные вязаные кофты и длинные цветастые юбки, они обломками веток рылись в почти уже потухших углях. Рядом лежала хозяйственная сумка со следами многочисленных штопок.

При неожиданном появлении военного одна из женщин взвизгнула, и вся троица сорвалась и, подобрав юбки, бросилась вниз к реке.

— Вот дурёхи! — со смехом произнёс боец, после чего прокричал им вдогонку. — Стойте! Я ничего плохого вам не сделаю!

Одна из убегающих приостановилась, обернувшись. Две

auf den Grund der Schlucht zu. Die Tatsache, dass Schafe auf halber Strecke des Flusses weideten, hatte nichts zu bedeuten. Schmuggler agierten oft in der Verkleidung von Hirten. Ein paar Männer trieben die Herde zum Wasser, vorgeblich zum Tränken, und während einer tatsächlich auf die Tiere aufpasste, brachten seine Mitstreiter die kostbare Fracht auf die andere Seite oder nahmen alternativ Schmuggelware aus dem Nachbargebiet an.

Vorsichtig über den felsigen Boden schreitend, näherte sich Schamschur einem Dickicht, hinter dem sich, dem Geräusch nach, eine Schafherde befand. Durch die Zweige des Gebüschs sah er etwa zwei Dutzend schmutzige, magere Schafe. Die Tiere bemerkten ihn auch und flüchteten sofort. Es waren keine Hirten in Sicht, aber direkt darunter stieg eine dünne, kaum wahrnehmbare Rauchfahne hinter einem Felsvorsprung auf.

Er ging vorsichtig um die Herde herum, kam näher und hörte, was ihm wie Kinderstimmen vorkam. „Die Jungs, - dachte er, - sind nur vergeblich runtergekommen!“

Ohne viel nachzudenken, kam Schamschur aus der Deckung hervor, um die Hirten zu verscheuchen. An dem kleinen Feuer saßen keine Jungen, sondern drei junge Frauen. Bekleidet mit übergroßen Strickpullovern und langen geblühten Röcken wühlten sie mit Aststücken in der fast erloschenen Glut. In der Nähe lag eine Haushaltstasche mit Spuren von zahlreichen gestopften Stellen.

Bei dem plötzlichen Auftauchen des Soldaten kreischte eine der Frauen, und das ganze Trio riss sich los, hob ihre Röcke auf und eilte zum Fluss hinunter.

- Was für alberne Gänse! - sagte der Soldat lachend und rief ihnen dann hinterher. - Halt! Ich werde euch nichts tun!

Eine der Flüchtigen hielt inne und drehte sich um. Die anderen beiden

другие продолжали спускаться по склону, даже не оглядываясь.

— Ну, и чего вы испугалась!? — обратился Шамшур к той, что остановилась. — Не бойтесь, я вас не трону! Идите сюда!

Пограничник всем своим видом попытался вызвать у беглянки доверие. Он скорчил благодушную физиономию и приветливо махнул рукой — пастушка с места не двигалась. Тогда солдат развернулся и подошёл к костру. Положив автомат на колени, он присел на корточки и протянул к остывающим углям руки. Среди золы и обугленных головешек лежали несколько запечённых грецких орехов.

Азербайджанка тем временем, в нерешительности потоптавшись внизу, стала медленно, как бы нехотя, подниматься обратно. Взобравшись, она села с противоположной стороны костра.

— И чего бежала? Я что, такой страшный? — задумчиво спросил Шамшур, глядя не отрываясь на еле тлеющие угольки в кострище.

— Так ведь ты же подкрался! Кто знает, что у тебя на уме! — внезапно на чистом русском языке заявила пастушка.

Шамшур с удивлением взглянул на азербайджанку. Такого ответа он не ожидал. Как и его сослуживцы, он привык, что живущие в окрестных сёлах, женщины или, вообще, не могли по-русски двух слов связать, или говорили с ужасным акцентом. Пограничники общались только с местными мужчинами, а на их жён и дочерей смотрели скорее, как на диковинных зверьков, очень на людей похожих, но таковыми не являющихся. Происходило это из-за того, что район был, отдалённый, окраинный, с исключительно азербайджанским населением, и здесь во многом по-прежнему жили

лифен weiter den Hang hinunter, ohne zurückzublicken.

- Nun, warum sind Sie so verängstigt? - sagte Schamschur zu derjenigen, die stehen geblieben war. - Haben Sie keine Angst, ich tue Ihnen nichts! Kommen Sie her!

Der Grenzsoldat versuchte, der Flüchtigen vertrauenswürdig zu erscheinen. Er machte ein gleichmütiges Gesicht und winkte zur Begrüßung - die Hirtin rührte sich nicht. Dann drehte sich der Soldat um und ging zum Feuer hinüber. Er legte die Maschinenpistole auf seine Knie, ging in die Hocke und streckte die Hände nach der abkühlenden Glut aus. Zwischen der Asche und der verkohlten Glut lagen ein paar geröstete Walnüsse.

Die Aserbajdschanerin stolperte unterdessen zögernd nach unten, kletterte langsam, wie widerwillig, wieder nach oben. Einmal aufgestanden, setzte sie sich auf die gegenüberliegende Seite des Feuers.

- Warum bist du weggelaufen? Bin ich denn so hässlich? - fragte Schamschur nachdenklich und starrte auf die schwache Glut in der Feuerstelle.

- Du hast dich an mich herangeschlichen, nicht wahr? Wer weiß, was du vorhast! - erklärte die Hirtin plötzlich in klarem Russisch.

Schamschur sah die Aserbajdschanerin überrascht an. Eine solche Antwort hatte er nicht erwartet. Wie seine Kameraden war er daran gewöhnt, dass die Frauen in den umliegenden Dörfern entweder gar keine zwei Worte Russisch zuordnen konnten oder mit einem schrecklichen Akzent sprachen. Die Grenzwächter sprachen nur mit einheimischen Männern und ihre Frauen und Töchter waren eher wie seltsame Tiere, die wie Menschen aussahen, aber keine waren. Das lag daran, dass es sich um ein abgelegenes Randgebiet mit einer ausschließlich aserbajdschanischen Bevölkerung handelte, die hier noch

по патриархальным законам прошлого. Местные женщины растили детей, занимались домашним хозяйством, копались на огородах и не более того. Общение с военными выходило за те чёткие поведенческие рамки, которые им позволяла традиция.

Перед костром сидел не «зверёк», плохо говоривший по-русски, а очень даже симпатичная девица, причём она была явно не из робкого десятка. Шамшур неожиданно для себя смутился.

— Извини! — сказал он. — Я не хотел вас напугать. Я думал — вы контрабандисты.

Незнакомка хмыкнула.

— А я главарь шайки контрабандистов! — с иронией произнесла она. Оба засмеялись.

Шамшур догадался, что девушка не из села. Уж больно она была бойкой и разговорчивой.

— Ты неместная, — спросил он. — Ты из города?

— Из Нахичевани, — последовал ответ.

Шамшур снял кепку и поскрёб короткий ёжик волос. Он с интересом разглядывал азербайджанку. На вид ей было не больше семнадцати. Невысокая худенькая девушка сидела, прижав коленки к груди. В отличие от убежавших вниз, она не покрыла голову платком, а просто накинула его на плечи. Казалось, что её густую копну волнистых спутанных чёрных волос ни под какой платок не упрятать. Лицо пастушки было бледным — без намёка на загар. Точёный подбородок, нежно-розовые, как у ребёнка, губы, аккуратный нос с едва заметной горбинкой казались безупречными. Густые, изящно изогнутые брови контрастировали с чистым открытым лбом. Но больше всего Шамшура поразили её тёмно-карие, почти чёрные, глаза. В уголках

weitgehend nach den patriarchalischen Gesetzen der Vergangenheit lebte. Die einheimischen Frauen zogen ihre Kinder auf, erledigten die Hausarbeit, legten ihre Gärten an und sonst nichts. Die Kommunikation mit den Soldaten ging über den strengen Verhaltensrahmen hinaus, den die Tradition erlaubte.

Vor dem Feuer saß kein „Tier“, das schlecht Russisch sprach, sondern ein sehr hübsches Mädchen, und sie war eindeutig nicht von der schüchternen Sorte. Schamschur war plötzlich peinlich berührt.

- Es tut mir leid! - sagte er. - Ich wollte Sie nicht erschrecken. Ich dachte, ihr wärt Schmuggler.

Die Frau räusperte sich.

- Und ich bin die Anführerin einer Schmugglerbande! - sagte sie ironisch. Beide lachten.

Schamschur vermutete, dass das Mädchen nicht aus den Dörfern stammte. Sie war zu lebhaft und gesprächig.

- Du bist nicht von hier, - fragte er. - Bist du aus der Stadt?

- Aus Nachitschewan, - kam die Antwort.

Schamschur nahm seine Mütze ab und und kratzte an seinem kurzen Igelhaar. Er betrachtete das aserbajdschanische Mädchen mit Interesse. Sie sah nicht älter als siebzehn aus. Das kleine, dünne Mädchen saß mit an die Brust gepressten Knien. Im Gegensatz zu denen, die nach unten geflüchtet waren, bedeckte sie ihren Kopf nicht mit einem Kopftuch, sondern warf es einfach über ihre Schultern. Ihre dicken Locken aus gewelltem, verfilztem schwarzem Haar schienen unmöglich unter einem Kopftuch zu verstecken zu sein. Das Gesicht der Hirtin war blass - ohne einen Hauch von Bräune. Ihr Kinn war gemeißelt, ihre Lippen so zart rosa wie die eines Kindes, und ihre Nase so ordentlich wie eine leichte Hakennase. Die buschigen, anmutig gewölbten Augenbrauen kontrastierten mit der

этих глаз таился какой-то загадочный влажный блеск.

Солдат поймал себя на том, что бесстыдно пялится на девочку не в силах отвести взгляд. Она его состояние заметила и хихикнула. От прежнего её испуга не осталось и следа. Незнакомка тоже с интересом его разглядывала, но делала это исподтишка, часто опуская взгляд. Руками она теребила концы своего яркого в алых розах платка.

В этот момент снизу раздался голос одной из её подруг, и она, привстав, что-то крикнула той в ответ по-азербайджански. Убежавшие вниз пастушки стали с недовольным видом подниматься назад. Возбравшись, они сели несколько поодаль и стали о чём-то спрашивать девушку у костра.

Одна показалась солдату старше и симпатичнее другой, выглядевшей уж совсем дурнушкой. Шамшур догадался, что она главная в этой тройце. Старшая стала отчитывать сидящую у костра девушку, но та, скривив личико, отмахнулась.

— Что она говорит?

— Она сказала, что я должна держаться от тебя подальше. Говорит, что ты можешь быть опасным.

Шамшур ухмыльнулся. «Какие же эти бабы запуганные!» — подумалось ему, а тем временем сидящая напротив девушка с помощью деревянной палочки стала выбирать из костра запечённые орехи. Шамшур стал ей помогать, вооружившись обломком ветки.

— Тебя как зовут? — осмелел он.

— Джамиля, — просто, без какого-либо кокетства, отозвалась пастушка.

klaren, offenen Stirn. Aber vor allem fielen ihm ihre dunkelbraunen, fast schwarzen Augen auf. In ihren Augenwinkeln lauerte ein rätselhafter, feuchter Schimmer.

Der Soldat ertappte sich dabei, wie er das Mädchen schamlos anstarrte, unfähig, den Blick abzuwenden. Sie bemerkte seinen Zustand und kicherte. Von ihrem früheren Schrecken war keine Spur mehr zu sehen. Die Fremde schaute ihn ebenfalls interessiert an, aber sie tat dies verstohlen und senkte oft ihren Blick. Mit den Händen fummelte sie an den Enden ihres Schals, der mit roten Rosen bunt gefärbt war.

In diesem Moment hörte man von unten die Stimme einer ihrer Freundinnen, die aufstand und ihr etwas auf Aserbaidisch zurückrief. Die Hirtinnen, die nach unten geflüchtet waren, begannen mit missmutigem Blick wieder nach oben zu klettern. Sie setzten sich in einiger Entfernung hin und fragten das Mädchen am Feuer etwas.

Die eine erschien dem Soldaten älter und hübscher als die andere, die sehr unattraktiv aussah. Schamschur vermutete, dass sie die Anführerin des Trios war. Die Älteste begann, das Mädchen, das am Feuer saß, zu mahnen, aber letztere wischte es mit einem schiefen Gesicht beiseite.

- Was hat sie gesagt?

- Sie sagt, ich muss mich von dir fernhalten. Sie sagt, du könntest gefährlich sein.

Schamschur grinste. „Wie einschüchternd diese Frauen sind!“, - dachte er bei sich, aber inzwischen begann das Mädchen, das ihm gegenüber saß, mit einem Holzstab geröstete Nüsse aus dem Feuer zu holen. Schamschur begann ihr zu helfen, bewaffnet mit einem Aststück.

- Wie heißt du? - wurde er kühner.

- Djamilia, - sagte die Hirtin schlicht, ohne jede Koketterie.

— А это твои подружки?

Девушка сказала что-то по-азербайджански, а после пояснила по-русски:

— Жена моего брата и её племянница.

— Как их зовут?

— Лейла и Азиза.

Шамшур немного помолчал, а потом осторожно поинтересовался:

— Тебе сколько лет?

— Пятнадцать, — простодушно ответила Джамиля. Внешне она выглядела старше.

В этот момент сверху посыпалась земля, и по склону съехал младший сержант Кирильчук.

— Ну, что, Рома, познакомился?

Обе пастушки взвизгнули и снова бросились наутёк, но убежать далеко, как в первый раз, уже не стали. Джамиля тоже было дёрнулась, но поймав взгляд Шамшура, почему-то осталась. Только подобралась вся.

— Вот дуры! А эта коза чего сидит? — спросил младший сержант.

За спиной Шамшура отозвался Цвигун:

— Серёга проверь, что у них в сумке. Вдруг там контрабанда!

Они оба заржали, и Кирильчук, нагнувшись, самоуверенно потянулся к сумке. Всё это время Шамшур наблюдал за девушкой. В её лице что-то изменилось. Она молча следила за Кирильчуком. Стоило, только, тому дотронуться до сумки, как она, вдруг, с силой ткнула его обугленной палкой в руку. От неожиданности младший сержант по заячьим заверещал и отскочил. Собака Цвигуна залаяла, натянув поводок.

— Не, вы видели!? Она меня пырнула! — заорал Кирильчук. Глядя на его возмущённую рожу, Шамшур не смог сдержать улыбки.

- Und das sind deine Freundinnen?

Das Mädchen sagte etwas auf Aserbaidtschanisch, und erklärte dann auf Russisch:

- Die Frau meines Bruders und ihre Nichte.

- Wie heißen sie?

- Leila und Aziza.

Schamschur schweig eine Weile und erkundigte sich dann behutsam:

- Wie alt bist du?

- Fünfzehn, - antwortete Djamila schlicht. Äußerlich sah sie älter aus.

In diesem Moment rieselte der Boden von oben und Unteroffizier Kiriltschuk bewegte sich den Hang hinunter.

- Na, Roma, habt ihr euch schon kennen gelernt?

Beide Hirtinnen kreischten und stürzten wieder davon, liefen aber nicht so weit wie beim ersten Mal. Auch Djamila zuckte zusammen, fing aber Schamschurs Blick auf und blieb aus irgendeinem Grund stehen. Nur, dass sie sich sehr zusammengerissen hat.

- Was für Dummköpfe! Und warum sitzt diese Ziege? - fragte der Unteroffizier.

Zwигun antwortete hinter Schamschurs Rücken:

- Sergej, sieh nach, was in ihrer Tasche ist. Vielleicht ist da Schmuggelware drin!

Sie lachten beide, und Kiriltschuk, sich bückend, griff selbstbewusst nach der Tasche. Die ganze Zeit über beobachtete Schamschur das Mädchen. Etwas hatte sich in ihrem Gesicht verändert. Sie beobachtete Kiriltschuk schweigend. Sobald er die Tasche berührte, stach sie ihm plötzlich mit einem verkohlten Stock in die Hand. Der Unteroffizier schrie vor Überraschung auf und sprang weg. Der Hund Zwигun bellte und zerrte an der Leine.

- Nein, hast du das gesehen!? Sie hat mich gestochen! - rief Kiriltschuk. Beim Anblick seines entrüsteten Gesichts konnte sich Schamschur ein Lächeln nicht verkneifen.

— Правильно сделала, —
неожиданно вступился он за девушку.
— Чего ты к чужому лапы
протягиваешь?

— Ну, ни фиги себе! — возмутился
Кирильчук предательством
сослуживца. — Я имею право
проверить, что в сумке!

— Да ладно тебе! — Шамшур
встал и закинул автомат за спину. —
Что ты там собрался найти?

Он сделал шаг вперёд и как бы
невзначай встал между младшим
сержантом и пастушкой.

— Кстати, фильтруй базар. Она
городская. Русский понимает как свой
родной.

— Да ну! А я думал, что здесь
только чушки местные бродят, —
Кирильчук бесцеремонно отпихнул
Шамшура и, расплывшись в
глумливой улыбке, кривляясь,
двинулся к девушке. — Здравствуй,
лапочка! Ну, чего ты такая злая?
Давай с тобой поближе
познакомимся! Как тебя зовут?

Девушка с брезгливостью
наблюдала за ним.

— Джамиля, — ответил за неё
Шамшур и взял Кирильчука за рукав.

— О-о, какое красивое имя! —
продолжал паясничать Кирильчук. —
Джамиля!

А меня зовут Серёжа. Вот этот
доблестный воин — Паша.

Доблестный воин Цвигун
ощерился в улыбке, показав
порченные зубы.

— А вот этого мечтательного
юношу зовут Ромео.

Услышав имя Ромео, Шамшур
невольно поморщился. Он потянул
сослуживца за рукав. Пора было
заканчивать эту комедию. Кирильчук
вёл себя откровенно по-хамски.

— Так, всё! Пошли на заставу!
Там, наверное, уже Самед со своим

- Du hattest Recht, - setzte er sich
plötzlich für das Mädchen ein. - Warum
streckst du deine Pfoten nach Fremden
aus?

- Nun, von wegen! - Kiriltschuk war
empört über den Verrat seines Kollegen.

- Ich habe ein Recht darauf, zu
überprüfen, was in der Tasche ist!

- Komm schon! - Schamschur stand
auf und steckte die Maschinenpistole
hinter seinen Rücken. - Was wirst du
dort finden?

Er trat vor und schritt wie
unbeabsichtigt zwischen den
Unteroffizier und der Hirtin.

- Übrigens, pass auf, was du sagst.
Sie ist ein Stadtmädchen. Sie versteht
Russisch, als wäre es ihre
Muttersprache.

- Das gibt's doch nicht! Und ich
dachte, dass hier nur die Einheimischen
herumlaufen, - Kiriltschuk stieß
Schamschur kurzerhand weg und ging
spöttisch grinsend auf das Mädchen zu.
- Hallo, mein Schätzchen! Warum bist
du so wütend? Lass uns einander
besser kennenlernen! Wie heißt du?

Das Mädchen schaute ihn zynisch
an.

- Djamilia, - antwortete Schamschur
für sie und nahm Kiriltschuk am Ärmel.

- Oh, was für ein schöner Name! -
Kiriltschuk fuhr fort, herumzualbern. -
Djamilia!

Und ich heiße Serjoscha . Dieser
tapfere Soldat hier ist Pascha.

Der tapfere Soldat Zwigun grinste
und zeigte seine verdorbenen Zähne.

- Und dieser verträumte junge Mann
heißt Romeo.

Als er den Namen Romeo hörte,
verzog Schamschur unwillkürlich das
Gesicht. Er zerrte am Ärmel seines
Kameraden. Es war an der Zeit, diese
Komödie zu beenden. Kiriltschuk
verhielt sich offen rüpelhaft.

- Gut, das war's! Auf geht's zum
Außenposten! Wahrscheinlich ist
Samed mit seinem Kino dort

кинотеатром приехал, — пришла на ум Шамшура удачная мысль.

— Точно, Серый, пошли, а то все места займут! — поддержал его Цвигун и дёрнул собаку за поводок.

Старший наряда остановился. Перспектива сидеть на подоконнике ему не улыбалась. Он зло сплюнул под ноги девушки:

— Ну, ладно, цыпочка, не скучай. Может ещё увидимся.

Рывком руки Кирильчук освободился от захвата, повернулся и пошёл наверх. Его подчинённые молча двинулись следом.

Когда они выбрались на дорогу, Шамшур понял, что где-то внизу обронил форменную кепку. Он тихо выругался и, пообещав сослуживцам, что скоро их догонит, стал снова спускаться. На полпути он увидел Джамилю. Она карабкалась вверх, держа в руках его головной убор.

— Ты так спешил, что потерял вот это, — засмеялась девушка, протягивая кепку.

— Пришлось увести их, — сказал в оправдание солдат. Он надел кепку и улыбнулся:

— Спасибо.

Она отмахнулась, что, по-видимому, означало «не стоит благодарности», и осторожно стала спускаться.

— Джамиля! — позвал её Шамшур. Девушка повернулась и посмотрела на него снизу вверх.

— Ты... Ты в каком классе учишься? — парень всё не решался спросить о самом главном, что его интересовало.

— Девятый заканчиваю.

— А... — солдат аж вспотел, проклиная себя за нерешительность.

анgekommen, - kam Schamschur auf eine gute Idee.

- Richtig, Seri, lass uns gehen, sonst sind alle Plätze besetzt! - Zwigun gesellte sich zu ihm und zerrte an der Leine des Hundes.

Das ältere Mitglied der Patrouille hielt an. Die Aussicht, auf einer Fensterbank zu sitzen, gefiel ihm nicht. Er spuckte dem Mädchen wütend auf die Füße:

- Na dann, alles klar, Küken, langweile dich nicht. Vielleicht sehen wir uns ja wieder.

Mit einer ruckartigen Bewegung der Hand befreite sich Kiriltschuk aus dem Griff, drehte sich um und ging nach oben. Seine Untergebenen folgten schweigend.

Als sie die Straße erreichten, bemerkte Schamschur, dass er irgendwo unten seine Uniformmütze fallen gelassen hatte. Er fluchte leise und machte sich, den Männern versprechend, dass er sie bald einholen würde, wieder an den Abstieg. Auf halbem Weg nach unten sah er Djamila. Sie kletterte hinauf und hielt seine Kopfbedeckung in ihren Händen.

- Du hattest es so eilig, dass du das hier verloren hast, - lachte das Mädchen und hielt ihm das Käppi hin.

- Ich musste sie wegbringen, - sagte der Soldat zur Rechtfertigung. Er setzte das Käppi wieder auf und lächelte:

- Danke.

Sie ließ ihn unbeachtet, was offenbar „das ist nicht der Rede wert“ bedeutete, und begann vorsichtig hinabzusteigen.

- Djamila! - rief Schamschur ihr zu. Das Mädchen drehte sich um und sah zu ihm auf.

- Du... In welcher Klasse bist du? - Er zögerte, das Wichtigste, das er wissen wollte, zu fragen.

- Ich beende die neunte.

- Ah ... - der Soldat brach in Schweiß aus und verfluchte sich für seine Unentschlossenheit.

Джамилия сделала ещё несколько шагов вниз.

— Ты когда-нибудь придёшь сюда? — наконец решился он и тотчас же возненавидел себя за этот вопрос.

— Не знаю. Если Лейла будет тут пасти овец, то я тоже приду.

— Приди, пожалуйста. Я хочу тебя ещё раз увидеть, — с трудом выдавил из себя юноша. Он почувствовал, как жаркая волна стыда хлынула ему в лицо. Не желая, чтобы девушка заметила его покрасневшую физиономию, Шамшур резко развернулся и зашагал наверх, ни разу не оглянувшись.

Джамилия стояла и смотрела ему вслед.

ГЛАВА 2

На первый фильм они всё-таки опоздали. Шамшур сидел на подоконнике и совершенно не интересовался тем, что происходило на телеэкране. Он то и дело мыслями возвращался в сегодняшнее утро и прокручивал в памяти диалог с девушкой. Новая знакомая запала в душу парня. В своей жизни ему довелось встречать немало симпатичных девчонок, но все они работали над своей внешностью. Макияж, модная причёска, удачно или не очень подобранные одежда и украшения дополнительно подчёркивали их женскую привлекательность. У пастушки на фланге, ничего этого не было. Она показала солдату удивительно красивой сама по себе.

В свою очередь, ни один мужчина, ни за что не назвал бы Романа Шамшура красавцем. Среднего роста, вполне заурядного телосложения, он по мужским меркам обладал довольно невзрачной внешностью. И всё же что-то в его

Djamila ging ein paar Schritte weiter nach unten.

- Wirst du jemals hierher kommen? - entschied er sich schließlich und hasste sich sofort für die Frage.

- Ich weiß es nicht. Wenn Leila hier ist und Schafe hütet, komme ich auch.

- Komm, bitte. Ich möchte dich wiedersehen, - sagte er mit Mühe. Er fühlte eine heiße Welle der Scham über sein Gesicht laufen. Da er nicht wollte, dass das Mädchen sein errötetes Gesicht bemerkte, drehte sich Schamschur abrupt um und ging nach oben, ohne zurückzublicken.

Djamila stand da und schaute ihm hinterher.

KAPITEL 2

Für den ersten Film waren sie schließlich zu spät dran. Schamschur saß auf der Fensterbank und interessierte sich überhaupt nicht für das, was auf dem Fernsehbildschirm geschah. Er dachte immer wieder an diesen Morgen zurück und spielte den Dialog mit dem Mädchen nach. Die neue Bekanntschaft hatte es dem jungen Mann angetan. Er hatte in seinem Leben schon viele hübsche Mädchen getroffen, aber alle hatten an ihrem Aussehen gearbeitet. Make-up, trendige Frisuren, gut oder schlecht gewählte Kleidung und Schmuck betonten ihre weibliche Attraktivität zusätzlich. Die Hirtin an der Grenze hatte nichts von alledem. Sie schien dem Soldaten selbst überraschend schön zu sein.

Kein Mann würde Roman Schamschur jemals als schön bezeichnen. Er war von durchschnittlicher Größe, von recht gewöhnlicher Statur und für männliche Verhältnisse eher unscheinbar. Und doch gab es etwas an seiner

облике привлекало девушек. Недаром существует мнение, что мужчины и женщины — это представители разных планет. Понятие красоты у них совершенно разное.

Казалось бы, высокий, мускулистый красавец с правильными чертами лица должен вызывать в женщинах большой интерес, а не тут-то было. Они, почему-то, отдают предпочтение довольно ординарному представителю мужского племени. И кто их поймёт, что находят они в таком рядовом субъекте?

В данном случае Роман Шамшур, будучи, на первый взгляд, ничем не примечательным юношей, уже в подростковом возрасте ощутил на себе повышенное женское внимание. Сверстницы с лёгкостью влюблялись в него, хотя если бы им задали вопрос: «Чем же он их привлекает?», большинство не смогли бы дать вразумительного ответа. «Он такой милый!» — говорили девочки друг другу, и этим его характеристика ограничивалась.

Вечером Шамшур ушёл в наряд на границу. Найдя небольшой овражек у дороги, где не дул холодный ветер с реки, они вдвоём с другим старослужащим улеглись, зажав автоматы между ног. Третьего участника наряда, молодого бойца, служившего на заставе лишь пару месяцев, «деды» обязали охранять их «стариковский» сон и следить за окружающей обстановкой. Молодой солдат или на армейском жаргоне «индус» залёг у края овражка и вперился взглядом в темноту.

Напарником Шамшура оказался его хороший товарищ Сергей Ермилов. Он призывался из Подмоскovie тем же призывом, что и

Erscheinung, das Mädchen anzog. Nicht umsonst sind Männer und Frauen Vertreter verschiedener Planeten. Ihr Begriff von Schönheit ist völlig anders.

Man sollte meinen, dass ein großer, muskulöser, gut aussehender Mann mit den entsprechenden Gesichtszügen mehr Interesse bei Frauen wecken sollte, aber das ist nicht der Fall. Aus irgendeinem Grund bevorzugen sie ein eher gewöhnliches Mitglied des männlichen Stammes. Und wer weiß, was sie in einem so gewöhnlichen Gegenstand finden?

In diesem Fall war Roman Schamschur zwar ein scheinbar unauffälliger junger Mann, doch schon als Teenager fühlte er sich zu Frauen hingezogen. Seine Altersgenossinnen verliebten sich leicht in ihn, obwohl, wenn man ihnen die Frage stellte: „Was ist es, das sie zu ihm hinzieht?“, die meisten nicht in der Lage wären, eine zusammenhängende Antwort zu geben. „Er ist so süß!“ - sagten die Mädchen zueinander und damit hat sich seine Charakterisierung erschöpft.

Am Abend ging Schamschur auf Patrouille an die Grenze. Als sie eine kleine Schlucht an der Straße fanden, wo der kalte Wind nicht vom Fluss her wehte, legten sich die beiden und ein weiterer alter Soldat mit ihren Maschinengewehren zwischen den Beinen hin. Der dritte Mann, ein junger Soldat, der erst seit ein paar Monaten auf dem Außenposten diente, wurde von den „Großvätern“ beauftragt, den Schlaf der „Alten“ zu bewachen und die Umgebung im Auge zu behalten. Der junge Soldat, oder „Hindu“ im Armeejargon, legte sich an den Rand der Schlucht und starrte in die Dunkelheit.

Schamschurs Partner war sein guter Kamerad Sergej Jermilow. Er wurde bei der gleichen Einberufung wie Roman aus den Vororten von Moskau

Роман. Они сдружились ещё в учебке и когда пришло время распределения по заставам попросились служить вместе. Впоследствии им очень редко удавалось попасть вместе в один наряд. Ермилова почти сразу же назначили кочегаром, а представители этой воинской специальности пользовались определёнными привилегиями и в наряды ходили редко.

На каждой заставе имелось по два кочегара. В отопительный период они работали, меняясь через сутки. Заступивший с вечера на смену кочегар натаскивал в котельную угля и дров и начинал колдовать около топки.

При всей, казалось бы, простоте труд кочегара был делом, требующим предельного внимания и отменной сноровки. Множество хитростей и тонкостей сопровождали работу около котла. Стоило только зазеваться, бросить слишком мало или слишком много угля, поставить шторы поддувала под неправильным углом, как огонь в котле угасал, и температура в помещениях падала, приводя в бешенство особо изнеженных «дембелей». Прежде чем в совершенстве освоить столь хлопотное дело, Ермилову довелось не раз получать от недовольных его работой старослужащих пинки и оплеухи.

Помимо этого, кочегары, раз в неделю, топили баню. Правильно растопить баню, то есть создать в парилке самую оптимальную температуру, а в баках горячую воду, считалось, вообще, высшим пилотажем. В конце концов, Ермилов освоил и эту нелёгкую науку, чем добился к себе заслуженного уважения.

Во время всего отопительного сезона оба кочегара находились на переднем крае борьбы с холодом, и заниматься своим внешним видом им было недосуг. К весне их

eingezogen. Noch im Ausbildungslager freundeten sie sich an, und als es an der Zeit war, den Außenposten zugewiesen zu werden, baten sie darum, gemeinsam zu dienen. Später schafften sie es nur noch selten, zusammen in einer Einheit zu sein. Jermilow wurde fast sofort zum Heizer ernannt, ein Beruf, der gewisse Privilegien genoss und selten im Dienst war.

Auf jedem Außenposten gab es zwei Heizer. Während der Heizperiode wechselten sie jeden zweiten Tag. Der Heizer, der seine Schicht am Abend begann, brachte Kohle und Brennholz in den Kesselraum und begann mit der Arbeit rund um den Ofen.

Obwohl scheinbar einfach, war die Arbeit eines Heizer eine Sache, die äußerste Aufmerksamkeit und großes Geschick erforderte. Es gab viele Tricks und Kniffe bei der Arbeit rund um den Kessel. Es genügte, einen Fehler zu machen, zu wenig oder zu viel Kohle einzuwerfen, die Fensterläden in den falschen Winkel zu stellen, schon erlosch das Feuer im Kessel, und die Temperatur in den Räumen sank, was besonders die verwöhnten „künftigen Reservisten“ in Rage brachte. Bevor Jermilow diese mühsame Aufgabe perfekt gemeistert hatte, wurde er von den mit seiner Arbeit unzufriedenen Altgedienten mehrfach getreten und geohrfeigt.

Außerdem heizten die Heizer einmal in der Woche die Banja auf. Die Banja richtig zu heizen, d.h. eine optimale Temperatur im Dampfbad und heißes Wasser in den Becken zu erzeugen, galt als Kunststück. Am Ende meisterte Jermilow diese schwierige Wissenschaft, was ihm den verdienten Respekt einbrachte.

Während der gesamten Heizperiode standen die beiden Heizer an vorderster Front im Kampf gegen die Kälte, und sie hatten keine Zeit für ihr Äußeres. Im Frühjahr waren ihre Uniformen schwarz

обмундирование становилось чёрным от копоти и угольной пыли, да и сами они не могли похвастать белизной лица. Только к окончательному приходу тепла, когда огонь в топке котла гас, кочегары приводили себя в божеский вид — они отмывались и полностью меняли обмундирование.

Шамшур так привык, в течение всей зимы, видеть своего друга чумазым, что никак не мог принять его нынешний чистый вид. При свете луны он периодически посматривал на своего товарища, как будто лишний раз старался удостовериться, что это именно он.

— Ты чего башкой вертишь? Спи, давай, — произнёс Ермилов, заметив, что друг никак не может улечься.

— Да неудобно тут. Надо было хоть веток каких-то подстелить. Я вот удивляюсь тебе — как ты можешь спать на камнях!?

Ермилов ухмыльнулся:

— Очень просто. Ты видел, где я спал в кочегарке? Прямо на куче угля. Так что у меня тело натренированное, не то, что у тебя, неженки.

— Чего? Это я-то неженка!? Да пока ты дрых у себя в кочегарке, я охранял рубежи нашей родины!

— Хе-хе-хе! Слышал я, как ты охранял рубежи нашей родины! Это можно было определить по храпу! Как только слышишь храп со стороны границы, так и знай, это Ромка охраняет рубежи нашей родины. Мне даже в кочегарку было слышно, как ты храпишь!

— Ах ты сволочь замурзанная! — возмутился Шамшур и попытался ткнуть кочегара кулаком в бок. Тот ловко перехватил руку и дёрнул её в сторону. Оба, смеясь, покатались на дно овражка. Сверху из темноты послышался голос молодого солдата:

von Ruß und Kohlenstaub, und sie waren auch nicht gerade weiß im Gesicht. Erst mit dem endgültigen Eintreffen der Hitze, als das Feuer im Kesselofen erloschen war, brachten sich die Heizer in eine akzeptable Form - sie wuschen sich und wechselten ihre Uniformen vollständig.

Schamschur war so daran gewöhnt, seinen Freund den ganzen Winter über verschmutzt zu sehen, dass er sein jetziges sauberes Aussehen nicht akzeptieren konnte. Im Licht des Mondes warf er von Zeit zu Zeit einen Blick auf seinen Begleiter, als wolle er sich vergewissern, dass er es war.

- Warum drehst du deinen Kopf? Schlaf weiter, - sagte Jermilow und bemerkte, dass sein Freund sich nicht beruhigen konnte.

- Hier ist es nicht gemütlich. Man hätte wenigstens ein paar Zweige ausbreiten sollen. Ich frage mich, wie du auf den Steinen schlafen kannst!

Jermilow grinste:

- Ganz einfach. Hast du gesehen, wo ich im Heizungsraum geschlafen habe? Direkt auf einem Haufen Kohle. Ich habe also einen trainierten Körper, nicht wie du, Weichei.

- Was? Ich bin ein Weichei!? Während du in deinem Heizungsraum geschlafen hast, habe ich die Grenzen unseres Landes bewacht!

- Hih! Ich habe gehört, wie du die Grenzen unseres Landes bewachst! Das konnte man am Schnarchen erkennen! Sobald man Schnarchen von der Grenze hört, weiß man, dass es Romka ist, der die Grenzen unseres Vaterlandes bewacht. Ich konnte dich sogar im Heizungsraum schnarchen hören!

- Ach, du eingedreckter Lump! - Schamschur war entrüstet und versuchte, dem Heizer mit der Faust in die Seite zu stoßen. Er fing seine Hand geschickt ab und riss sie weg. Die beiden rollten lachend die Schlucht hinunter. Die Stimme eines jungen

— Пацаны, вы чего там?
— Ничего, товарищ боец. Всё в порядке, — ответил Ермилов, вставая и отряхиваясь. — А у тебя что-то видно?

— Не-а!

— Продолжаем, товарищ боец, следить за обстановкой и в случае обнаружения чего-то подозрительного докладывать старшему наряда, — наставительно произнёс кочегар. Ему нравилось говорить с «индусом» таким тоном.

Оба «деда» поднялись и снова легли на прежнее место.

— Может, ты храпом контрабандистов распугивал? — попытался продолжить тему Ермилов, но его друг только угукнул в ответ.

Дурачиться и подкалывать друг друга они умели, но помимо этого они могли и по душам поговорить. Шамшур часто приходил к Ермилову в кочегарку, и они подолгу разговаривали о жизни, вспоминали гражданку и делились планами на будущее. Кочегар понял, что сейчас наступил момент поговорить серьёзно.

— Случилось что, Ромка?

— Да, — ответил сослуживец. — Я сегодня утром на правом фланге такое чудо встретил. До сих пор не могу забыть.

Ермилов повернулся:

— Какое чудо?

— Девушку.

— Ты чего, заболел? — кочегар приложил руку ко лбу Шамшура. Тот отмахнулся. — Какую ещё девушку? Где ты тут видел девушек?

Он сел и развёл руками, оглядываясь по сторонам, как будто

Soldaten war von oben in der Dunkelheit zu hören:

- Leute, was macht ihr denn da?

- Nichts, Genosse Soldat. Alles ist in Ordnung, - antwortete Jermilow, stand auf und schüttelte sich. - Und du hast irgendwas gesehen?

- Nee-ah!

- Wir fahren fort, Kamerad Soldat, die Lage zu überwachen und, wenn etwas Verdächtiges gefunden wird, dem Vorgesetzten des Trupps Bericht zu erstatten, - sagte der Heizer mahnend. Er sprach gerne mit dem "Hindu" in diesem Tonfall.

Beide „Großväter“ standen auf und legten sich wieder an ihren ursprünglichen Platz.

- Vielleicht hast du die Schmuggler durch dein Schnarchen verscheucht? - Jermilow versuchte, das Thema fortzusetzen, aber sein Freund grinste nur zurück.

Sie konnten herumalbern und sich gegenseitig necken, aber abgesehen davon konnten sie auch ein Gespräch von Herz zu Herz führen. Schamschur kam oft zu Jermilow in den Heizungsraum, und sie sprachen ausführlich über das Leben, erinnerten sich an das Zivilleben und teilten Pläne für die Zukunft. Der Heizer erkannte, dass es jetzt an der Zeit war, ernsthaft zu reden.

- Was ist passiert, Romka?

- Ja, - antwortete sein Kamerad. - Einem solchen Wunder bin ich heute Morgen auf der rechten Grenzseite begegnet. Ich kann es immer noch nicht vergessen.

Jermilow drehte sich um:

- Welches Wunder?

- Das Mädchen.

- Bist du etwa krank? - Der Heizer legte seine Hand auf Schamschurs Stirn. Der winkte ab. - Welches Mädchen? Wo hast du hier Mädchen gesehen?

Er setzte sich auf, breitete die Arme aus und schaute sich um, als wolle er

хотел лишний раз удостовериться в отсутствии девушек.

— Представь себе, девушка!
Пасла овец и с ней ещё две родственницы.

— Ну, и...?

— Я её как увидел — обалдел! До сих пор не могу забыть.

— Такая страшная, что ли?

— Нет, наоборот, очень красивая!

Кочегар с интересом уставился на сослуживца. В его голове не укладывалось, как это его товарищ ухитрился встретить в этой тьмутаракани девушку, да ещё и красивую.

— Она русская? — допустил он мысль, которая хоть как-то объясняла происходящее. — Откуда она?

— Она из Нахичевани.
Азербайджанка.

— Как, азербайджанка!? — вскричал Ермилов. — Они же все усатые!

Утверждение, что здешние женщины усатые было одним из очень стойких стереотипов, внушаемых друг другу солдатами, начиная с первых дней службы. Откуда повелось это глупое мнение — непонятно, но оно кочевало из призыва в призыв, отбивая охоту даже смотреть в сторону местных баб.

Ещё вчера Шамшур согласился бы с этим утверждением, но после утренней встречи насмешливые слова товарища показались ему оскорбительными. Он резко отвернулся и замолчал.

— Нет, подожди! — не унимался кочегар. — Ты хочешь сказать, что сегодня утром ты встретил на фланге девушку неземной красоты, и эта девушка — мамедка!? Слушай, Ромка, а ты случайно не влюбился?

sich vergewissern, dass keine Mädchen da waren.

- Stell dir vor, ein Mädchen! Sie hütete Schafe und zwei weitere weibliche Verwandte mit ihr.

- Nun, und...?

- Ich sah sie und war fassungslos! Ich kann sie immer noch nicht vergessen.

- War sie hässlich oder so?

- Nein, im Gegenteil, sie ist sehr schön!

Der Heizer starrte seinen Kollegen interessiert an. Er konnte nicht verstehen, wie sein Freund in dieser tiefsten Provinz ein schönes Mädchen treffen konnte.

- Ist sie Russin? - räumte er gedanklich ein, was irgendwie erklärte, was vor sich ging. - Woher kommt sie?

- Sie kommt aus Nachitschewan. Sie ist Aserbaidshanerin.

- Was, eine Aserbaidshanerin!? - rief Jermilow. - Sie haben alle einen Schnurrbart!

Die Behauptung, dass die Frauen hier schnauzbärtig seien, gehörte zu den sehr hartnäckigen Stereotypen, die sich die Soldaten seit den ersten Tagen ihres Dienstes gegenseitig einflößten. Es ist nicht klar, woher dieser törichte Glaube kam, aber er wanderte von Einberufung zu Einberufung und entmutigte sie, auch nur in die Richtung der einheimischen Frauen zu schauen.

Gestern hätte Schamschur dieser Aussage noch zugestimmt, aber nach dem Treffen heute Morgen erschienen ihm die spöttischen Worte seines Kameraden als Beleidigung. Er wandte sich abrupt ab und verstummte.

- Nein, warte! - sagte der Heizer. - Du willst mir sagen, dass du heute Morgen ein Mädchen von überirdischer Schönheit an der Grenzseite kennen gelernt hast, und dieses Mädchen ist eine Mami! Hör mal, Romka, bist du nicht verliebt?

— Да! Только тебе этого не понять!
— зло буркнул Шамшур, не поворачиваясь.

— Да уж, куда мне!

Ермилов был парень ушлый и успел до армии погулять на славу. Догулялся он до того, что на проводах две девчонки одновременно, естественно, не догадываясь о существовании друг друга, готовились сесть рядом с ним за стол на правах возлюбленной. Чтобы избежать конфуза, он переругался с обеими и ушёл служить совершенно свободным от каких-либо обязательств.

Правда, вскоре он об этом пожалел. Видя, как некоторые его товарищи чуть ли не каждый день получали письма от любимых, Ермилов стал им завидовать. Через пару недель он написал покаянное письмо вначале одной подружке, а затем, не дождавшись ответа, точно такое же послание отправил другой своей пассии. К его удивлению, обе девушки откликнулись и завалили его письмами.

Всё было бы хорошо, но через год активной переписки произошла катастрофа! Подмосковный городок, где жил Ермилов, был небольшой и вероятность того, что обе его зазнобы когда-нибудь встретятся, была довольно высокая. Несмотря на это казанова мужественно дурил головы обеим девицам. Увы, сколько бы веревочке не виться, конец всегда найдётся.

Для истории осталось загадкой, при каких обстоятельствах познакомились обе возлюбленные Ермилова, но неопровержимым доказательством этого факта стало письмо, написанное ими обеими. В этом письме они высказали всё, что о нём думают и пообещали при встрече оторвать ему то, что каждый мужчина особенно бережёт! Судя по всему, девицы были бедовые, потому что

- Ja! Nur du würdest das nicht verstehen! - Schamschur brummte wütend, ohne sich umzudrehen.

- Ja, wo bin ich!

Jermilow war ein cleverer Kerl und hatte eine gute Zeit vor der Armee. Das ging so weit, dass sich bei der Verabschiedung gleich zwei Mädchen, die natürlich nichts von der Existenz des jeweils anderen wussten, anschickten, als seine Liebsten neben ihm am Tisch zu sitzen. Um Peinlichkeiten zu vermeiden, stritt er sich mit beiden und ging völlig unbelastet in den Dienst.

Er bereute es jedoch bald. Als er sah, wie einige seiner Kameraden fast täglich Briefe von ihren Lieben erhielten, wurde Jermilow neidisch auf sie. Nach ein paar Wochen schrieb er einen reinigen Brief zuerst an eine Freundin, und dann, ohne eine Antwort abzuwarten, schickte er die gleiche Nachricht an die andere seiner Geliebten. Zu seiner Überraschung antworteten beide Mädchen und überschwemmten ihn mit Briefen.

Alles wäre gut gewesen, aber nach einem Jahr aktiver Korrespondenz schlug die Katastrophe zu! Die Stadt in der Nähe von Moskau, in der Jermilow lebte, war klein und die Wahrscheinlichkeit, dass sich seine beiden Liebsten jemals treffen würden, war ziemlich hoch. Trotzdem hatte der Casanova den Mut, die Köpfe der beiden Mädchen zu täuschen. Doch egal wie lang das Seil gedreht ist, es gibt immer ein Ende.

Es ist ein Rätsel der Geschichte, unter welchen Umständen sich die beiden Liebenden von Jermilow trafen, aber ein unwiderlegbarer Beweis für diese Tatsache ist ein Brief, den beide geschrieben haben. In diesem Brief drückten sie alles aus, was sie über ihn dachten und versprachen, ihm das zu entreißen, was jeder Mann besonders schätzt! Offenbar waren die Mädchen in Schwierigkeiten, denn Jermilow nahm

Ермилов отнёсся к их угрозам со всей серьёзностью и заявил другу, что после армии в свой родной город не вернётся.

В тайне кочегар надеялся, что встретит когда-нибудь такую девушку, любовь к которой целиком заполнит его сердце, не оставив там места ни для кого более. Когда и где это произойдёт, он не знал. Одно он знал точно — это будет не азербайджанка. В местную овцепаску мог влюбиться только такой неизлечимый романтик, как этот хохол Ромка Шамшур. Ермилову стало интересно, что же там за девушка такая, что его друг не может уснуть, думая о ней.

— Ладно, Ромка, не дуйся. Я же её не видел. Вот если увижу, то может, тоже влюблюсь. Только ты учти, у тебя тогда шансов никаких. Я сразу же покорю её своим чертовским обаянием!

Шамшур улыбнулся. Долго обижаться на товарища он не мог. В знак дружбы он ткнул его кулаком в бок, и тот милостиво позволил ему это сделать.

— А зовут её как? — снова укладываясь, спросил Ермилов.

— Джамилля. Что, плохое имя?

— Да, нет. Нормальное. Непривычное, правда. Сколько ей лет?

— Пятнадцать.

— Что! — заорал кочегар и снова вскочил. — Ты совсем чокнулся! Она ведь — малолетка! Что ты с ней будешь делать?

— Да пошёл ты! — резко и зло бросил Шамшур.

— Товарищи деды, — послышалось сверху, — я, конечно, извиняюсь, но вы так орёте, что, наверное, в Иране слышно. Мы вроде как на границе находимся.

ihre Drohungen ernst und sagte seinem Freund, dass er nach der Armee nicht in seine Heimatstadt zurückkehren würde.

Der Heizer hoffte insgeheim, dass er eines Tages ein Mädchen treffen würde, dessen Liebe sein Herz ganz ausfüllen und keinen Platz für jemand anderen lassen würde. Wann und wo das geschehen würde, wusste er nicht. Eines wusste er jedoch - es würde sich nicht um eine Aserbaidtschanerin handeln. Nur ein unheilbarer Romantiker wie dieser Ukrainer, Romka Schamschur, konnte sich in eine einheimische Schafhirtin verlieben. Jermilow fragte sich, was für ein Mädchen da war, das sein Freund nicht schlafen konnte, wenn er an sie dachte.

- Schon gut, Romka, schmoll nicht. Ich habe sie nicht gesehen. Wenn ich das tue, werde ich mich vielleicht auch verlieben. Denk nur daran, dass du dann nicht die geringste Chance hast. Ich werde sie sofort mit meinem gewaltigen Charme für mich gewinnen!

Schamschur lächelte. Er konnte nicht lange einen Groll gegen seinen Kameraden hegen. Als Zeichen der Freundschaft stieß er ihm mit der Faust in die Seite und dieser ließ es gnädig zu.

- Und wie heißt sie? - fragte Jermilow und legte sich wieder hin.

- Djamila. Was, kein guter Name?

- Ja, nein. Es ist alles in Ordnung. Ungewöhnlich, allerdings. Wie alt ist sie?

- Fünfzehn.

- Was!, - rief der Heizer und sprang wieder auf. - Du bist ja völlig verrückt geworden! Sie ist ein Kind! Was wirst du mit ihr machen?

- Fick dich!, - sagte Schamschur, scharf und wütend.

- Genossen Großväter, - hörte man von oben, - ich entschuldige mich natürlich, aber ihr schreit so sehr, dass man es wahrscheinlich im Iran hören kann. Wir sind sozusagen an der Grenze.

— Ох, и дурак ты, Рома, —
понижил голос Ермилов и отвернулся.

— Давай спать.

ГЛАВА 3

Утром никто не вспоминал о ночном разговоре. Вернувшись на заставу, старший наряда рядовой Шамшур бодро отрапортовал, что за время «бдительного» несения службы никаких происшествий не произошло, и государственная граница на вверенном им участке так и осталась священной и неприкосновенной. Замначальника заставы по боевой части лейтенант Равиль Газаев доклад принял, после чего отправил военнослужащих спать. В общем, оба друга от недосыпания не страдали.

Перед тем как снова заснуть, Шамшур подумал, что было бы хорошо, если бы ему во сне явилась Джамила. С мыслью о девушке он и проснулся. Вчерашний день уже не казался таким ярким. Шамшур даже подумал: не приснилось ли ему всё это? Случается ведь так, что после пробуждения человек ещё какое-то время пребывает в ошибочном мнении, что только что увиденный сон — это явь. Может и девушка, встреченная им на правом фланге, это всего лишь фантазия из его сновидений. Задумавшись, солдат стал вспоминать подробности вчерашней встречи. От этого сладко заныло в сердце. Нет, это был не сон!

Да, что же это такое! Неужели он и впрямь такой неисправимый романтик!? Шамшур сел на кровати и решил взглянуть на это дело по-иному. В конце концов, что он так о ней думает!? Ну, встретил местную смазливую девицу! Ну, понравилась

- Oh, du bist ein Dummkopf, Roma, -
Jermilow senkte seine Stimme und wandte sich ab.

- Lass uns schlafen gehen.

KAPITEL 3

Am Morgen erinnerte sich niemand mehr an das Gespräch der Nacht. Bei der Rückkehr zum Außenposten berichtete der rangälteste der Patrouille, Soldat Schamschur, freudig, dass es während seines „wachsamen“ Dienstes keine Zwischenfälle gegeben habe und die Staatsgrenze in dem ihnen anvertrauten Gebiet heilig und unantastbar sei. Leutnant Rawil Gasajew, stellvertretender Leiter des Außenpostens, nahm den Bericht entgegen und schickte die Soldaten zum Schlafen. Im Allgemeinen litten die beiden Freunde nicht unter Schlafentzug.

Bevor er wieder einschlief, dachte Schamschur, dass es gut wäre, wenn ihm Djamila im Schlaf erscheinen würde. Er wachte auf und dachte an das Mädchen. Der Tag zuvor schien nicht mehr so hell zu sein. Schamschur fragte sich sogar, ob er das alles nicht geträumt hatte. Es kann vorkommen, dass ein Mensch nach dem Erwachen immer noch den irrigen Eindruck hat, dass der Traum, den er gerade erlebt hat, eine Realität ist. Vielleicht ist das Mädchen, das er auf der rechten Grenzseite getroffen hat, nur ein Hirngespinnst aus seinen Träumen. Nachdenklich begann der Soldat, sich an die Details der gestrigen Begegnung zu erinnern. Das ließ sein Herz süßlich schmerzen. Nein, es war kein Traum!

Ja, was ist denn das? War er wirklich so ein unverbesserlicher Romantiker!? Schamschur setzte sich auf das Bett und beschloss, die Angelegenheit anders zu betrachten. Was hat er schließlich so von ihr gedacht!? Nun, er hat ein hübsches Mädchen aus der

она ему! Ну, и что? Что, после этого только и думать, что о ней? Чушь какая-то! Короче, надо избавляться от этого наваждения! Но как?

Шамшур почесал ногу, уставившись в одну точку. Поразмыслив, он пришёл к выводу, что лучший способ избавиться от иллюзий, это увидеть девочку ещё раз и убедиться, что она обычная, ничем не примечательная азербайджанка, а его вчерашнее впечатление — это просто разыгравшие гормоны. Шамшур встал с твёрдым решением, что так и поступит.

Ближе к вечеру, проходя мимо дежурки, Шамшур заглянул туда и увидел дежурного по заставе младшего сержанта Кузнецова. Тот грыз карандаш и со страдальческим выражением лица смотрел на лист бумаги, лежащий перед ним. Это был черновик боевого расчёта на следующий день.

У Кузнецова были проблемы. По сложившейся на заставе традиции боевой расчёт, то есть список: кто, когда, где и в каком наряде будет служить, составлялся не офицерами, а дежурным сержантом. Уже готовый боевой расчёт клался на стол начальнику заставы и тот, проверив его и иногда подправив, заносил в специальный журнал.

Когда дежурным по заставе заступал старослужащий, то особых проблем не возникало. Все принимали факт своего назначения в тот или иной наряд как должное. Когда же дежурным оказывался молодой сержант, около боевого расчёта начиналась суeta. Каждый, кто прослужил больше сержанта, считал своим долгом потребовать,

Gegend getroffen! Er mochte sie also! Ja und? Und was, danach denkt er nur noch an sie? Das ergibt doch keinen Sinn. Wie auch immer, wir müssen uns von dieser Besessenheit befreien! Aber wie?

Schamschur kratzte sich am Bein und starrte auf einen Punkt. Beim Nachdenken kam er zu dem Schluss, dass der beste Weg, seine Illusionen loszuwerden, darin bestand, das Mädchen noch einmal zu sehen und sich zu vergewissern, dass sie eine gewöhnliche, unauffällige Aserbajdschanerin war, und dass sein gestriger Eindruck nur leichtsinnig gewordene Hormone waren. Schamschur stand auf, mit dem festen Entschluss, dass er dies tun würde.

Gegen Abend, als er an der Wachstube vorbeikam, schaute Schamschur hinein und sah den diensthabenden Unteroffizier Kusnezow. Er nagte an einem Bleistift und blickte mit schmerzverzerrter Miene auf das vor ihm liegende Blatt Papier. Es war der Entwurf der Kampfbesatzung für den nächsten Tag.

Kusnezow hatte ein Problem. Traditionell wurde auf dem Vorposten der Kampfbesatzung, also die Liste, wer, wann, wo und welchen Dienst leisten würde, nicht von den Offizieren, sondern vom diensthabenden Unteroffizier erstellt. Der vorbereitete Bericht wurde auf den Schreibtisch des Leiters des Außenpostens gelegt, der ihn nach Überprüfung und gelegentlicher Korrektur in ein spezielles Protokollbuch eintrug.

Wenn ein alter Soldat auf dem Außenposten Dienst hatte, gab es kein Problem. Jeder nahm seine Zuordnung zu dieser oder jener Einteilung als selbstverständlich hin. Wenn ein junger Unteroffizier im Dienst war, begann ein Wirbel um die Kampfmannschaft. Jeder, der mehr als Unteroffizier gedient hatte, sah es als seine Pflicht an, zu verlangen, der Einheit zugeteilt zu

чтобы его поставили именно в тот наряд, который он хотел. Удовлетворить все пожелания было невероятно сложно.

Младший сержант Кузнецов был как раз военнотружущим первого года службы. Составление боевого расчёта с учётом пожеланий «дедов» и «дембелей» казалось ему сложностью на уровне высшей математики. Он заполнил листок только наполовину — фамилий заставских авторитетов было больше, чем популярных видов наряда.

Когда дело дошло до назначения в состав передвижного поста наблюдения на правый фланг младший сержант загрустил. Наряд был нелюбим всеми. Вместо того чтобы где-нибудь залечь и переждать время, как это делали часовые границы по ночам, или пробежаться за два-три часа по флангу и вернуться обратно, как в дозоре, бойцы обязаны были маячить на границе почти целый день и постоянно передвигаться.

Даже служба на наблюдательной вышке или часовым на заставе была для многих предпочтительней. На вышке не приходилось бить ноги и жариться под палящим солнцем. Там можно было втихаря что-нибудь почитать или написать письмо; на худой конец, просто поглазеть в двенадцатикратный бинокль, наблюдая за сопредельной территорией или за окраинами соседнего с заставой азербайджанского села. Часовой же на заставе, если он был старотружущим, тоже чувствовал себя неплохо. Он мог, проходя мимо окна кухни, разжиться там кружечкой сладкого чая или покурить в укромном месте с кем-то из своих товарищей, поговорив на злободневные темы.

werden, die er wollte. Es war unglaublich schwierig, alle Anforderungen zu erfüllen.

Unteroffizier Kusnezow war ein Soldat im ersten Jahr. Die Zusammenstellung der Kampfliste unter Berücksichtigung der Wünsche der „Großväter“ und „künftige Reservisten“ schien ihm eine Schwierigkeit auf dem Niveau der höheren Mathematik. Er füllte nur die Hälfte des Blattes aus - es gab mehr Namen von Zastawka - Behörden als beliebte Arten von Einteilungen.

Als es darum ging, einem mobilen Beobachtungsposten an der rechten Grenzseite zugeteilt zu werden, wurde der Unteroffizier betrübt. Die Einteilung war bei allen unbeliebt. Anstatt sich irgendwo hinzulegen und die Zeit abzuwarten, wie es die Grenzsoldaten in der Nacht taten, oder zwei oder drei Stunden um die Grenzseite herumzulaufen und zurückzukommen, wie bei einer Patrouille, waren die Männer gezwungen, fast den ganzen Tag an der Grenze herumzustehen und sich ständig zu bewegen.

Auch der Dienst in einem Beobachtungsturm oder als Wache in einem Außenposten war vielen lieber. Im Turm musste man sich nicht die Beine vertreten und sich in der prallen Sonne aufheizen. Dort konnte man etwas lesen oder heimlich einen Brief schreiben; zumindest konnte man einfach durch ein Zwölf-Punkt-Fernglas auf das benachbarte Territorium oder auf den Rand des benachbarten aserbajdschanischen Dorfes blicken. Auch der Wachposten am Außenposten, wenn er ein alter Soldat war, hatte ein gutes Gefühl. Er konnte am Küchenfenster vorbeigehen und sich eine süße Tasse Tee holen oder mit einem seiner Kameraden an einem abgelegenen Ort eine Zigarette rauchen und über aktuelle Angelegenheiten sprechen.

Факт, что так нелюбимый всеми наряд был на правый фланг, ещё больше уменьшал его привлекательность. Правый фланг был длиннее левого на три километра, а местность — куда рельефнее. Именно поэтому пограничникам приходилось постоянно переходить с места на место, чтобы не прошляпить местных проходимцев, промышлявших мелкой контрабандой, или ещё хуже, пропустить офицерскую проверку.

Шамшур сразу догадался о трудностях Кузнецова:

— Что, Кузнечик, мучаешься? Некого на правый фланг поставить?

— Угу, — печально вздохнул дежурный по заставе.

— Поставь меня.

Младший сержант не верил своим ушам. «Дед» предлагал себя назначить в самый паршивый наряд. Кузнецов насторожился, подозревая провокацию.

— Ты же вчера ходил на правый фланг?

— Ну, и что? То же был дозор, а это передвижной наблюдательный пост. Давай, давай ставь, пока я не передумал!

Шамшур достал пачку «Явы» и выбил из неё сигарету:

— Курить будешь?

Кузнецов молча взял сигарету и, кивнув в знак благодарности, сунул её за ухо. «Классный чувак — этот Шамшур!» — с тихой радостью подумал он. Дальше составление боевого расчёта пошло веселее.

На следующий день вышли на правый фланг довольно поздно. Солнце уже припекало, и солдаты не стали одевать, порядком поднадоевшие за зиму, бушлаты.

Die Tatsache, dass die so allgemein ungeliebte Einteilung auf der rechten Grenzseite lag, machte sie noch weniger attraktiv. Die rechte Grenzseite war drei Kilometer länger als die linke, und das Gelände war viel unwegsamer. Aus diesem Grund mussten sich die Grenzer ständig von Ort zu Ort bewegen, um sicherzustellen, dass sie keine einheimischen Schurken beim Schmuggeln übersehen oder, schlimmer noch, die Kontrolle eines Offiziers verpassen.

Schamschur erahnte sofort Kusnezows missliche Lage:

- Was, Grashüpfer, leidest du?

Keiner für die rechte Grenzseite?

- Hmm, - seufzte der diensthabende Mann traurig.

- Stell mich ein.

Der Unteroffizier konnte seinen Ohren nicht trauen. Ein „Großvater“ bot sich an, um der lausigsten Einteilung zugewiesen zu werden. Kusnezow wurde misstrauisch und vermutete eine Provokation.

- Warst du gestern nicht auf der rechten Grenzseite?

- Nun, was soll's? Das war eine Patrouille, und dies ist ein mobiler Beobachtungsposten. Komm schon, komm schon, bevor ich es mir anders überlege!

Schamschur nahm eine Packung „Jawa heraus und klopfte eine Zigarette raus:

- Willst du eine rauchen?

Kusnezow nahm schweigend die Zigarette und schob sie mit einem dankenden Nicken hinter sein Ohr. „Cooler Typ - dieser Schamschur!“ - dachte er mit stiller Freude. Im weiteren Verlauf verlief die Bildung der Kampfmannschaft in einer eher heiteren Art und Weise.

Am nächsten Tag kamen die Männer ziemlich spät an die rechte Grenzseite. Die Sonne brannte bereits, und die Soldaten zogen ihre Jacken nicht an, die im Winter so lästig geworden waren.

Шамшура опять назначили старшим наряда. Оба его подчинённых, молодые бойцы, шли впереди на дистанции друг от друга, соблюдая все инструкции. После получасовой ходьбы далеко в зарослях показались фигуры. Это был утренний дозор, возвращавшийся на заставу. Шамшур наблюдал, как поведут себя «индусы». Те заметили дозор только через минуту после того, как его засёк старший наряда. «Олухи! Пока лбами не столкнутся, друг друга не увидят!» — с раздражением подумал Шамшур.

В дозоре первым шёл тоже «индус». Приблизившись друг к другу на расстояние до полусотни метров, впередиидущие разыграли комедию под названием «Пропуск — отзыв». Это когда один из них присев, снимает автомат, как будто готовится к стрельбе, и спрашивает у встречного пароль, а тот, остановившись и тоже изготавившись для стрельбы, этот пароль ему называет. Затем он в свою очередь интересуется отзывом, и первый боец даёт ему соответствующий ответ. Такую процедуру по правилам требовалось проводить ночью или днём при очень плохой видимости, но, чтобы молодняк не расслаблялся, его обязали это делать всегда.

Оба наряда сошлись. Закурили.

— Что тут, всё спокойно? Местных не видно? — как бы невзначай спросил Шамшур.

— Да, вроде, нет никого. Ночью кабан на дозорную тропу выходил. Его пацаны засекли в прибор ночного видения, но ветер дул с их стороны, поэтому они ближе даже не пытались подойти.

Schamschur wurde wieder mit der Leitung der Einteilung beauftragt. Seine beiden Untergebenen, junge Soldaten, liefen in einem gewissen Abstand voraus und befolgten alle Anweisungen. Nach einer halben Stunde Fußmarsch erschienen Gestalten weit entfernt im Dickicht. Es war die Morgenpatrouille, die zum Außenposten zurückkehrte. Schamschur beobachtete, wie sich die „Hindus“ verhalten würden. Diese entdeckten die Patrouille nach einer Minute, nachdem er vom Leiter der Einteilung entdeckt worden war. „Die Tölpel! Bis sie sich die Köpfe stoßen, werden sie sich nicht sehen!“ - dachte Schamschur irritiert.

Der erste in der Patrouille war auch ein „Hindu“. Als sie sich einander bis auf fünfzig Meter genähert hatten, führten die beiden vor ihnen eine Komödie auf, die sich „Parole-Rückmeldung“ nannte. Als einer von ihnen seine Maschinenpistole abnahm, als ob er sich zum Schießen vorbereiten wollte, und den anderen nach der Parole fragte, blieb der andere stehen, bereitete sich zum Schießen vor und gab ihm die Parole. Dann erkundigt er sich seinerseits nach der Rückmeldung und der erste Soldat gibt ihm die entsprechende Antwort. Die Regeln sahen vor, dass eine solche Prozedur nachts oder tagsüber, wenn die Sicht sehr schlecht war, durchgeführt werden musste, aber damit die jungen Männer es nicht auf die leichte Schulter nahmen, waren sie verpflichtet, sie jederzeit durchzuführen.

Beide Einteilungen trafen aufeinander. Sie steckten sich eine an.

- Alles ruhig hier? Keine Einheimischen in Sicht? - fragte Schamschur wie beiläufig.

- Ja, es scheint niemand hier zu sein. Letzte Nacht kam ein Wildschwein auf den Patrouillenweg. Die Jungs sahen es mit einem Nachtsichtgerät, aber der Wind wehte von ihrer Seite, also versuchten sie gar nicht erst, näher heranzukommen.

В другой раз Шамшур поподробнее бы расспросил о ночном появлении кабана, но сейчас тот его совсем не интересовал. Впереди было ещё семь часов непрерывного бдения, и он надеялся, что это время пройдёт не зря.

Тот день молодые бойцы, оказавшиеся в одном наряде с Шамшуром, запомнили особенно. Их старший не находил себе место. Он как гончая делал зигзаги по всему правому флангу. Нигде не задерживаясь и пяти минут, Шамшур кидался к любой овце, появлявшейся за рубежом прикрытия. Он проверял каждую впадину, каждый спуск к реке в надежде встретить там девушку, но всё было тщетно. К вечеру он вернулся на заставу в мрачном расположении духа.

Прошло почти две недели, в течение которых Шамшур постепенно успокоился. Он начал с иронией относиться к своему недавнему увлечению. Шутки, отпускаемые Ермиловым по этому поводу, уже не злили его, и он даже начал подыгрывать другу.

— Ну, что, Ромео, где твоя Дездемона!? — кочегар был весьма поверхностно знаком с творчеством великого драматурга.

— Ты хотел сказать Джульетта?

— Ну, да! Точно, Джульетта! Где твоя Джульетта кавказского разлива!

— Не знаю. Надеюсь, что встретила Отелло.

— Ух, ты какой злой! Не надо, Рома, огорчаться. Подумай сам — кто ты, а кто она. Ты через полгода вернёшься домой к себе на Украину, а она так и останется здесь кизяки овечьи месить.

— Она не останется, — заметил Шамшур. — Она из города.

— Так, что она тут делала?

Bei einer anderen Gelegenheit hätte sich Schamschur ausführlich über das nächtliche Erscheinen des Wildschweins erkundigt, aber jetzt interessierte es ihn überhaupt nicht. Es lagen noch sieben Stunden ununterbrochener Wache vor ihm, und er hoffte, dass die Zeit nicht umsonst sein würde.

Die jungen Männer, die in der gleichen Einteilung wie Schamschur waren, erinnerten sich ganz besonders an diesen Tag. Ihr Ältester hat seinen Platz nicht gefunden. Er ist im Zickzack über die rechte Grenzseite gelaufen wie ein Jagdhund. Er blieb keine fünf Minuten irgendwo stehen, sondern eilte zu jedem Schaf, das außerhalb der Deckung auftauchte. Er prüfte jede Mulde, jeden Abstieg zum Fluss in der Hoffnung, das Mädchen dort zu treffen, aber alles war vergebens. Am Abend kehrte er in grimmiger Stimmung zum Außenposten zurück.

Es vergingen fast zwei Wochen, in denen sich Schamschur allmählich beruhigte. Er begann, seine jüngste Verliebtheit mit Ironie zu behandeln. Jermilows Witze darüber machten ihn nicht mehr wütend, und er begann sogar, mit seinem Freund mitzuspielen.

- Nun, Romeo, wo ist deine Desdemona?! - der Heizer hatte eine eher oberflächliche Kenntnis des Werkes des großen Dramatikers.

- Du meinst Julia?

- Nun, ja! Das stimmt, Julia! Wo ist deine kaukasische Julia?

- Ich weiß es nicht. Ich hoffe, sie hat Othello getroffen.

- Wow, du bist so wütend! Reg dich nicht auf, Roma. Denk darüber nach, wer du bist und wer sie ist. In sechs Monaten bist du wieder zu Hause in der Ukraine, und sie wird immer noch hier sein und Schafsmist kneten.

- Sie wird nicht bleiben, - bemerkte Schamschur. - Sie kommt aus der Stadt.

- Also, was hat sie hier gemacht?

— Наверное, в гости приезжала. Ты разве в детстве к бабушке в село не ездил?

— У меня нет родственников в селе. Мы все городские, — гордо заявил Ермилов.

— А у меня есть. Моя бабушка коз держала. Я когда пацаном приезжал к ней, она мне давала этих коз пасти. Бабушкин огород прямо к яру выходил. Там по склону везде были колышки вбиты. Я коз к колышкам привязывал, а сам на противоположном склоне землянику собирал. Я как домой вернусь — сразу в село поеду.

— О, идея! Мы после дембеля поедим к твоей бабуле вместе! Затоваримся хорошенько и загудим на недельку! Попьем самогонки, вареников пожрем, девок пощупаем! У вас в деревне девки есть? Ты меня познакомишь с какой-нибудь? Я жуть как хохлушек люблю!

— Хорошо, познакомлю.

— Только, чтоб сисявые были! Я худых не люблю.

— Ладно, познакомлю с сисявыми, — пообещал Шамшур.

Оба друга сидели в курилке и поочередно затягивались одной сигаретой. Мимо через плац устало брели пыльные участники утреннего дозора. Старший наряда, увидев Шамшура, встрепенулся:

— Ромка, тебя сегодня на фланге спрашивали!

— Кто! — хором спросили Ермилов и Шамшур.

— Конь в пальто! Девка какая-то местная. А ну, давай колись, где ты уже наследить успел?

— Наш пострел везде поспел! — засмеялся другой дозорный. — Мы её спрашиваем: девочка, ты откуда

- Wahrscheinlich zu Besuch. Hast du als Kind nicht deine Großmutter im Dorf besucht?

- Ich habe keine Verwandten im Dorf. Wir sind alle aus der Stadt, - sagte Jermilow stolz.

- Ich habe eine. Meine Großmutter hat früher Ziegen gehalten. Als ich sie als Junge besuchte, ließ sie mich die Ziegen hüten. Der Garten meiner Großmutter ging bis zu einer Schlucht. Entlang des Hanges waren überall Pfähle angebracht. Früher habe ich die Ziegen an den Pflöcken angebunden und am gegenüberliegenden Hang Erdbeeren gepflückt. Ich würde direkt ins Dorf gehen, wenn ich nach Hause komme.

- Oh, die Idee! Wir gehen nach der Versetzung in die Reserve zusammen zu deiner Oma! Wir werden ordentlich zulangen, und dann feiern wir eine Woche lang! Wir werden Schnaps trinken, Knödel essen und Mädchen anfassen! Gibt es bei euch im Dorf auch Mädchen? Würdest du mir eine vorstellen? Ich liebe Ukrainerinnen!

- In Ordnung, ich stelle sie dir vor.

- Achte nur darauf, dass sie Titten haben! Ich mag keine dünnen.

- In Ordnung, ich werde dich den Titten vorstellen, - versprach Schamschur.

Die beiden Freunde saßen im Raucherzimmer und zogen abwechselnd an derselben Zigarette. Die staubigen Mitglieder der Morgenpatrouille liefen müde über den Platz. Der Leiter der Patrouille, der Schamschur sah, richtete sich auf:

- Romka, man hat heute nach dir an der Grenzseite gefragt!

- Wer! - fragten Jermilow und Schamschur gemeinsam.

- Ein Pferd im Mantel! Ein einheimisches Mädchen. Komm schon, spuck's aus, wo hast du es geschafft, eine Spur zu legen?

- Unser Schlingel ist überall! - lachte ein anderer Wächter. - Wir fragen sie: Mädchen, woher kennst du unseren

нашего Шамшура знаешь? А она только хвостом крутит. Говорит, не ваше дело.

— Ловко так по-русски шпрехает! Признавайся, Рома, это ты её учил языку?

Шамшур пропустил мимо ушей подколки сослуживцев. Ему было плевать на их зубоскальство. Он ликовал! Значит, она всё же помнит о нём! Она пришла на фланг! Джамиля интересуется им!

— Что она ещё говорила? — кинулся он к солдатам.

Те пожали плечами:

— Вроде бы ничего больше. Спросила только — когда Шамшур будет на границе и всё.

— Так и спросила — Шамшур?

— Да, так и спросила, по фамилии.

Этот факт немного озадачил, ведь солдат свою фамилию девушке не говорил, и Кирильчук, вроде, тоже называл его только по имени. Он стал думать, что делать дальше? Выход напрашивался сам собой. Надо завтра днём быть на правом фланге в составе наряда. Дежурный, наверное, еще не закончил составление боевого расчёта, а если даже составил его, ничего страшного — подправит.

В дежурке царило оживление. Одни бойцы пришли из наряда и сдавали экипировку. Другие в наряд уходили и тут же эту, ещё тёплую от соприкосновения с прежними телами, амуницию на себя надевали. В журнал выдачи спецсредств каждый вписывал напротив своей фамилии наименование и номер вверенного ему имущества.

Шамшур подошёл к дежурному по заставе, на этот раз им оказался старослужащий, сержант Семён Заиц.

Schamschur? Und sie hat einfach mit dem Schwanz gewedelt. Sie sagt, das ginge Sie nichts an.

- Sie ist so gut in Russisch! Gib es zu, Roma, hast du ihr die Sprache beigebracht?

Schamschur übergang die Sticheleien seiner Kameraden. Er kümmerte sich nicht um ihren Sarkasmus. Er hat sich gefreut! Sie hat sich also doch noch an ihn erinnert! Sie war zur Grenzseite gekommen! Djamila war an ihm interessiert!

- Was hat sie noch gesagt? - eilte er zu den Soldaten.

Sie zuckten mit den Schultern:

- Etwas anderes schien es nicht zu geben. Sie fragte nur, wann Schamschur an der Grenze sein würde, und das war alles.

- Also fragte sie - Schamschur?

- Ja, das hat sie gefragt, mit Namen.

Diese Tatsache war ein wenig rätselhaft, denn der Soldat nannte dem Mädchen nicht seinen Nachnamen, und Kiriltschuk schien ihn nur mit seinem Vornamen zu nennen. Er fragte sich, was er als nächstes tun sollte. Der Ausweg bot sich an. Morgen Nachmittag musste er als Mitglied der Wache an der rechten Grenzseite sein. Der Diensthabende hatte wahrscheinlich die Kampfmannschaft noch nicht fertiggestellt, und selbst wenn er es getan hätte, wäre es in Ordnung - er würde sie korrigieren.

In der Wachstube herrschte emsiges Treiben. Einige Männer kamen aus der Einteilung und gaben ihre Ausrüstung ab. Andere gingen zum Dienst und zogen sofort ihre Ausrüstung an, noch warm vom Kontakt der vorherigen Körper. Im Magazin zur Ausgabe von Spezialgeräten trug jeder neben seinem Nachnamen den Namen und die Nummer der ihm anvertrauten Gegenstände ein.

Schamschur wandte sich an den Diensthabenden des Außenpostens, dieses Mal war es ein alter Soldat, Feldwebel Semjon Saiz.

Сержант носил очень хитрую фамилию. При всей, казалось бы, простоте слова из четырёх букв, на слух его определить было сложно. Многих подводила грамотность. Помимо Заяц, как эту фамилию только не писали: и Заец, и Заис, и даже Заитс. Если Сёма забывал произнести свою фамилию, чётко артикулируя каждую букву, её обязательно писали неправильно. Когда, в очередной раз, он видел ошибку, то делал скорбное лицо и говорил: «Боже, я сменю фамилию!»

Выслушав просьбу Шамшура о назначении его в наряд с таким видом, как будто давно знал истинную причину такого необычного желаяния, он укоризненно покачал головой:

— Ничего у тебя не выйдет.

Шамшур напрягся:

— В смысле?

— А в смысле, что если я поставлю тебя на завтрашний день на фланг, то ты уже с наряда не спрыгнешь. Мне начальник прошлый раз так и сказал: ставишь в воскресенье одного старого на левый фланг и одного старого на правый.

— И правильно! Вот меня и поставь.

— Подожди. Он сказал: деды по воскресениям целый день видик смотрят, а у меня на флангах ни одного опытного бойца. Так что если думаешь, что договоришься с кем-нибудь из молодых о подмене, то ты ошибаешься. Всё под контролем начальства!

— Хорошо, я согласен. Я не буду подменяться.

— А вообще, я тебя не поставлю. Зачем оно тебе надо?

— Тьфу, ты! Сёма, ты часом не еврей!?

— А почему тебя это интересует?

Der Feldwebel hatte einen sehr kniffligen Nachnamen. Obwohl es sich um ein scheinbar einfaches Wort mit vier Buchstaben handelt, war es nach dem Gehör schwer zu identifizieren. Viele Menschen wurden von ihrer Alphabetisierung im Stich gelassen. Neben Sajaz wurde der Nachname auf verschiedene Arten geschrieben: Sajets, Sais, und sogar Saitz. Wenn er vergaß, seinen Nachnamen auszusprechen und dabei jeden Buchstaben deutlich artikulierte, war er immer falsch geschrieben. Als er den Fehler wieder einmal sah, machte er ein trauriges Gesicht und sagte: „Gott, ich werde meinen Nachnamen ändern!“

Er hörte sich Schamschurs Bitte, der Einteilung zugewiesen zu werden, mit einem Blick an, als wüsste er längst den wahren Grund für diesen ungewöhnlichen Wunsch, und schüttelte vorwurfsvoll den Kopf:

- Es wird nicht für dich klappen.

Schamschur war angespannt:

- In welchem Sinne?

- Ich meine, wenn ich dich morgen auf die Grenzseite setze, wirst du nicht mehr aus der Einteilung abspringen. Das hat mir der Aufseher beim letzten Mal gesagt: man setzt am Sonntag einen Alten auf die linke und einen Alten auf die rechte Grenzseite.

- Das ist richtig! Stell mich ein.

- Warte. Er sagte: Großväter sehen sonntags den ganzen Tag fern, und ich habe keinen einzigen erfahrenen Soldaten an meinen Grenzseiten. Wenn du also denkst, dass du einen jungen Mann zum Übernehmen bekommst, liegst du falsch. Alles ist unter der Kontrolle der Chefs!

- Gut, ich mache es. Ich werde nicht austauschen.

- In der Tat, ich werde dich nicht unterbringen. Warum brauchst du das?

- Pfui, du! Sjoma, du bist doch kein Jude, oder?

- Und warum bist du interessiert?

— А то, что замашки у тебя очень скользкие! Сказал — ставь на правый фланг днём, значит ставь без разговоров!

— Ставь, Сёма, не раздумывай. У Шамшура на правом фланге невеста появилась. Он завтра к ней на свидание пойдёт.

Шамшур стиснул от злости зубы — сзади стоял Кирильчук и скалился. Заиц и остальные с интересом наблюдали за тем, что произойдёт дальше.

— Да, на свидание! А тебе, что? Завидно?

— Ха, было бы чему завидовать! Тому, как она будет щекотать тебя своими усиками! — Кирильчук стал изображать щекочущие усики своими толстыми как сосиски пальцами.

Шамшур повернулся к Заицу:

— Ты поставишь меня на правый фланг?

— Если ты так хочешь, то пожалуйста.

— Отлично! — он повернулся в сторону Кирильчука. — А ты можешь завтра смотреть порнуху, а потом дрончить под одеялом. Я разрешаю.

Сказав это, Шамшур направился к двери, ожидая удара в спину, но младший сержант не стал его догонять.

— Иди, иди! Только не забудь заставить её помыться! Эти мамедки моются два раза в год!

Двери открылись, и в помещение вошёл статный и подтянутый лейтенант Газаев:

— Так, товарищи бойцы, для получения боевого приказа, становись!

Дежурка пришла в движение.

- Und überhaupt, dein Gehabe ist sehr schlüpfrig! Man sagte - setz es auf die rechte Grenzseite während des Tages, also setz es ohne zu reden!

- Setz, Sjoma, zögere nicht.

Schamschur hat auf der rechten Grenzseite eine Braut. Er geht morgen mit ihr auf eine Verabredung.

Schamschur biss vor Wut die Zähne zusammen - Kiriltschuk stand hinter ihm und grinste. Saiz und die anderen beobachteten mit Interesse, was als nächstes passieren würde.

- Ja, bei einer Verabredung! Und du, was? Eifersüchtig?

- Ha, da wäre ich neidisch! Wie sie dich mit ihren Schnurrhaaren kitzeln wird! - Kiriltschuk begann, mit seinen dicken, wurstartigen Fingern einen Schnurrbart darzustellen.

Schamschur wandte sich an Saiz:

- Setz du mich auf die rechte Grenzseite?

- Wenn du es so haben willst, kannst du es gerne haben.

- Großartig! - wandte er sich an Kiriltschuk. - Und du kannst morgen Pornos gucken und dir dann unter der Bettdecke einen runterholen. Ich erlaube es.

Nachdem er das gesagt hatte, ging Schamschur auf die Tür zu und erwartete einen Tritt in den Rücken, aber der Feldweibel holte ihn nicht ein.

- Los, los! Vergiss nur nicht, dass sie ein Bad nehmen muss! Diese Muttis waschen sich zweimal im Jahr!

Die Türen öffneten sich und der stattliche und gepflegte Leutnant Gasajew betrat den Raum:

- Also, Genossen Soldaten, für einen Kampfbefehl, aufstehen!

Die Wachstube setzte sich in Bewegung.

ГЛАВА 4

KAPITEL 4

На следующее утро Шамшур шёл по правому флангу, взбивая пыль коротко обрезаемыми по местной армейской моде кирзовыми сапогами. Джамилю и её родственницу он обнаружил в небольшой ложбине, уходящей к реке. Старший наряда указал одному молодому бойцу на пригорок справа от этой ложбины, другого он оставил у дороги, а сам стал неспеша спускаться вниз. Джамиля сидела к нему спиной и демонстративно не поворачивалась. Находившаяся рядом Лейла уже не убегала как прежде. Она сидела лицом к дороге и, наклоняясь, что-то тихо говорила Джамиле. Шамшур прекрасно понимал, что показное равнодушие девушки наигранно.

— Привет! Можно сесть? — обратился он к молодой женщине.

Лейла кивнула и быстро бросила на соседний камень сложенный вчетверо кусок старого клетчатого покрывала. Солдат поставил приклад автомата между ног и аккуратно присел. Только тогда он взглянул Джамиле в лицо.

Шамшур опасался, что при второй встрече девушка покажется ему не такой привлекательной. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться — первое впечатление его не обмануло. Джамиля выглядела очень милой, и на этот раз она уделила своей внешности особое внимание.

Поверх светлого платья была надета спортивная кофта, а на ногах туфли лодочки на низком каблуке. На плечах девушки лежал всё тот же яркий платок, что был на ней и в прошлый раз. На тонких пальцах красовались массивные золотые кольца, а в ушах — крупные серьги с красными камнями. Драгоценности эти показались Шамшуру лишними. Такой же ненужной была и заколка,

Am nächsten Morgen lief Schamschur an der rechten Grenzseite entlang und wirbelte mit kurzgeschnittenen Kunstleder-Stiefeln im Stil der örtlichen Armee Staub auf. Er fand Djamilia und ihre Angehörigen in einer kleinen Mulde, die zum Fluss führte. Der Leiter der Patrouille wies auf einen der jungen Soldaten auf dem Hügel rechts von der Senke, ließ den anderen an der Straße stehen und begann selbst, langsam nach unten zu gehen. Djamilia saß mit dem Rücken zu ihm und drehte sich demonstrativ nicht um. Leila, die in der Nähe war, rannte nicht mehr weg wie zuvor. Sie saß mit Blick auf die Straße und beugte sich vor und sagte leise etwas zu Djamilia. Schamschur war sich sehr wohl bewusst, dass die scheinbare Gleichgültigkeit des Mädchens nur vorgetäuscht war.

- Hallo! Darf ich mich setzen? - wandte er sich an die junge Frau.

Leila nickte und warf schnell ein vierfach gefaltetes Stück einer alten karierten Decke auf einen nahe gelegenen Stein. Der Soldat klemmte sich den Gewehrkolben zwischen die Beine und ging leicht in die Hocke. Erst dann sah er Djamilia ins Gesicht.

Schamschur hatte Angst, dass ihm das Mädchen beim zweiten Treffen nicht so attraktiv erscheinen würde. Ein Blick genügte, um sich zu vergewissern, dass ihn der erste Eindruck nicht täuschte. Djamilia sah sehr süß aus, und diesmal achtete sie besonders auf ihr Aussehen.

Über einem hellen Kleid trug sie eine sportliche Jacke, an den Füßen hatte sie niedrighackige Schuhe. Auf ihren Schultern lag der gleiche bunte Schal, den sie beim letzten Mal getragen hatte. An ihren schlanken Fingern trug sie massive Goldringe, und an den Ohren trug sie große Ohringe mit roten Steinen. Dieser Schmuck schien Schamschur unnötig. Ebenso unnötig war eine Haarnadel, die aus den

блеснувшая из тёмной глубины волос. Скорее всего, она служила только украшением, так как густые волосы пастушки невозможно было одолеть никакими заколками.

Шамшур понял, что должен начать первым:

— Здравствуй, Джамия. Мне сказали, что ты меня спрашивала.

Девушка, наконец, повернулась и насмешливо взглянула на него:

— Кто-то так хотел меня видеть, что две недели не появлялся здесь. Я была тут на прошлой неделе, я была вчера, но тебя не встретила.

— Но я часто бывал на границе, и я тебя искал.

— Наверное, ты искал меня там, — девушка махнула рукой в сторону левого от заставы фланга.

— Наверное, — не стал спорить Шамшур. — Теперь я буду знать, что искать тебя надо здесь.

Внизу у реки послышался детский голос. Только сейчас солдат увидел небольшую отару у воды. Мальчишка лет семи пытался выгнать её наверх, но как ни старался какая-то из овец обязательно кидалась в противоположную сторону. Пацанёнок ругался, возвращаясь назад и, нещадно лупил беглянку палкой, загоняя её в общую кучу.

— Кто это?

— Это мой брат.

Рядом с мальчиком бегала белая с рыжими пятнами собака. Это был молодой кобель, ещё щенок. Пока его хозяин отвлекался на отбившуюся овцу, он ловко справлялся со своими обязанностями, молча кидаясь то в одну, то в другую сторону от отары и удерживая её таким образом в общей куче. Наконец мальчик справился с глупыми овцами, загнав их на покрытый травой склон ниже места, где сидел Шамшур и девушки.

dunklen Tiefen ihres Haares schimmerte. Wahrscheinlich diente sie nur als Zierde, denn das dichte Haar der Hirtin konnte von keiner Haarnadel überwunden werden.

Schamschur erkannte, dass er zuerst anfangen musste:

- Hallo, Djamila. Man sagte mir, dass du nach mir gefragt hättest.

Das Mädchen drehte sich schließlich um und sah ihn spöttisch an:

- Jemand wollte mich so sehr sehen, dass er vierzehn Tage lang nicht hier war. Ich war letzte Woche hier, ich war gestern hier, aber ich habe dich nicht gesehen.

- Aber ich war oft an der Grenze und habe dich gesucht.

- Wahrscheinlich hast du dort nach mir gesucht, - winkte das Mädchen mit der Hand in Richtung der linken Grenzseite des Außenpostens.

- Wahrscheinlich, - widersprach Schamschur nicht. - Jetzt weiß ich, dass ich dich hier suchen muss.

Unten am Fluss war eine Kinderstimme zu hören. Gerade jetzt sah der Soldat eine kleine Herde am Wasser. Ein Junge von etwa sieben Jahren versuchte, sie hochzujagen, aber egal wie sehr er sich anstrengte, eines der Schafe rannte immer in die entgegengesetzte Richtung davon. Der Junge fluchte, kehrte zurück und schlug gnadenlos mit einem Stock auf den Ausreißer ein und trieb sie auf einen gemeinsamen Haufen.

- Wer ist das?

- Das ist mein Bruder.

Ein weißer Hund mit roten Flecken lief neben dem Jungen her. Es war ein junger Rüde, noch ein Welp. Während sein Herrchen durch ein verirrtes Schaf abgelenkt war, erledigte er geschickt seine Aufgaben, indem er lautlos zur einen oder anderen Seite der Herde sprang und sie so auf einem Haufen hielt. Schließlich kam der Junge mit den dummen Schafen zurecht und trieb sie auf den grasbewachsenen Hang unterhalb der Stelle, wo Schamschur

Довольный своей маленькой победой, он, улыбаясь, взобрался наверх.

Увидав солдата, мальчик посерьёзней и что-то быстро спросил у Джамили. Та ласково ему ответила, но парнишка по-прежнему с недоверием смотрел на Шамшура. Следовало завоевать его расположение.

— Привет! Тебя как зовут?

— Эльнур.

— Ловко ты с овцами справился. Как настоящий пастух. Будешь пастухом?

Мальчишка не слишком хорошо понимал по-русски, но смысл вопроса до него дошёл.

— Я буду солдатом, как Фархад!

— Кто такой Фархад?

— Мой брат!

Лейла что-то произнесла по-азербайджански и прямо на траве расстелила платок. Джамиля засуетилась, доставая из знакомой уже солдату штопаной хозяйской сумки газетные свёртки. Шамшур и мальчик молча наблюдали за приготовлениями. В свёртках была еда. Рядом со стопкой тонкого пресного лаваша девушки выложили большой кусок сыра, напоминавший брынзу. Сыр другого вида, в белой мякоти которого были заметны вкрапления специй, лежал отдельными ломтиками около пышных и, аппетитно пахнущих, пирожков. Рядом в развёрнутой промасленной бумаге красовались какие-то штуковины, больше всего похожие на котлеты в тесте. Сверху на эту кучу продуктов Лейла бросила пучок зелени и перья лука.

У Шамшура под языком моментально заполнилось слюной. Он встал в нерешительности, но обе азербайджанки, заголосили, замахали руками, уговаривая его не уходить. Чувствуя неловкость, солдат снова сел.

и die Mädchen saßen. Zufrieden mit seinem kleinen Sieg, kletterte er lächelnd nach oben.

Als er den Soldaten sah, wurde der Junge ernst und fragte Djamilia schnell etwas. Sie antwortete ihm liebevoll, aber der Junge sah Schamschur immer noch mit Misstrauen an. Er musste seine Gunst gewinnen.

- Hallo! Wie heißt du?

- Elnur.

- Du bist sehr gut mit den Schafen umgegangen. Wie ein echter Hirte. Willst du ein Hirte werden?

Der Junge verstand nicht sehr gut Russisch, aber er verstand die Bedeutung der Frage.

- Ich werde ein Soldat wie Farhad sein!

- Wer ist Farhad?

- Mein Bruder!

Leila sagte etwas auf Aserbaidshänisch und breitete ein Tuch auf dem Gras aus. Djamilia eilte umher und nahm Zeitungspakete aus der geflickten Tasche, die dem Soldaten bekannt war. Schamschur und der Junge beobachteten die Vorbereitungen schweigend. Die Verpackungen enthielten Lebensmittel. Neben einem Stapel dünner, ungesäuerter Fladen legten die Mädchen ein großes Stück Käse aus, das an Schafskäse erinnerte. Eine andere Käsesorte mit weißem Fleisch, das Flecken von Gewürzen aufwies, lag in separaten Scheiben neben luftigen und appetitlich riechenden Kuchen. Daneben lagen in einem unverpackten Ölpapier einige Dinge, die eher wie Schnitzel in Teig aussahen als alles andere. Auf diesen Stapel von Essen warf Leila ein Bündel Kräuter und ein paar Frühlingszwiebeln.

Schamschurs Zunge füllte sich augenblicklich mit Speichel. Er stand unschlüssig auf, aber die beiden aserbaidshänischen Frauen riefen ihm zu, winkten mit den Händen und forderten ihn auf, nicht zu gehen. Der

Лейла, улыбаясь, пригласила его «к столу». Увидав, как мальчишка принялся за угощения, Шамшур тоже потянулся к еде. Он с удовольствием съел бы всё, что было выложено перед ним, но ограничился только тем, что попробовал понемножку каждого.

— А по какому случаю банкет? — спросил он.

— Это Лейла, — ответила Джамия. — Мой брат Фархад — её муж. Он, как и ты, сейчас в армии, но только в Карабахе. Лейла сказала, что тебя надо накормить. Аллах милосерден и справедлив. Он добрые дела не оставляет без награды и обязательно пошлёт нашему Фархаду хороших людей, которые его тоже накормят.

Джамия наложила Шамшuru пирожков, сладких лепёшек и кусков сыра в платок, и он полез наверх. «Индусы» от угощения пришли в восторг.

Когда солдат с платком вернулся, азербайджанки уже убрали остатки трапезы в сумку. Мальчишка спустился, чтобы выгнать овец наверх. Лейла пошла ему помогать. Шамшур остался с девушкой.

— Джамия, а как твоя фамилия?

— Мамедова.

Солдат усмехнулся:

— У вас, куда не ткни, обязательно в Мамедова попадёшь. У вас, что тут, каждый третий — Мамедов?

— Нет, каждый второй.

Они оба рассмеялись.

— Зато твою фамилию я никогда не встречала.

— Откуда ты знаешь мою фамилию?

— Эх ты, неужели не догадался!? На твоей кепке, в середине было написано: «Шамшур Роман». Когда ты её потерял, а я нашла, то прочитала и запомнила.

Soldat fühlte sich unwohl und setzte sich wieder hin.

Leila lächelte und lud ihn „an den Tisch“ ein. Als Schamschur sah, wie der Junge anging, die Speisen zu essen, griff er auch nach Essen. Am liebsten hätte er alles aufgegessen, was vor ihm lag, aber er beschränkte sich darauf, von jedem ein wenig zu probieren.

- Was ist der Anlass des Banketts? - fragte er.

- Das kommt von Leila, - antwortete Djamilia. - Mein Bruder Farhad ist ihr Ehemann. Er ist jetzt, wie du, in der Armee, aber lediglich in Karabach. Leila sagte, du musst gefüttert werden. Allah ist barmherzig und gerecht. Er lässt gute Taten nicht ohne Belohnung und wird unserem Farhad sicher auch gute Leute schicken, die ihn füttern.

Djamilia legte einige Kuchen, süße Fladenbrote und Käsestücke in Schamschurs Tuch und er kletterte hoch. Die „Hindus“ freuten sich über die Leckerbissen.

Als der Soldat mit dem Tuch zurückkam, hatten die Aserbajdschanerinnen die Reste der Mahlzeit bereits in einer Tüte verstaut. Der Junge ging hinunter, um die Schafe nach oben zu treiben. Leila ging, um ihm zu helfen. Schamschur blieb bei dem Mädchen.

- Djamilia, wie ist dein Nachname?

- Mamedowa.

Der Soldat grinste:

- Überall, wo man hinget, wird man auf Mamedowa treffen. Ist jeder Dritte hier ein Mamedowa?

- Nein, jeder zweite.

Sie lachten beide.

- Aber ich habe deinen Nachnamen noch nie gesehen.

- Woher kennst du meinen Nachnamen?

- Äh, du hast es nicht erraten!? Auf deinem Käppi stand in der Mitte: „Schamschur Roman“. Als du sie verloren und ich sie gefunden habe,

Всё оказалось проще простого!
Солдат и девушка минуту
постояли, глядя, как отара медленно
поднимается по склону. Потом
Шамшур снова заговорил:

— Спасибо за угощение. Очень
вкусно. В следующий раз я приведу с
собой нашего повара, и вы с Лейлой
научите его готовить?

Джамия заметила:

— Если мы научим его готовить, то
тебе незачем будет сюда ходить.

— Ничего подобного! Я не за этим
сюда пришёл.

— А зачем?

— Просто хотел тебя увидеть, —
несмело произнёс Шамшур.

— А зачем ты хотел меня увидеть?
— не глядя на солдата, спросила
девушка.

— Разве ты не догадываешься?

Джамия повернулась:

— Я должна обязательно
догадываться?

— Хорошо, я скажу! После того,
как я тебя встретил, я только о тебе и
думаю.

Чувствуя себя неловко, Шамшур
отвёл взгляд в сторону. Джамия же,
наоборот, внимательно смотрела в
лицо солдату, как будто пытаюсь в
нём что-то прочесть. Возникла пауза.

— Продолжай, — наконец,
произнесла девушка. Солдату
показалось, что в её взгляде
мелькнула насмешка. Обратного пути
уже не было. Он сказал «а», теперь
требовалось произнести остальные
буквы алфавита.

Шамшур тяжело вздохнул:

— Может ты будешь смеяться, но
я, действительно, как увидел тебя —
только о тебе и думаю! Наверное,
судьба специально эти две недели не
давала нам встретиться. Проверяла,

habe ich es gelesen und mich daran
erinnert.

So einfach war das alles!

Der Soldat und das Mädchen
standen einen Moment lang da und
beobachteten die Herde, die langsam
den Hang hinaufkam. Dann sprach
Schamschur wieder:

- Vielen Dank für die Bewirtung. Es
ist sehr lecker. Das nächste Mal bringe
ich unseren Koch mit und ihr und Leila
werdet ihm das Kochen beibringen?

Djamila bemerkte:

- Wenn wir ihm das Kochen
beibringen, hast du keinen Grund mehr,
hierher zu kommen.

- Das gibt es nicht! Das ist nicht der
Grund, warum ich hierher gekommen
bin.

- Warum bist du hierher gekommen?

- Ich wollte dich einfach sehen, -
sagte Schamschur schüchtern.

- Warum wolltest du mich sehen? -
fragte sie, ohne den Soldaten
anzuschauen.

- Kannst du es wirklich nicht erraten?

Djamila drehte sich um:

- Muss ich unbedingt raten?

- Na gut, ich sage es! Nachdem ich
dich getroffen habe, denke ich nur noch
an dich.

Schamschur fühlte sich unwohl und
schaute weg. Djamila blickte im
Gegenteil aufmerksam in das Gesicht
des Soldaten, als ob sie versuchte,
etwas darin zu lesen. Es gab eine
Pause.

- Mach weiter, - sagte sie schließlich.
Er glaubte, ein Grinsen in ihren Augen
zu sehen. Jetzt gab es kein Zurück
mehr. Er sagte "ah", nun musste der
Rest der Buchstaben des Alphabets
ausgesprochen werden.

Schamschur seufzte schwer:

- Du magst lachen, aber ich denke
wirklich nur an dich, nachdem ich dich
gesehen habe! Das Schicksal hat uns
wohl absichtlich zwei Wochen lang
getrennt gehalten. Um zu sehen, ob es

насколько это всё серьёзно. Знаешь, бывает такое, что знакомишься с человеком, и тебе кажется, что ты знаешь его уже давно. Вот с тобой приблизительно так же.

Девушка очень внимательно смотрела на солдата. Он понял, что она пытается понять смысл его слов. А ещё он понял, что говорит не то, что нужно.

— Короче, ты мне очень понравилась! — отбросив всякое стеснение, произнёс Шамшур и тут же испугался. — Только ты ничего плохого не подумай!

В этот момент Джамия сделала предостерегающий знак рукой. Они были снова не одни. Вокруг толкались грязные овцы, а рядом Эльнур и Лейла возбуждённо говорили по-азербайджански.

Молодая женщина ругала мальчишку и размахивала руками. Джамия, услышав слова невестки, повернулась к брату и тихо о чём-то его спросила. Тот, насупившись, молчал.

— Что случилось? — поинтересовался Шамшур.

— Брат пообещал, что расскажет отцу о том, что мы встречались на границе.

«Вот гадёныш!» — подумал Шамшур. Он подошёл к Эльнuru. Взгляд того не обещал ничего доброго. Открыв рыжую дерматиновую кобуру, солдат достал сигнальный пистолет. Широкий, диаметром в два с половиной сантиметра, ствол ракетницы выглядел устрашающе. Мальчишка испуганно отпрянул. Лейла ойкнула, прижав руки к груди.

— Хочешь, я дам тебе выстрелить из этого пистолета?

Пацанёнок радостно закивал. Шамшур не спеша достал из кобуры белый сигнальный патрон и со щелчком откинул ствол. Брат Джамии с интересом наблюдал.

etwas Ernstes ist. Weißt du, manchmal triffst du jemanden und du denkst, du kennst ihn schon lange. Bei dir ist es ungefähr das Gleiche.

Das Mädchen betrachtete den Soldaten sehr genau. Er erkannte, dass sie versuchte, seine Worte zu deuten. Er merkte auch, dass er das Falsche sagte.

- Wie auch immer, ich mag dich wirklich! - Es war ihm zu peinlich, etwas zu sagen, und er war sofort erschrocken. - Denk nichts Schlechtes!

In diesem Moment machte Djamila ein Warnzeichen mit ihrer Hand. Sie waren nicht mehr allein. Schmutzige Schafe drückten sich herum, und in der Nähe unterhielten sich Elnur und Leila aufgeregt auf Aserbajdschanisch.

Die junge Frau schimpfte mit dem Jungen und fuchtelte mit den Händen. Djamila hörte die Worte ihrer Schwägerin und wandte sich an ihren Bruder und fragte ihn leise nach etwas. Er, die Stirn runzelnd, war still.

- Was ist passiert? - fragte Schamschur.

- Mein Bruder versprach, dass er meinem Vater von unserem Treffen an der Grenze erzählen würde.

„Was für ein Mistkerl!“ - dachte Schamschur. Er näherte sich Elnur. Der Blick auf seinem Gesicht verhieß nichts Gutes. Der Soldat öffnete ein rötliches Kunstlederhalfter und zog eine Signalpistole heraus. Der breite, zweieinhalb Zentimeter durchmessende Lauf der Leuchtpistole sah beängstigend aus. Der Junge wich erschrocken zurück. Leila rief oh und schlug die Hände vor die Brust.

- Willst du, dass ich dich diese Waffe abfeuern lasse?

Der Junge nickte freudig. Schamschur zog gemächlich eine weiße Signalpatrone aus seinem Halfter und ließ den Lauf mit einem Klicken zurückschnellen. Djamilas Bruder sah mit Interesse zu.

— Подожди, но как я могу дать тебе выстрелить? Ты ведь хочешь рассказать отцу про меня!

— Нет! Я не расскажу! — мелко затряс головой мальчишка.

— Честно?

Он быстро закивал.

— Хорошо. Я тебе верю.

Шамшур вставил патрон в ствол и, защёлкнув его, взвёл курок. Обняв паренька за плечи, солдат подвёл его к краю ложбины, из которой они только что выбрались и, осторожно вложив ракетницу в руку ребёнка, направил ствол в сторону реки. Эльнур зажмурился и надавил на спусковой крючок, но силёнок выжать до конца ему не хватило. Шамшур всё это время державший руку мальчика помог дожать курок. Грянул выстрел, и ярко светящийся шар метнулся вниз. Далеко ему улететь не удалось. Он ударился о камни у воды и распался на несколько частей, которые с шипением свалились в воду. Над стремительно несущимся потоком быстро рассеивался белый дым.

Выстрел напугал животных. Щенок метнулся в сторону, громко заскулил и залаял, а отара дружно шарахнулась в противоположном направлении. Обе девушки кинулись за перепуганными овцами, Эльнур же, слегка оглушённый, бросился за собакой.

— Если хочешь, — крикнул вслед ему Шамшур. — То в следующий раз я дам тебе снова выстрелить.

— Якши! — радостно закричал мальчик.

Расположение младшего брата Джамили было завоёвано. Оставался только вопрос, надолго ли?

Расставаясь, девушка сказала, что вечером уезжает домой, так как утром ей надо идти в школу, но пообещала, что обязательно вернётся в субботу. Больше им не удалось побыть одним.

- Warte, aber wie kann ich dich schießen lassen? Du willst deinem Vater von mir erzählen!

- Nein! Das werde ich nicht! - Der Junge schüttelte ein wenig den Kopf.

- Ehrlich?

Er nickte schnell.

- Gut. Ich glaube dir.

Schamschur führte eine Patrone in den Lauf ein, ließ sie zuschnappen und spannte den Abzug. Der Soldat legte dem Jungen den Arm um die Schultern, führte ihn an den Rand der Schlucht, aus der sie gerade geklettert waren, legte dem Kind vorsichtig die Leuchtpistole in die Hand und richtete den Lauf in Richtung des Flusses. Elnur drückte den Abzug, aber er hatte nicht die Kraft, ihn bis zum Ende durchzudrücken. Schamschur, der die ganze Zeit die Hand des Jungen gehalten hatte, half ihm, den Abzug zu betätigen. Der Schuss ertönte und die hell leuchtende Kugel flog hinunter. Er hat es nicht geschafft, weit zu fliegen. Er schlug auf die Steine am Wasser auf und zersprang in mehrere Stücke, die zischend ins Wasser fielen. Der weiße Rauch verflüchtigte sich schnell über dem rauschenden Bach.

Der Schuss erschreckte die Tiere. Der Welpе schoss winselnd und laut bellend davon, und die Herde flüchtete in die entgegengesetzte Richtung. Die beiden Mädchen eilten dem verängstigten Schafen hinterher, während Elnur, leicht fassungslos, dem Hund hinterherlief.

- Wenn du willst, - rief Schamschur ihm nach. - Dann lasse ich dich das nächste Mal wieder schießen.

- Geht klar! - rief der Junge fröhlich.

Die Gunst von Djamilas jüngerem Bruder wurde gewonnen. blieb nur die Frage, für wie lange?

Als sie sich trennten, sagte das Mädchen, sie würde abends das Haus verlassen, da sie morgen zur Schule müsse, versprach aber, dass sie auf jeden Fall am Samstag wiederkommen

Рядом с солдатом, совсем позабыв про овец, бежал Эльнур и, непрерывно дёргая его за руку, расспрашивал об оружии. Шамшур что-то отвечал, но все его мысли крутились вокруг одного вопроса, что теперь думает о нём Джамиля? Тёплый взгляд и улыбка в момент расставания дали ему понять, что его бестолковое объяснение девушка восприняла благосклонно.

ГЛАВА 5

Известие, о том, что местные пастушки накормили пограничников, быстро распространилось по заставе. «Индусы» взахлёб расписывали угощения, которые им довелось отведать.

Эта новость поразила младшего сержанта Кирильчука в самое сердце. Дело в том, что он очень любил поесть. Осознание того, что на фланге Шамшур набивал свою утробу домашними харчами, вызвало у Кирильчука приступ зависти, смешанный со злостью. Он даже стал немного жалеть, что повёлся с девушкой так грубо. Может быть, она познакомила бы его с какой-нибудь своей подружкой. Мысль о местной зазнобе, подкармливающей его, вначале понравилась младшему сержанту. Он на минуту замечтался, но потом спохватился и решительно отмёл это дьявольское искушение.

Дома в родном украинском селе его ждала любимая Тамара — крупная, дородная девка с большой грудью и крепким задом. Крикливая и резвая Томка отлично готовила и, вообще, была прекрасной хозяйкой. У себя в семье она держала всех в ежовых рукавицах. Даже её отец, здоровый красномордый дядька, побаивался свою дочь.

würde. Sie konnten nicht mehr allein sein. Elnur lief neben dem Soldaten her, vergaß die Schafe und erkundigte sich, unaufhörlich an seinem Arm zerrend, nach der Waffe. Schamschur antwortete etwas, aber alle seine Gedanken kreisten um eine Frage, was dachte Djamila jetzt von ihm? Ein warmer Blick und ein Lächeln im Moment des Abschieds ließen ihn wissen, dass seine unsinnige Erklärung von dem Mädchen wohlwollend aufgenommen wurde.

KAPITEL 5

Die Nachricht, dass die örtlichen Hirtinnen die Grenzsoldaten gefüttert hatten, sprach sich schnell im Außenposten herum. Die „Hindus“ schwärmten von den Leckereien, die sie gekostet hatten.

Diese Nachricht traf Unteroffizier Kiriltschuk mitten ins Herz. Tatsache war, dass er es liebte zu essen. Die Erkenntnis, dass Schamschur seinen Schoß mit selbstgemachter Nahrung an der Grenzseite vollstopfte, gab Kiriltschuk einen Anfall von Neid gemischt mit Wut. Er begann sogar ein wenig zu bedauern, dass er so unhöflich mit dem Mädchen umgegangen war. Vielleicht hätte sie ihn einigen ihrer Freundinnen vorgestellt. Der Gedanke an eine einheimische Geliebte, die ihn füttert, gefiel dem Unteroffizier zunächst. Einen Moment lang träumte er, doch dann war er entschlossen, der teuflischen Versuchung ein Ende zu bereiten.

Zu Hause in seinem ukrainischen Heimatdorf wartete seine geliebte Tamara, ein großes, stämmiges Mädchen mit großen Brüsten und einem festen Hintern. Die laute und verspielte Tomka war eine ausgezeichnete Köchin und eine großartige Gastgeberin. Sie hatte jeden in ihrer Familie fest im Griff. Selbst ihr Vater, ein großer,

Когда Кирильчук приходил в гости к Томке и не заставлял её дома, то, как правило, попадал в цепкие лапы своего будущего тестя. Тот от радости, что встретил достойного собутыльника и благодарного слушателя, хлопал своего без пяти минут зятя по плечу и предлагал остограммиться. Как водится, из заначки доставалась бутылка самогона и, организовав на скорую руку закуску, всегда в изобилии наличествующую на Томкиной кухне, мужики усаживались за стол. Выпив из гранёных рюмочек несколько стопок и с аппетитом закусив, будущие родственники доставали сигареты — Томкин отец мятую пачку вонючей «Ватры», а Кирильчук дорогой молдавский «Темп», к запаху которого Томка относилась более-менее благосклонно. Напустив дыма, мужички расслаблялись и, вальяжно развалившись на скрипучих стульях, оставшихся от старого гарнитура, начинали неспешную беседу.

Эта идиллия нередко заканчивалась быстро и несправедливо жёстко. В определённый момент во дворе звучал скрип калитки — это Томка возвращалась домой. Отец, узрев в окно приближение дочери, вскакивал с перепуганным лицом и, пряча недопитую бутылку, суетливо разгонял дым, сизой пеленой скопившийся под потолком. Одновременно с этим Кирильчук пытался засунуть под буфет пепельницу с плохо затушенными окурками.

Дверь отворялась и на пороге появлялась Тамара во всей своей красе. В задымлённой и провонявшей самогоном кухне её встречали слегка

rotgesichtiger Mann, hatte Angst vor seiner Tochter.

Wenn Kiriltschuk Tomka besuchte und sie nicht zu Hause antraf, geriet er meist in die Fänge seines zukünftigen Schwiegervaters. Er freute sich, einen würdigen Trinkkameraden und einen verständnisvollen Zuhörer getroffen zu haben, klopfte seinem Schwiegersohn auf die Schulter und bot ihm einen Trunk an. Wie üblich wurde eine Flasche Schnaps aus dem Versteck geholt, und nachdem sie einen schnellen Imbiss organisiert hatten, der in Tomkas Küche immer reichlich vorhanden war, setzten sich die Männer an den Tisch. Nachdem sie ein paar Schnäpse aus den Schnapsgläsern getrunken und mit Appetit gegessen hatten, holten die zukünftigen Verwandten Zigaretten heraus - Tomkas Vater eine zerknüllte Packung stinkender „Watra“ und Kiriltschuk eine teure moldawische „Temp“, deren Geruch Tomka mehr oder weniger wohlgesonnen war. Nach dem Rauchen entspannten sich die Männer und begannen, imposant auf den knarrenden Stühlen sitzend, die von der alten Garnitur übrig geblieben waren, ein gemütliches Gespräch.

Diese Idylle endete oft schnell und ungerechterweise gewaltsam. Irgendwann knarrte das Tor im Hof - Tomka kam nach Hause. Der Vater, der seine Tochter durch das Fenster herankommen sah, sprang mit erschrockenem Gesicht auf und vertrieb, die unvollendete Flasche versteckend, hektisch den Rauch, der sich unter der Decke in einem grauen Schleier auftürmte. Gleichzeitig versuchte Kiriltschuk, einen Aschenbecher mit schlecht gelöschten Zigarettenstummeln unter die Anrichte zu schieben.

Die Tür öffnete sich und Tamara erschien in ihrer ganzen Pracht auf der Schwelle. In der verrauchten, schnapsgetränkten Küche wurde sie von einem leicht betrunkenen und

окосевшие и виновато улыбающиеся мужчины.

После этого над окрестными дворами ещё долго стоял оглушительный ор. Это озверевшая Томка не скупилась на выражения и не щадила ни свои голосовые связки, ни чужие барабанные перепонки.

Кирильчук питал весьма нежные чувства к своей невесте, хотя и отдавал себе отчёт, что это только сейчас, пока она молодая, ею можно восхищаться. Лет через десять Томка раздастся вширь и постепенно превратится в грузную бабищу. Перед глазами жениха постоянно маячило живое этому напоминание — Томкина мать.

Кирильчук не понимал чувств Шамшура к этой тощей азербайджанке. Солдат-украинец и местная девушка не могли быть вместе. Они, как два противостоящие друг другу полюса, должны были существовать на максимальном удалении друг от друга. К большому удивлению младшего сержанта эти два полюса, по непонятным ему причинам, сблизились. Это его раздражало.

Через несколько дней после встречи на границе, Шамшур сидел в курилке и слушал разговор Ермилова с Заицем. Сослуживцы обсуждали дальнейшие перспективы отношений между солдатом и девушкой. На первый взгляд казалось, что их беседа вполне серьёзная, но на самом деле они подтрунивали над товарищем. Шамшур давно махнул на шутников рукой. Тут же, в курилке, сидел «дембель» Седой и со снисходительной улыбкой слушал сослуживцев.

Призыву Седого подходило время увольняться. Многие «дембеля» уже не заступали в наряды на границу, а

schuldbewusst lächelnden Mann begrüßt.

Danach lag noch lange Zeit ein ohrenbetäubendes Getöse über den Höfen. Es war eine rasende Tomka, die nicht mit Ausdrücken geizte und weder ihre eigenen Stimmbänder noch die Trommelfelle der anderen schonte.

Kiriltschuk hatte sehr liebevolle Gefühle für seine Braut, obwohl er sich bewusst war, dass er sie erst jetzt, wo sie noch jung war, bewundern konnte. In zehn Jahren wird Tomka breiter geworden sein und sich allmählich in eine schwergewichtige Frau verwandelt haben. Vor den Augen des Bräutigams tauchte ständig eine lebendige Erinnerung daran auf - Tomkinas Mutter.

Kiriltschuk verstand Schamschurs Gefühle für dieses magere aserbajdschanische Mädchen nicht. Der ukrainische Soldat und das einheimische Mädchen konnten nicht zusammen sein. Sie mussten, wie zwei gegensätzliche Pole, so weit wie möglich voneinander entfernt existieren. Sehr zur Überraschung des Unteroffiziers kamen die beiden Pole, aus Gründen, die er nicht verstand, näher zusammen. Das ärgerte ihn.

Ein paar Tage nach dem Treffen an der Grenze saß Schamschur im Raucherzimmer und hörte ein Gespräch zwischen Jermilow und Saiz. Die Kameraden diskutierten über die Zukunftsaussichten der Beziehung zwischen dem Soldaten und dem Mädchen. Auf den ersten Blick schien es, dass ihr Gespräch ziemlich ernst war, aber in Wirklichkeit neckten sie ihren Kameraden. Schamschur hatte sich längst von den Witzbolden verabschiedet. Hier, im Raucherraum, saß der „künftige Reservist“ Grauer und hörte mit einem herablassenden Lächeln seinen Kameraden zu.

Die Zeit der Einberufung Sedois rückte näher. Viele „künftige Reservisten“ waren nicht mehr an der

предпочитали копошиться на заставе, выполняя дембельский аккорд. Седой был одним из них. Он уже неделю штукатурил помещение бани под руководством кочегара Ермилова. Работу свою он делал неспешно, но тщательно, приблизительно по пять-шесть квадратных метров поверхности в день, так что к своему увольнению в запас солдат надеялся как раз закончить.

Прозвище Седой, «дембель» имел неслучайно. Причин этому было две, и они удивительно переплетались между собой. Во-первых, солдат носил фамилию Седов. Этот факт сам по себе был бы мало примечательным, если бы не одно обстоятельство. Интересно, как всё же причудливо распоряжается иногда судьба! Дело в том, что Седов являлся ярчайшим природным блондином. Таким блондином, которых по оценкам учёных через несколько поколений уже не встретишь на земном шаре. Его волосы были столь светлыми, что издали казались седыми. Именно по этим двум причинам его прозвище Седой оставалось неизменным с детства.

Когда хохмачи с серьёзным видом обсудили возможность переселения Шамшура в Азербайджан с последующим принятием им ислама и перешли к перспективам дальнейшей сексуальной жизни солдата с местной туземкой, Седой заговорил:

— А вы что, парни, думаете, местные бабы из какого-то другого теста слеплены? Могу успокоить — все они одинаковые, и среди них тоже есть слабые на передок?

— Да я, честно говоря, про таких не слышал, — ответил ему Ермилов. — Наши — другое дело. Наши сами в штаны к кавказцам лезут!

Grenze im Einsatz, sondern zogen es vor, am Außenposten zu bummeln und ihren Reservistensakkord zu spielen. Grauer war einer von ihnen. Eine Woche lang hatte er unter der Aufsicht des Heizers Jermilow den Raum der Banja verputzt. Er erledigte seine Arbeit langsam, aber gründlich, etwa fünf oder sechs Quadratmeter pro Tag, so dass der Soldat hoffte, bis zu seiner Entlassung in die Reserve fertig zu sein.

Der Spitzname Grauer, der „zukünftige Reservist“, war nicht zufällig. Dafür gab es zwei Gründe, die auf überraschende Weise miteinander verknüpft waren. Erstens hatte der Soldat den Nachnamen Sedow. Diese Tatsache an sich wäre wenig erwähnenswert, wäre da nicht ein Umstand. Es ist interessant, wie skurril das Schicksal manchmal disponiert! Tatsache ist, dass Sedow das hellste Naturblond war. Ein solcher Blondschoopf, nach Ansicht der Wissenschaftler, würde nicht auf der Erde in ein paar Generationen gefunden werden. Sein Haar war so blond, dass es aus der Ferne aussah, als wäre es grau. Aus diesen beiden Gründen blieb sein Spitzname „Grauer“ von Kindheit an unverändert.

Als die Witzbolde ernsthaft die Möglichkeit einer Umsiedlung Schamschurs nach Aserbajdschan und seine anschließende Konvertierung zum Islam diskutierten und zur Aussicht auf das zukünftige Sexualleben des Soldaten mit einer Einheimischen übergingen, meldete sich Grauer zu Wort:

- Glaubt ihr, dass die einheimischen Frauen aus einer anderen Art von Teig gemacht sind? Ich kann euch beruhigen - sie sind alle gleich, und unter euch gibt es auch Schwache an der Front?

- Ehrlich gesagt, habe ich noch nie von solchen Frauen gehört, - antwortete Jermilow. - Unsere Leute sind anders. Unsere Leute machen sich bei den Kaukasiern in die Hose!

Солдат презрительно сплюнул и продолжил развивать тему:

— К нам в Подмосковье этих чёрных понаехало уйма, и наши девки у них типа военно-полевых жён. Чурки даже не скрывают, что у них на родине семьи есть. Каждые праздники они домой едут, своих жён-детей навещают, а наши бабы их ждут. У меня в доме два таких жили, квартиру снимали. Они, как только въехали, то вежливые такие были. Нашим тёткам из подъезда очень понравились. Не пьют, матом не ругаются. Хачи эти в Москве цветами торговали, а у нас жили, потому что дешевле. Так вот, они как только появились, то сразу же подженились. Причём нашли себе нормальных женщин, не шлюх каких-нибудь, не алкоголичек. И чего этим бабам с русскими мужиками не жилось — непонятно. Может быть и вправду, у кавказцев член длиннее?

Седой неспешно докурил сигарету и, поплевав на неё, затушил.

— Пару лет назад тут, на этой вот заставе, пацан служил. Так вот, он хитрил с одной местной девкой зажечь... — солдат злорадно ухмыльнулся. — Пламя любви.

— Как это?

— А вот так это! — Седой сделал характерное движение руками и тазом. — Фамилия у него была Тимошенко. Имени не помню, но все его звали Тимоха. Он был водилой на уазике. Ему оставалось несколько недель до увольнения, прямо как мне, но он до самого конца тогдашнего начальника заставы возил. Начальник тот с местным председателем совхоза дружил и часто к нему в гости ездил. Как какой-то праздник, тот звонит начальнику и

Der Soldat spuckte verächtlich aus und fuhr fort, das Thema zu entwickeln:

- Wir haben eine Menge dieser Schwarzen, die in unsere Vororte kommen, und unsere Mädchen sind wie ihre Soldatenfrauen. Sie verheimlichen nicht einmal die Tatsache, dass sie Familien zu Hause haben. Jeden Urlaub fahren sie nach Hause, besuchen ihre Frauen und Kinder, während unsere Ehefrauen auf sie warten. Zwei von ihnen wohnten in meinem Haus, sie hatten eine Wohnung gemietet. Sie waren so höflich, als sie einzogen. Unseren Frauen im Treppenhaus haben sie sehr gut gefallen. Sie trinken und fluchen nicht. Diese Kaukasier haben früher in Moskau Blumen verkauft, aber sie lebten bei uns, weil es billiger war. Sobald sie auftauchten, haben sie sofort geheiratet. Und sie fanden normale Frauen, keine Huren oder Alkoholikerinnen. Ich weiß nicht, warum diese Frauen nicht mit russischen Männern leben konnten. Vielleicht haben Kaukasier wirklich längere Penisse?

Der Graue beendete langsam seine Zigarette, spuckte sie aus und löschte sie.

- Vor ein paar Jahren gab es einen Jungen, der hier an diesem Außenposten diente. Na ja, er hat es geschafft, mit einem einheimischen Mädchen ein Feuer zu legen... - der Soldat grinste hämisch. - Eine Flamme der Liebe.

- Wie das?

- Genau so ist das! - Der Graue machte eine charakteristische Bewegung mit seinen Händen und seinem Becken. - Sein Nachname war Timoschenko. Ich weiß seinen Namen nicht mehr, aber alle nannten ihn Timocha. Er war ein Fahrer in einem UAS (*Uljanowsker Automobilwerk*). Er hatte bis zu seiner Entlassung mehrere Wochen Zeit, genau wie ich, aber er war bis zum Schluss der Leiter des Außenpostens. Der Leiter war ein Freund des örtlichen Farmvorsitzenden und besuchte ihn oft.

приглашает. У председателя этого жена давно померла, и начальник заставы был не женат. Вот они, два холостяка, собирались, звали ещё каких-то местных мужиков и киряли потихоньку. Иногда кого-то из офицеров брали.

Короче, пока начальник чачу пил с азербонами, Тимоха в машине, задрал ноги, лежал и по сторонам посматривал. Ну и высмотрел. У этого председателя дочка была, единственная. Гюльнаркой звали. Нельзя сказать, чтобы красавица, но и не уродина. Так себе — средней паршивости. Она во дворе постоянно крутилась по хозяйству. Ну и докрутилась. Начал Тимоха, от нечего делать, к ней клинья подбивать, а она не возражает. Он её, считай, за несколько приездов и уболтал. Можно сказать, она на него сама прыгнула. В общем, попользовал Тимоха её в каком-то сарае, а через неделю на дембель уехал. Девка эта, Гюльнара, потом ещё долго к заставе приходила всё своего Тимошу спрашивала. Да только, где этот Тимоша? Нет его. Свалил домой.

А ты, Ермилов, говоришь — не слышал про таких. Да все они, бабы одинаковые. Просто мы, славяне, добрые. Мы своих баб пустили, вот они нам на голову и влезли. А кавказцы своих вот так, в кулаке держат, вот они и не борзеют как наши.

— А что потом с этой Гюльнаркой было? — подал голос, молчавший до этого Шамшур.

— Хрен его знает. Я когда сюда приехал, она к заставе уже не ходила. Но в селе я её пару раз видел. Пацаны со старших призывов её узнавали и подкалывали. Как, мол,

Immer, wenn es einen Feiertag gab, rief er den Leiter an und lud ihn ein. Die Frau des Vorsitzenden war vor langer Zeit gestorben, und der Leiter des Außenpostens war unverheiratet. Also taten sich die beiden Junggesellen zusammen, luden ein paar andere Männer aus der Gegend ein und gingen auf Sauf tour. Manchmal wurde einer der Offiziere mitgenommen.

Kurz gesagt, der Leiter trank Obstschnaps mit dem Aserbaidshaner, während Timocha mit hochgelegten Füßen im Auto lag und sich umsah. Also sah er sich um. Der Vorsitzende hatte eine Tochter, die einzige. Ihr Name war Gulnara. Sie war nicht hübsch, aber sie war auch nicht hässlich. So la la - durchschnittlich mies. Sie war immer auf dem Hof und erledigte Hausarbeiten. Und das tat sie auch. Timocha begann, sich an sie heranzumachen, und es machte ihr nichts aus. Er hat sie bei ein paar Besuchen überredet. Man könnte sagen, dass sie sich ganz von alleine auf ihn gestürzt hat. Wie auch immer, Timocha nutzte sie in irgendeiner Scheune aus und ging eine Woche später in die Reserve. Dieses Mädchen, Gulnara, kam immer wieder zum Außenposten und fragte nach Timoscha. Aber wo ist dieser Timoscha? Er ist weg. Er ist nach Hause gegangen.

Und du, Jermilow, sagst, du hättest noch nie von ihnen gehört. Sie sind alle gleich. Wir Slawen sind eben freundlich. Wir haben unsere Frauen geschehen lassen, und sie sind uns auf den Kopf gesprungen. Und die Kaukasier halten ihre so in der Faust, damit sie nicht so übermütig werden wie unsere.

- Und was geschah dann mit Gulnara? - Schamschur, der bis dahin geschwiegen hatte, erhob seine Stimme.

- Das weiß der Teufel. Als ich hierher kam, ging sie nicht mehr zum Außenposten. Aber ich habe sie ein paar Mal im Dorf gesehen. Einige der älteren Jungs erkannten sie und

живёшь Гюльнара? Тимоша не пишет?

— И она что?

— Нет, говорит, не пишет, — засмеялся Седой. — Но я знаю, что он скоро приедет и меня заберёт. И буду я, говорит, его законной женой. Пацаны, конечно, ржут с неё, а ей хоть бы хны.

Шамшуру стал неприятным этот разговор, и он вышел из курилки. Сама мысль о том, что, может, и о нём будут когда-то травить подобные пошлые байки, ему претила. Однако оба товарища Шамшура не собирались его оставлять. Они встали и вышли за ним. К счастью, их внимание отвлек появившийся на крыльце Кирильчук.

Младший сержант был в благодушном расположении. Только что он, вернулся из очередного наряда и сытно пообедал. Как уже повелось, процесс приёма пищи сопровождался личным присутствием повара. Специалист в области приготовления блюд находился рядом не потому, что уважал или любил Кирильчука, а скорее наоборот. Разве можно к человеку хорошо относиться, если он мелкий пакостник?

Младший сержант имел гнусную манеру вытирать губы оконной занавеской. Никто не может сказать, с каких пор он повадился так делать, но, когда это вопиющее безкультурье было обнаружено, оно уже вошло у него в привычку.

Всё началось с того, что новый начальник заставы майор Зыкин в ходе рейда по проверке чистоты и порядка на территории подразделения обнаружил в помещении пищеблока ужасающую по своему виду занавеску. Тотчас же был вызван, ответственный за её

machten sich an ihr zu schaffen. Wie ist das Leben, Gulnara? Timoscha schreibt nicht?

- Was ist mit ihr?

- Nein, sagt sie, er schreibt nicht, - lachte der Graue. - Aber ich weiß, dass er mich bald abholen wird. Und ich werde seine rechtmäßige Frau sein, sagt sie. Die Jungs lachen sie natürlich aus, aber das ist ihr völlig egal.

Schamschur war von diesem Gespräch angewidert und verließ den Raucherraum. Allein der Gedanke, dass er eines Tages Gegenstand solch vulgärer Erzählungen sein könnte, ekelte ihn an. Die beiden Kameraden Schamschurs wollten ihn jedoch nicht verlassen. Sie standen auf und gingen ihm nach. Zum Glück wurde ihre Aufmerksamkeit von Kiriltschuk abgelenkt, der auf der Veranda erschien.

Der Unteroffizier war gut gelaunt. Er war gerade von einer anderen Einteilung zurückgekehrt und hatte ein herzhaftes Mittagessen zu sich genommen. Wie es üblich geworden war, wurde der Essvorgang von der persönlichen Anwesenheit des Kochs begleitet. Der spezialisierte Koch war nicht da, weil er Kiriltschuk respektierte oder mochte, sondern im Gegenteil. Wie kann man einen Mann gut behandeln, wenn er kleinlich und ungezogen ist?

Der Unteroffizier hatte eine abscheuliche Art, sich mit dem Fenstervorhang die Lippen abzuwischen. Niemand kann sagen, seit wann er sich das angewöhnt hat, aber als dieser eklatante Mangel an Kultur entdeckt wurde, war es bei ihm bereits zur Gewohnheit geworden.

Alles begann, als der neue Leiter des Außenpostens, Major Sykin, bei einer Razzia zur Überprüfung von Sauberkeit und Ordnung auf dem Gelände der Einheit einen scheußlich aussehenden Vorhang in der Kantine entdeckte. Der für seinen Zustand verantwortliche Koch wurde sofort gerufen. Der arme Mann

состояние, заставской повар. Бедняга хлопал глазами, разводил руками, но так и не смог вразумительно объяснить, почему оконная занавеска в столовой выглядит хуже, чем тряпка, которой бойцы протирают свои автоматы после смазки.

Повара, естественно, наказали генеральной уборкой и санитарной обработкой всего подконтрольного ему хозяйства. С честью выдержав все испытания, он между тем затаил обиду на таинственного вредителя и решил его вывести на чистую воду. Повар начал втайне следить за всеми солдатами и даже офицерами, посещавшими пищеблок.

И вот, наконец, день триумфа и реабилитации его незаслуженно запятнанной репутации настал! В присутствии трёх свидетелей, одним из которых оказался замначальника заставы лейтенант Газаев, был пойман в момент вытирания губ младший сержант Кирильчук.

С тех пор между поваром и младшим сержантом возникла неприязнь, вылившаяся в открытое противостояние. Дело в том, что Кирильчук и не собирался отказываться от своей свиной привычки и при каждом удобном случае норовил вытереть толстые испачканные жиром губы о благородный занавесочный поплин. Повар же считал делом чести защиту оконной занавеси от надругательства. Эта поплиновая занавеска превратилась в эдакое знамя борьбы против хамства и нечистоплотности младшего сержанта.

Застава сразу же разделилась на два лагеря. В первом, состоявшем из приятелей Кирильчука, считали, что ему можно простить эту невинную слабость. Остальные целиком поддерживали повара.

зучке с глазами и шüttelte die Hände, konnte sich aber nicht erklären, warum der Fenstervorhang in der Kantine schlechter aussah als der Lappen, mit dem die Soldaten ihre Gewehre nach dem Schmier abwischten.

Der Koch wurde natürlich mit einer allgemeinen Reinigung und Desinfektion des gesamten Betriebes unter seiner Kontrolle bestraft. Nachdem er die Prüfung mit Bravour bestanden hatte, hegte er inzwischen einen Groll gegen den mysteriösen Schädling und beschloss, ihn bloßzustellen. Der Koch begann, heimlich alle Soldaten und sogar Offiziere zu bespitzeln, die die Kantine besuchten.

Der Tag des Triumphs und der Rehabilitierung seines unverdientermaßen angeschlagenen Rufs war endlich gekommen! In Anwesenheit von drei Zeugen, von denen einer Leutnant Gasajew, stellvertretender Leiter des Außenpostens, war, wurde Unteroffizier Kiriltschuk dabei erwischt, wie er sich die Lippen abwischte.

Seitdem gab es eine Feindseligkeit zwischen dem Koch und dem Unteroffizier, die sich zu einer offenen Konfrontation entwickelte. Tatsache war, dass Kiriltschuk nicht die Absicht hatte, seine schweinische Angewohnheit aufzugeben, und bei jeder Gelegenheit wischte er seine dicken, fettverschmierten Lippen an der edlen Gardinenpopeline ab. Der Koch hielt es für eine Ehrensache, den Fenstervorhang vor Missbrauch zu schützen. Der Popeline-Vorhang wurde zum Banner gegen die Grobschlächtigkeit und Unordentlichkeit des Unteroffiziers.

Der Außenposten wurde sofort in zwei Lager geteilt. Der erste, bestehend aus Kiriltschuks Kumpels, dachte, man könne ihm diese unschuldige Schwäche verzeihen. Die anderen unterstützten den Koch voll und ganz.

Личный состав с интересом наблюдал за противостоянием двух принципиальных противников. Когда Кирильчук садился есть, повар вынужден был бросать все дела. Он торчал в дверях между кухней и комнатой для приёма пищи, чтобы вовремя пресечь посягательство на занавеску. Судя по жирно лоснящимся губам младшего сержанта, сегодня эта занавеска осталась нетронутой.

На Кирильчуке были надеты камуфлированные брюки и резиновые банные тапки. Майку он снял, и она висела у него на плече.

Вышедшие из курилки солдаты сразу обратили внимание на то, что у Кирильчука было довольно объёмистое пузо, которое он лениво почёсывал, благодушно щурясь на тёплом весеннем солнышке. Большинство военнослужащих срочной службы имеют животы тощие, впалые или рельефно накачанные. В крайнем случае, встречаются животы, слегка вздутые от обильной или не совсем здоровой пищи, но, чтобы солдат имел брюхо, как у беременной, — это большая редкость. Обладателем такой редкости являлся младший сержант.

Увидев такую картину, сержант Заиц скорчил идиотскую физиономию и, подобострастно согнувшись, бросился к Кирильчуку.

— Как себя чувствуете, мамочка? Не тошнит уже? Какой у нас срок?

Заиц нагнулся к животу и, сведя глаза к переносице, стал делать вид, что прислушивается к звукам внутри. Кирильчук начал ему подыгрывать, ещё больше выпятив брюхо, он обхватил его руками и, закатив глаза, томным голосом произнёс:

— Всё хорошо доктор, только ножками по ночам стучит. Наверное, наружу просится.

Die Belegschaft beobachtete mit Interesse die Konfrontation zwischen den beiden prinzipientreuen Kontrahenten. Als Kiriltschuk sich zum Essen hinsetzte, musste der Koch die ganze Arbeit liegen lassen. Er hing in der Türöffnung zwischen Küche und Esszimmer, um rechtzeitig die Manipulation des Vorhangs zu verhindern. Den fettig glänzenden Lippen des Unteroffiziers nach zu urteilen, blieb dieser Vorhang heute unangetastet.

Kiriltschuk trug eine Tarnhose und Gummibadeschuhe. Er hatte sein Hemd ausgezogen und es hing ihm über die Schulter.

Den Soldaten, die aus dem Raucherraum kamen, fiel sofort auf, dass Kiriltschuk einen ziemlich voluminösen Bauch hatte, den er faul kratzte und dabei wohlwollend in die warme Frühlingssonne blinzelte. Die Mehrheit der Militärangehörigen hatte magere, hohle oder aufgepumpte Bäuche. Zumindest gibt es leicht angeschwollene Bäuche vom reichlichen oder nicht ganz gesunden Essen, aber dass ein Soldat einen Bauch wie eine schwangere Frau hat, ist eine große Seltenheit. Ein Unteroffizier war eine solche Seltenheit.

Feldwebel Saiz, der dieses Bild sah, setzte ein idiotisches Gesicht auf und stürzte, sich bückend, unterwürfig zu Kiriltschuk.

- Wie geht es dir, Mami? Keine Übelkeit? Wie weit sind wir?

Saiz beugte sich über den Bauch, legte die Augen auf den Nasenrücken und tat so, als lausche er den Geräuschen im Inneren. Kiriltschuk fing an, mit ihm zu spielen, er legte die Arme noch mehr um seinen Bauch, rollte mit den Augen und sagte mit schmachsender Stimme:

- Alles gut, Doktor, das sind nur die Beine, die nachts klopfen. Er bettelt wahrscheinlich darum, rauszukommen.

— Это ему кислорода маловато.
Больше гуляйте, мамочка.

Потом Заиц положил свою ладонь чуть правее пупа и гнусавым голосом произнёс:

— А ну, мамочка, мы посмотрим, где у нас головка! — и начал щекотать младшего сержанта.

Тот не выдержал и, заорав, начал отбиваться от Заица. Тому на помощь со злорадным хохотом кинулся Ермилов. Пользуясь суматохой, Шамшур незаметно улизнул.

ГЛАВА 6

Они шли вдоль пологого берега, почти у самой воды. В этом равнинном месте Аракс широко разливался и, успокоившись, замедлял ход. Ниже по течению следовал крутой изгиб реки, и начинались скалы. Они зажимали русло в каменные тиски, и вода, поднявшись и вспенившись, с недовольным рокотом устремлялась дальше.

Джамиля сняла туфельки и, аккуратно ступая босыми ногами по обкатанной гальке, медленно брела навстречу речному потоку. Шамшур шагал вслед. То и дело он поднимал какую-то веточку и тщательно обдирал кору на ней. Когда ветка оставалась совершенно голой он, покрутив её в руках, выбрасывал и, подобрав с земли тут же новую, принимался её обчищать. Солдат нервничал. Он до сих пор не знал, что думала о нём Джамиля после его признания недельной давности. Эта неопределённость висела на его душе тяжёлым грузом.

Они были не одни. Впереди медленно двигались овцы, рядом брели брат Джамилы и её невестка, поодаль трусила собака мальчика. Эльнур лениво постукивал палкой по

- Er bekommt nicht genug Sauerstoff.
Mach mehr Spaziergänge, Mami.

Dann legte Saiz seine Handfläche genau rechts neben seinen Bauchnabel und sagte mit nasaler Stimme:

- Komm schon, Mami, lass uns sehen, wo der Kopf ist! - und fing an, den Unteroffizier zu kitzeln.

Er konnte es nicht mehr aushalten und begann schreiend Saiz abzuwehren. Jermilow eilte ihm mit einem hämischen Lachen zu Hilfe. Schamschur nutzte die Hektik und verschwand unbemerkt.

KAPITEL 6

Sie gingen am sanften Ufer entlang, fast neben dem Wasser. An diesem flachen Ort war der Araks weit offen und wurde langsamer, nachdem er sich beruhigt hatte. Flussabwärts gab es eine steile Biegung im Fluss und Klippen. Sie klemmten das Flussbett in einen felsigen Schraubstock, und das Wasser, aufsteigend und schäumend, rauschte mit einem unzufriedenen Rauschen weiter.

Djamila zog ihre Schuhchen aus und ging, mit ihren nackten Füßen sanft über die rollenden Kieselsteine tretend, langsam auf den Flusslauf zu. Schamschur folgte ihr. Ab und zu hob er einen Zweig auf und schälte vorsichtig die Rinde ab. Als ein Ast völlig nackt war, drehte er ihn in seinen Händen, warf ihn weg und hob einen neuen vom Boden auf und begann ihn zu reinigen. Der Soldat war nervös. Er wusste immer noch nicht, was Djamila nach seinem Geständnis vor einer Woche von ihm dachte. Diese Unsicherheit lastete schwer auf seiner Seele.

Sie waren nicht allein. Die Schafe bewegten sich langsam vorwärts, Djamilas Bruder und Schwägerin gingen neben ihnen her, und der Hund des Jungen trottete davon. Elnur klopfte

спинам отстававших овец и думал о предстоящем выстреле из ракетницы. Лейла же беспокойно оглядывалась по сторонам и хмурилась. Ей очень не нравилась открытая местность, по которой они шли.

Когда Лейла узнала, что её золовка собралась снова идти к реке, то не на шутку разнервничалась. Подумать только, ей поручили присматривать за девочкой, а она, вместо того чтобы беречь ту от посторонних бесстыжих глаз, сама водит её на свидания. И ладно, если бы это были встречи с азербайджанским юношей из хорошей семьи! Но ведь глупая девчонка заинтересовалась солдатом! Женщина попыталась отговорить Джамилю от столь сомнительного увлечения, но натолкнулась на неожиданное упрямство. Девчонка во что бы то ни стало решила увидеться с солдатом, и была готова идти на границу даже без сопровождения.

В их семье все были такие — если что-то себе вдолбили в голову, то ни за что их не переубедить! Брат Джамили Фархад такой же упёртый. Ведь была у него возможность избежать службы в армии. Родственники могли его откупить, но он отказался. Он даже не захотел служить у себя на родине, а отправился в Нагорный Карабах. Видите ли, без него Карабах не освободят! Герой выискался! Только герои не всегда возвращаются домой живыми!

Лейла задумалась о своём муже, и у неё заняло сердце. Последние его письма, написанные ещё в марте, она получила из Шуши. Город в самом центре Карабаха находился совсем близко к мятежному Степанакерту. И хоть супруг писал, что пребывает на настоящем курорте и у него всё замечательно, женщина ему не

träge mit einem Stock auf die Rücken der zurückbleibenden Schafe und dachte an die bevorstehende Leuchtpistole. Leila hingegen sah sich unruhig um und runzelte die Stirn. Das offene Gelände, in dem sie unterwegs waren, gefiel ihr nicht.

Als Leila erfuhr, dass ihre Schwägerin wieder zum Fluss gehen wollte, wurde sie nervös. Wenn man bedenkt, dass man ihr anvertraut hatte, auf das Mädchen aufzupassen, und statt sie vor schamlosen Blicken zu schützen, ging sie selbst mit ihr auf Verabredungen. Und klar, wenn es mit einem aserbajdschanischen Jungen aus einer guten Familie gewesen wäre! Aber das törichte Mädchen war an dem Soldaten interessiert! Die Frau versuchte, Djamila von einer solch zweifelhaften Verliebtheit abzubringen, stieß aber auf unerwartete Hartnäckigkeit. Das Mädchen war entschlossen, den Soldaten um jeden Preis zu sehen, und war bereit, auch ohne Begleitung zur Grenze zu gehen.

In ihrer Familie waren alle so - wenn sie sich einmal etwas in den Kopf gesetzt hatten, konnte man sie nie mehr umstimmen! Djamilas Bruder Farhad war genauso hartnäckig. Immerhin hatte er die Möglichkeit, den Dienst in der Armee zu vermeiden. Seine Verwandten hätten ihn freikaufen können, aber er weigerte sich. Er wollte nicht einmal in seinem Heimatland dienen, sondern ging nach Berg-Karabach. Sie sehen, ohne ihn werden sie Karabach nicht befreien! Ein Held, der sich als solcher entpuppte! Nur kommen die Helden nicht immer lebendig nach Hause!

Leila dachte an ihren Mann und ihr Herz tat weh. Seine letzten Briefe, geschrieben im März, hatte sie aus Schuscha erhalten. Die Stadt im Herzen von Karabach lag ganz in der Nähe des aufständischen Stepanakert. Obwohl ihr Mann schrieb, dass er an einem richtigen Urlaubsort ist und alles in Ordnung sei, glaubte ihm die Frau nicht.

верила. Теперь к тревожным мыслям о Фархаде, прибавилась ещё одна головная боль — его сумасшедшая сестра.

Хмуρο взглянув на идущую следом пару, женщина прикрикнула на овец. Поскорее бы уйти в более укромное место! Ещё эти два солдата, шагающие по дороге, привлекают внимание. Того гляди, кто-то увидит — тогда, вообще, позора не оберешься. Ах, какая всё-таки Джамила молодая и глупая! Не понимает, чем это чревато. Отец девушки влиятельный человек в Народном Фронте. Не дай бог кому-то узнать, что вытворяет его единственная дочь! Ведь это какой удар по репутации!

Лейла хорошо знала отца Джамилы. Джамал Мамедов, еще, будучи преподавателем института, отличался строгим характером. Правда, строгость эта раньше не распространялась на семью. Дома он любил возиться со старшим сыном и дочерью и обожал свою жену. Всё изменилось в одночасье. Во время родов третьего ребёнка женщина умерла. Родившегося мальчика удалось спасти. Его назвали Эльнуром. Отец с трудом принимал младшего сына, считая его главной причиной трагедии. Политика, которой Джамал Мамедов стал заниматься в конце восьмидесятых, окончательно испортила его. Строгость отца превратилась в бездушность, которую он даже не пытался скрывать. Когда встал вопрос о службе его старшего сына, он, не задумываясь, послал Фархада в самое пекло Карабахской войны. Если он не пожалел родного сына, что можно говорить об его отношении к дочери и, тем более, к невестке!

Пока Лейла размышляла о том, чем могут закончиться эти

Zu Farhads ängstlichen Gedanken gesellte sich nun ein weiteres Kopfzerbrechen - seine verrückte Schwester.

Die Frau sah das folgende Paar stirnrunzelnd an und schrie die Schafe an. Ich kann es kaum erwarten, an einen abgelegeneren Ort zu kommen! Die beiden Soldaten, die die Straße entlang gingen, erregten Aufmerksamkeit. Wenn jemand sie sehen würde, gäbe es eine Schande. Ach, was ist Djamila doch für ein junges und törichtes Mädchen! Sie versteht die Konsequenzen nicht. Der Vater des Mädchens ist ein mächtiger Mann in der Volksfront. Gott bewahre, dass jemand erfährt, was seine einzige Tochter tut! Welch ein Schlag für seinen Ruf!

Leila kannte Djamilas Vater gut. Djamal Mamedow war schon als Lehrer am Institut ein strenger Charakter. Allerdings hatte sich diese Strenge bisher nicht auf die Familie erstreckt. Zu Hause kümmerte er sich gerne um seinen ältesten Sohn und seine Tochter und verehrte seine Frau. Alles hat sich über Nacht geändert. Die Frau starb bei der Geburt ihres dritten Kindes. Der Junge, der geboren wurde, wurde gerettet. Sein Name war Elnur. Der Vater akzeptierte seinen jüngeren Sohn kaum und sah in ihm die Hauptursache für die Tragödie. Die Politik, in die Djamal Mamedow Ende der achtziger Jahre verwickelt wurde, hat ihn schließlich korrumpiert. Die Strenge seines Vaters verwandelte sich in eine Gefühllosigkeit, die er nicht einmal zu verbergen versuchte. Als die Frage nach dem Dienst seines ältesten Sohnes aufkam, zögerte er nicht, Farhad mitten in den Karabach-Krieg zu schicken. Wenn er schon kein Mitleid mit seinem eigenen Sohn hatte, was kann man dann über sein Verhalten gegenüber seiner Tochter und erst recht gegenüber seiner Schwiegertochter sagen!

Während Leila darüber nachdachte, wie diese riskanten Begegnungen an

рискованные встречи на границе, Джамиля болтала с солдатом, совершенно не беспокоясь о последствиях.

— Недавно мне приснился сон. Я гуляю на берегу реки и встречаю мужчину. Этот мужчина мне незнаком. Он подходит ко мне, берёт за руку и говорит: «Джамиля, пойдём со мной. Я увезу тебя в другую страну, и ты будешь счастлива». Я тогда проснулась и думаю: «Вот хорошо! Буду жить за границей». Тебе смешно?

— Нет, я не смеюсь, — произнёс Шамшур. — Продолжай.

— А три недели назад я увидела тебя и подумала, что может это ты мне снился. Лейла говорит — я сумасшедшая. Ты тоже так думаешь?

Шамшур отрицательно мотнул головой.

— Лейла не хочет, чтобы мой отец узнал об этих встречах. Да и я не хочу этого. Он у меня очень... — девушка на секунду задумалась, подбирая слово. — Очень грозный. Лейла его боится, а Фархад говорит, что так и должно быть. Жена должна бояться отца мужа. Как у вас называют отца мужа?

— Свёкор.

— А отца жены?

— Тесть.

— Такие смешные слова. А кто Лейла для моего отца?

Теперь задумался Шамшур.

— По-моему — сноха.

— Какое странное слово.

— И ты так просто пошла с тем, из твоего сна? — поинтересовался солдат.

— Да, а что?

— А разве ты не помолвлена с кем-то?

— Как это? — удивилась девушка.

— Ну, это, когда родители жениха договариваются с родителями невесты, что их дети поженятся.

der Grenze enden könnten, unterhielt sich Djamila mit dem Soldaten, völlig unbekümmert über die Konsequenzen.

- Ich hatte kürzlich einen Traum. Ich ging am Ufer eines Flusses entlang und traf einen Mann. Der Mann ist ein Fremder für mich. Er kommt auf mich zu, nimmt meine Hand und sagt: „Djamila, komm mit mir. Ich werde dich in ein anderes Land bringen und du wirst glücklich sein“. Dann wachte ich auf und dachte: „Das ist gut! Ich werde im Ausland leben.“ Lachst du etwa?

- Nein, ich lache nicht, - sagte Schamschur. - Mach weiter.

- Vor drei Wochen habe ich dich gesehen und dachte, ich würde vielleicht von dir träumen. Leila sagt, ich sei verrückt. Siehst du das auch so?

Schamschur schüttelte verneinend den Kopf.

- Leila will nicht, dass mein Vater von diesen Treffen erfährt. Und das will ich auch nicht. Er ist sehr ..., - dachte sie einen Moment lang nach und suchte nach einem Wort. - Sehr schlimm. Leila hat Angst vor ihm, und Farhad sagt, dass das so sein sollte. Eine Ehefrau soll Angst vor dem Vater ihres Mannes haben. Wie nennt man den Vater eines Mannes?

- Schwiegervater

- Und der Vater der Frau?

- Schwiegervater

- So lustige Worte. Und wer ist Leila für meinen Vater?

Jetzt denkt Schamschur nach.

- Schwiegertochter, glaube ich.

- Was für ein seltsames Wort.

- Und du bist gerade mit dem aus deinem Traum gegangen? - fragte der Soldat.

- Ja, warum?

- Bist du nicht mit jemandem verlobt?

- Wie meinst du das? - Sie war überrascht.

- Nun, es ist, wenn die Eltern des Bräutigams mit den Eltern der Braut

— Нет, у нас такого нет.
— А я думал, что это у вас обычное дело.

— Ты в это веришь? — засмеялась Джамиля. — Даже если бы отец нашёл мне жениха, то это всё равно ничего не значило бы. Я выйду замуж за того, кого выберу сама.

— А как же калым? У вас, что его не платят?

— Это всего лишь традиции. Ты думаешь, что если бы у Фархада не было денег, то Лейла не стала бы его женой? Стала бы всё равно. Они знают друг друга с детства. Родители Лейлы любят моего брата, как родного сына.

Дальше они пошли молча. Шамшур очистил от коры очередной сучок и показал Джамиле:

— На что похоже?

Она взяла обломок веточки и стала крутить его. Сучок был похож на подбоченившегося человечка с отставленной назад ногой.

В этот момент они подошли к склону. Выше него проходила грунтовая дорога основного рубежа. Лейла и Эльнур с отарой уже поднялись туда. Шамшур протянул руку Джамиле, чтобы помочь ей взобраться наверх. Вдруг впереди на дороге показался УАЗ.

Автомобиль принадлежал не военным. Пару лет назад этот уазик возил совхозного агронома, теперь на нём разъезжали местные бойцы Народного Фронта. Иногда они демонстративно заезжали в пограничную зону, и пограничники вынуждены были с этим мириться.

Уазик нёсся по дороге, лихо подсакивая на кочках и оставляя за собой шлейф пыли. Увидев его, Лейла испугано вскрикнула и очертя голову бросилась вниз по склону,

übereinstimmen, dass ihre Kinder heiraten werden.

- Nein, das haben wir nicht.

- Ich dachte, das wäre bei euch üblich.

- Glaubst du das? - Djamila lachte. - Selbst wenn mein Vater einen Bräutigam für mich finden würde, würde das nichts bedeuten. Ich werde heiraten, wen auch immer ich für mich wähle.

- Was ist mit dem Brautgeld? Bezahlst ihr das nicht?

- Es ist einfach eine Tradition. Glaubst du, wenn Farhad kein Geld hätte, würde Leila ihn nicht heiraten? Das hätte sie sowieso getan. Sie kennen sich seit ihrer Kindheit. Die Eltern Leilas lieben meinen Bruder wie ihren eigenen Sohn.

Sie gingen schweigend weiter. Schamschur schälte die Rinde eines weiteren Zweiges ab und zeigte ihn Djamila:

- Wie sieht er aus?

Sie nahm ein Stückchen Zweig auf und begann ihn zu drehen. Der Zweig sah aus wie ein die Arme in die Seiten stemmender Mann mit abgespreizten Beinen.

An dieser Stelle näherten sie sich einem Abhang. Darüber befand sich der Feldweg der Hauptstrecke. Dort waren bereits Leila und Elnur mit ihrer Herde hochgeklettert. Schamschur streckte seine Hand aus, um Djamila beim Aufsteigen zu helfen. Plötzlich tauchte ein UAS auf der Straße vor ihnen auf.

Das Auto gehörte nicht dem Militär. Vor ein paar Jahren wurde der UAS noch von einem staatlichen Agrarwissenschaftler gefahren, jetzt wird er von lokalen Volksfrontkämpfern gefahren. Manchmal fahren sie trotzig in die Grenzzone und die Grenzer mussten sich das gefallen lassen.

Der UAS-Wagen raste die Straße hinunter, hüpfte wild über die Bodenwellen und hinterließ eine Staubspur. Als Leila es sah, schrie sie vor Schreck auf und rannte kopfüber

рискуя в любой момент упасть и переломать себе конечности. Но самым удивительным было то, что Джамиля поступила так же. Она тоже кинулась вниз. Щенок Эльнура воспринял это как игру и радостно залаял вслед убегающим. Обе девушки домчались до зарослей кустарника и спрятались там. По всему было видно, что они не на шутку напуганы. Возле солдат остался только мальчик и встревоженные овцы.

Автомобиль поравнялся с пограничниками и, съехав с дороги, затормозил. Шамшур разглядел четырёх смуглых мужчин в камуфлированной форме. Двое из них были вооружены автоматами.

Шамшур выругался матом и решительно направился к уазику.

— Что тут забыли!? — вместо приветствия крикнул он. Из машины вылез один из боевиков и добродушно улыбнулся, блеснув золотыми коронками:

— Э, солдат, почему такой злой!? Мы к тебе в гости приехали!

— А автомат тебе зачем, или ты в гости с автоматом ходишь?

— Как же без автомата? Без него нельзя. Времена, сам знаешь, какие!

Шамшур обошёл уазик. Задняя дверь с противоположной стороны была открыта, и вооружённый человек, сидящий на заднем сидении, выставил на подножку ногу в потрёпанном кеде. Его автомат лежал на коленях, но ствол был направлен в сторону пограничника. Большим пальцем он методично щёлкал планкой предохранителя.

Сопровождавшие Шамшура «индусы» стояли поодаль и молча пялились на азербайджанцев.

den Abhang hinunter, wobei sie riskierte, jeden Moment zu fallen und sich die Glieder zu brechen. Aber das Überraschendste war, dass Djamila das Gleiche tat. Auch sie warf sich hin. Elnurs Welpе nahm dies als Spiel und bellte fröhlich den Ausreißern hinterher. Die beiden Mädchen rannten in die Büsche und versteckten sich dort. Sie waren offensichtlich verängstigt. Nur der Junge und das besorgte Schaf blieben bei dem Soldaten.

Das Auto näherte sich den Grenzbeamten und verlangsamte, als es von der Straße abkam, seine Fahrt. Schamschur sah vier dunkelhäutige Männer in Tarnuniformen. Zwei von ihnen waren mit Maschinengewehren bewaffnet.

Schamschur fluchte mit obszönen Schimpfwörtern und bewegte sich zielstrebig auf das UAS-Auto zu.

- Was hast du hier verloren!? - rief er anstelle einer Begrüßung. Einer der Kämpfer stieg aus dem Wagen und lächelte gutmütig, seine goldenen Kronen schimmerten:

- Hey, Soldat, warum so wütend? Wir sind gekommen, um dich zu besuchen!

- Wozu brauchst du eine Maschinenpistole, bzw. kommst du mit einer Maschinenpistole zu Besuch?

- Was kann man ohne ein Maschinengewehr tun? Man kann nicht ohne eins gehen. Du weißt, wie die Zeiten sind!

Schamschur ging um den UAS-Wagen herum. Die Hintertür auf der gegenüberliegenden Seite war offen und ein bewaffneter Mann saß auf der Rückbank und hatte seinen Fuß in einem schäbigen Turnschuh auf der Stufe. Sein Sturmgewehr ruhte auf seinem Schoß, aber der Lauf war in Richtung des Grenzsoldaten gerichtet. Mit dem Daumen schnippte er methodisch die Sicherung an.

Die „Hindus“, die Schamschur begleiteten, standen abseits und starrten die Aserbajdschaner

Старший наряда понял, что разговаривать с нарушителями ему придётся одному.

— Хочешь в гости — приезжай на заставу, — бросил он зло.

— Конечно, приедем! — ответил золотозубый. — Вы же скоро домой поедете, а мы вас будем провожать. Заставу вашу будем принимать, имущество, которое вы нам оставите. Так что вы берегите имущество — оно нам ещё понадобится. Особенно оружие берегите, чистите его, смазывайте — нам из него стрелять. Понял?

— Ага, уговорил! Я тебе свой автомат персонально оставляю. Сейчас, как вернусь на заставу, так сразу же сяду дарственную надпись писать. Осталось только узнать на чьё имя писать.

— Э, не надо надписи, — азербайджанец, как будто не замечал насмешки. — У тебя ведь хороший автомат?

— Пока не жалуюсь.

— Честно? А ну, покажи, как он стреляет. Выстрели вон туда, а я посмотрю — не обманываешь ли ты.

Боевик указал вниз, как раз на те кусты, где прятались девушки, и оскалился золотом. Шамшур зло молчал.

— Не хочешь стрелять? Тогда я буду стрелять. У меня хороший автомат — я его сам пристреливал.

«Фронтвик» снял свой громоздкий АКМ с плеча и сделал несколько шагов в краю склона.

— Стой! — крикнул Шамшур. Он понял, что азербайджанец знает о прячущихся девушках и нарочно ломает комедию. В этот момент заговорил брат Джамили. Было

schweigend an. Der Leiter der Patrouille erkannte, dass er mit den Eindringlingen allein sprechen musste.

- Wenn du einen besuchen willst, komm zum Außenposten, - warf er wütend ein.

- Natürlich tun wir das! - antwortete der Mann mit den goldenen Zähnen. - Sie werden bald nach Hause gehen und wir werden sie verabschieden. Wir übernehmen den Außenposten und das Eigentum, das ihr uns überlasst. Also muss man sich um sein Eigentum kümmern - wir werden es brauchen. Pflegen Sie vor allem ihre Waffen, reinigen Sie sie, schmieren Sie sie - wir werden mit ihnen schießen.

Verstanden?

- Aha, überredet! Ich überlasse dir mein Maschinengewehr persönlich. Wenn ich zum Außenposten zurückkomme, werde ich eine Schenkungsurkunde schreiben. Ich muss nur noch herausfinden, in wessen Namen ich es eintragen soll.

- Äh, keine Widmung, - der Aserbaidtschaner, als ob er den Spott nicht bemerkt hätte. - Du hast doch eine gute Maschinenpistole?

- Ich kann mich nicht beschweren.

- Ehrlich? Komm schon, zeig mir, wie sie schießt. Du schießt da rüber, und ich sehe nach, ob du schummelst.

Der Schütze zeigte nach unten, genau auf die Büsche, in denen sich die Mädchen versteckten, und fletschte die goldenen Zähne. Schamschur schwieg verärgert.

- Du willst nicht schießen? Dann werde ich schießen. Ich habe ein gutes Gewehr - ich habe es selbst eingeschossen.

Der „Frontkämpfer“ nahm seine sperrige AKM (*MPi Kalaschnikow*) von der Schulter und ging ein paar Schritte an den Rand des Hanges.

- Halt!, - rief Schamschur. Er erkannte, dass der Aserbaidtschaner von den versteckten Mädchen wusste und absichtlich eine Komödie machte. In diesem Moment begann Djamilas

заметно, что мальчик напуган и вот-вот расплачется. Мужчина спросил его по-азербайджански, указав пальцем на кусты внизу. Тот виновато закивал. Между ними произошёл короткий диалог.

— Не трогай пацана, и вали отсюда! — солдат двинулся к боевику.

— Ух, ты! А если не свалю, что будет? — в словах азербайджанца звучала насмешка. Он уверенно сделал шаг навстречу солдату. Шамшур растерялся. Под ложечкой отвратительно засосало. Что делать дальше, как отвечать — он не знал.

В этот момент на рубеже прикрытия со стороны заставы послышался рокот. Вдали показалась бронемашина с сидящими на ней бойцами. Она быстро приближалась. Неожиданно возникшее численное превосходство пограничников изменило ситуацию. Из уазика прозвучал озабоченный голос водителя. Золотозубый нервно повернулся и пошёл к автомобилю. На ходу он что-то злое бросил в сторону перепуганного мальчишки. Через минуту уазик подсакивая и буксуя, вырулил на дорогу и, подняв клубы пыли, помчался в направлении переезда через железнодорожную колею.

Железная дорога являлась границей перед границей. Она отделяла узкую приграничную полосу, контролируемую военными, от так называемого тыла, где пограничники без особой надобности старались не появляться. Там номинально управляла местная администрация, но фактически хозяйничали активисты Народного Фронта.

Bruder zu sprechen. Der Junge war sichtlich erschrocken und war kurz davor zu weinen. Der Mann fragte ihn auf Aserbaidshisch und deutete auf das Gebüsch unter ihm. Der Junge nickte schuldbewusst. Es folgte ein kurzer Dialog zwischen den beiden.

- Lass den Jungen in Ruhe und verschwindet von hier! - der Soldat bewegte sich auf den Kämpfer zu.

- Wow! Was passiert, wenn ich es nicht tue? - In den Worten des Aserbaidshischers lag Spott. Selbstbewusst ging er einen Schritt auf den Soldaten zu. Schamschur war verwirrt. Er hatte ein mulmiges Gefühl in der Magengrube. Was er als nächstes tun sollte, wie er antworten sollte - er wusste es nicht.

In diesem Moment war ein Grollen an der Deckungslinie des Außenpostens zu hören. In der Ferne erschien ein gepanzertes Fahrzeug, auf dem Soldaten saßen. Sie näherten sich schnell. Plötzlich veränderte die zahlenmäßige Überlegenheit der Grenzsoldaten die Situation. Die besorgte Stimme des Fahrers ertönte aus dem UAS. Der Goldzahn drehte sich nervös um und ging auf das Auto zu. Im Gehen warf er etwas wütend in die Richtung des verängstigten Jungen. In einer Minute hüpfte und schleuderte der UAS auf der Straße und raste unter Aufwirbelung einer Staubwolke in Richtung Bahnübergang.

Die Eisenbahn war die Grenze vor der Grenze. Sie trennte den schmalen, vom Militär kontrollierten Grenzstreifen von der so genannten Heimatfront, an der Grenzsoldaten in der Regel nur bei besonderem Bedarf auftauchten. Es wurde nominell von der lokalen Verwaltung verwaltet, aber tatsächlich von Aktivisten der Volksfront gesteuert.

ГЛАВА 7

Об инциденте на границе к вечеру знала вся застава. Каждый считал нужным по этому поводу высказаться. Большинство не верило, что он мог привести к серьёзным последствиям. Боевики Народного Фронта не раз уже заезжали на пограничную территорию, вели себя вызывающе, вступали в перепалки с военными, но до рукоприкладства, а тем более до стрельбы дело никогда не доходило.

Не верил в серьёзность последствий и Кирильчук, но такой случай показался ему удобным поводом для сведения счётов с Шамшуром. Неприязнь к нему у младшего сержанта зрела давно. Чувствуя своё физическое превосходство, Кирильчук неоднократно провоцировал своего сослуживца. Въедливые насмешки, и бесцеремонные выходки давно должны были стать поводом для драки. Однако Шамшур, хоть и огрызался, но до физического выяснения отношений дело не доводил. Причина этому была банальной — он побаивался более крупного и физически крепкого Кирильчука, и тот, словно собака, эту трусость чувствовал.

Шамшур как раз закончил ужинать и направился к кухне, неся на подносе пустую посуду, когда в помещении пищеблока ввалился младший сержант.

— Я не понял! Ты чего жрёшь!? Тебя что, твоя мамедка не накормила!? Может, ты её плохо удовлетворил!? А, чего молчишь!?

Шамшур, не говоря ни слова, отнёс посуду на мойку и пошёл к выходу, но Кирильчук не собирался его отпускать.

— Ты, какого хрена сегодня на азербайджанцев прыгал!? Совсем нюх

KAPITEL 7

Am Abend wusste der ganze Außenposten von dem Vorfall an der Grenze. Jeder hatte das Bedürfnis, sich dazu zu äußern. Die meisten glaubten nicht, dass es ernsthafte Konsequenzen hätte haben können. Die Kämpfer der Volksfront waren wiederholt in das Grenzgebiet eingedrungen, hatten sich trotzig verhalten und waren mit dem Militär in Streit geraten, aber es war nie zu Handgreiflichkeiten gekommen, geschweige denn zu Schießereien.

Kiriltschuk glaubte auch nicht an die Ernsthaftigkeit der Folgen, aber ein solcher Vorfall schien ihm eine günstige Gelegenheit zu sein, eine Rechnung mit Schamschur zu begleichen. Die Feindseligkeit des Unteroffiziers ihm gegenüber hatte sich schon lange zusammengebraut. Seine körperliche Überlegenheit spürend, provozierte Kiriltschuk seinen Kollegen wiederholt. Seine aufdringlichen Spötteleien und ungenierten Ausschreitungen hätten schon längst ein Grund für einen Kampf sein müssen. Doch obwohl Schamschur ausrastete, brachte er die Angelegenheit nicht zu einem physischen Schlagabtausch. Der Grund war banal - er hatte Angst vor dem größeren und körperlich stärkeren Kiriltschuk, und Kiriltschuk, wie ein Hund, fühlte diese Feigheit.

Schamschur hatte gerade das Abendessen beendet und war auf dem Weg in die Küche, wobei er ein leeres Tablett mit Geschirr trug, als der Unteroffizier in die Kantine platzte.

- Das verstehe ich nicht! Was isst du denn da?! Hat dich deine Mutter nicht gefüttert? Vielleicht hast du sie nicht genug befriedigt. Warum sagst du nichts?

Schamschur brachte wortlos das Geschirr zur Spüle und ging zum Ausgang, aber Kiriltschuk ließ ihn nicht gehen.

- Was zum Teufel bist du heute auf die Aserbajdschaner gesprungen!? Hast

потерял! Ты хочешь, чтобы, из-за твоего блядства, местные на нас охотиться начали!? Ты куда пошёл, козёл? — он грубо рванул сослуживца за плечо. Того развернуло. Он попятился к входу на кухню. Кирильчук обеими руками толкнул его туда и вошёл следом. В дверном проёме встал вечный спутник младшего сержанта Цвигун. Он улыбался в предвкушении потехи.

— Что молчишь? Со своей прошмандовкой ты, наверно, разговорчивей! — младший сержант вошёл в раж. — Может, ты приведёшь её на заставу, и мы познакомимся с ней поближе? А, как ты на счёт того, чтобы мы ею попользовались? С друзьями надо делиться!

— Ты мне не друг, — тихо, почти шёпотом, произнёс Шамшур.

— Что!?

— Ты быдло! — ненависть закипала в душе рядового. Она почти ослепила его. От лютой злобы он совершенно перестал бояться.

— Ты бычьё! — теперь уже он провоцировал врага, бросая ему в лицо оскорбления. — Хотя нет, ты не бык! Ты баран тупой!

— Ах ты, сука! — взревел младший сержант и ринулся к Шамшуру. Тот бросился навстречу.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Заставской повар, который всё это время находился неподалёку и молча наблюдал за происходящим, в момент рывка младшего сержанта пнул стоящий рядом табурет ему под ноги. Тот, пытаясь перешагнуть через неожиданно возникшее препятствие, запнулся на какой-то миг. Этого было достаточно. Шамшур нанёс удар первым. Кулак въехал прямо в мясистый нос Кирильчука. Второй удар он влепил младшему сержанту в подбородок. Тот хрюкнул и стал

du deinen Geruchssinn verloren? Willst du, dass die Einheimischen uns wegen deinem Rumgehure auf die Pelle rücken? Wo willst du hin, Arschloch? - er packte den Kameraden an der Schulter. Drehte ihn um. Er wich zum Eingang der Küche zurück. Kiriltschuk stieß ihn mit beiden Händen an und folgte ihm hinein. In der Tür stand der ewige Begleiter des Unteroffiziers, Zwigun . Er lächelte in Vorfreude auf den Spaß.

- Warum schweigst du? Du bist wahrscheinlich gesprächiger mit deiner Schlampe! - wurde der Unteroffizier ein wenig aufgeregt. - Warum bringst du sie nicht zum Außenposten und wir lernen sie besser kennen? Was hältst du davon, wenn wir sie benutzen? Teile sie mit deinen Freunden!

- Du bist nicht mein Freund, - sagte Schamschur mit leiser, fast flüsternder Stimme.

- Was!?

- Du bist Gesocks! - Der Hass kochte in der Seele des Soldaten. Es hat ihn fast geblendet. Vor dem grimmigen Zorn hatte er überhaupt keine Angst mehr.

- Du Mistker! - Jetzt provozierte er seinen Feind und schleuderte ihm Beleidigungen ins Gesicht. - Aber nein, du bist kein Stier! Du bist ein dummes Schaf!

- Ach, du Hund! - der Unteroffizier brüllte und stürzte sich auf Schamschur. Dieser stürzte auf ihn zu.

Und dann passierte etwas, womit niemand gerechnet hat. Der Koch vom Außenposten, der die ganze Zeit in der Nähe gestanden und schweigend zugesehen hatte, trat einen nahegelegenen Hocker unter seine Füße, als der Unteroffizier zusammenzuckte. Er stolperte einen Moment lang und versuchte, über das unerwartete Hindernis zu treten. Das war genug. Schamschur schlug zuerst zu. Seine Faust fuhr direkt in Kiriltschuks fleischige Nase. Mit dem zweiten Schlag traf er den Unteroffizier

заваливаться назад, неуклюже цепляясь за что попало. На пол со звоном посыпались алюминиевые миски. Удивлённо вскинув брови, Кирильчук попытался устоять на ногах. Он сделал неуверенный шаг назад, неожиданно опёрся рукой на раскаленную поверхность электроплиты, зашипев от боли, резко отдернул обожжённую руку и начал медленно валиться на бок. Тяжёлая туша младшего сержанта обрушилась посередине кухни. Глухой удар головы об мозаичный пол поставил точку в этом падении. Этот стук в наступившей тишине прозвучал отчётливо и удивительно громко.

Всеобщее замешательство длилось недолго. Лучший друг Кирильчука Цвигун с матом бросился на Шамшура. Вцепившись одной рукой ему в горло, он повалил того на кухонный стол и попытался ударить. Шамшур перехватил руку, и они несколько секунд хрипя боролись между собой. Сзади к Цвигуну подскочил повар. Он схватил его за шею, пытаясь оторвать от Шамшура. Началась возня. Всё это происходило под аккомпанемент рассыпающейся металлической посуды. Шум не остался незамеченным. Дверь распахнулась, и в пищеблок вбежал лейтенант Газаев.

— Отставить! — заорал офицер и с силой расшвырял дерущихся. — А ну, прекратить, сволочи!

Драка прекратилась. Тяжело дыша, Цвигун, Шамшур и повар стояли среди кружек, мисок и ложек, устилавших пол. Посередине кухни приходил в себя младший сержант Кирильчук. Он сел и с непонимающим видом огляделся по сторонам. Из его носа текла кровь, которую он, ещё не осознавая, что делает, размазывал по лицу.

am Kinn. Er grunzte und begann, rückwärts zu rollen, wobei er sich ungeschickt an allem festhielt, was da war. Aluminiumschalen klapperten auf den Boden. Mit einem erschrockenen Blick auf die Augenbrauen kämpfte Kiriltschuk darum, wieder auf die Beine zu kommen. Er machte einen unsicheren Schritt rückwärts, stützte sich plötzlich auf die heiße Oberfläche des Elektroherdes, zischte vor Schmerz, riss seine verbrannte Hand ruckartig weg und begann, sich langsam auf die Seite zu rollen. Der schwere Kadaver des Unteroffiziers brach mitten in der Küche zusammen. Ein dumpfer Schlag des Kopfes gegen den Mosaikboden kennzeichnete den Fall. Das dumpfe Geräusch in der anschließenden Stille war deutlich und überraschend laut.

Die allgemeine Verwirrung währte nicht lange. Kiriltschuks bester Freund Zwigun stürzte sich mit unflätigen Worten auf Schamschur. Mit einer Hand an seiner Kehle warf er ihn auf den Küchentisch und versuchte, ihn zu schlagen. Schamschur fing seine Hand ab, und sie kämpften ein paar Sekunden lang keuchend gegeneinander. Von hinten sprang der Koch auf Zwigun zu. Er packte ihn am Hals und versuchte, ihn von Schamschur wegzuziehen. Es kam zu einem Handgemenge. All dies geschah in Begleitung von bröckelnden Metallutensilien. Das Geräusch blieb nicht unbemerkt. Die Tür schwang auf und Leutnant Gasajew lief in die Kantine.

- Zurücktreten! - schrie der Offizier und schob die kämpfenden Männer mit Gewalt herum. - Hört auf, ihr Bastarde! Die Kämpfe wurden eingestellt. Schwer atmend standen Zwigun, Schamschur und der Koch inmitten der Tassen, Schüsseln und Löffel, die den Boden säumten. Mitten in der Küche kam Unteroffizier Kiriltschuk zur Besinnung. Er setzte sich auf und sah sich unverständlich um. Blut strömte aus seiner Nase, und er schmierte es sich ins Gesicht, bevor er wusste, was er tat.

— Кто затеял драку? — спросил Газаев.

— Я! — честно признался Шамшур и, затем, немного помедлив, махнул в сторону Кирильчука, — И он.

— Так, понятно. Морды умыли, и оба ко мне в канцелярию, — сказал лейтенант и вышел из кухни, хлопнув за собой дверь.

Поле боя Шамшур покинул победителем. У раковин мылись молча. Вернее, мылся один Кирильчук, тяжело сопя и отплёвываясь. Шамшур только слегка ополоснул руки и направился к выходу. Уже в дверях он услышал брошенное ему вслед:

— Я тебя, сука, пристрелю! Это я тебе обещаю! Теперь, чаще оглядывайся!

— Я учту, — спокойно произнёс Шамшур. Он абсолютно перестал бояться Кирильчука.

Через пять минут оба стояли в канцелярии перед лейтенантом.

— Ну, и какова причина столь жёсткого выяснения отношений? Рядовой Шамшур, за что вы его так разукрасили?

На физиономии Кирильчука уже начали проявляться следы удара в нос. Переносица распухла, а под обоими глазами начало набухать. Шамшур молчал.

— А вы, Кирильчук, что скажете? Что молчите, как партизаны!? Отвечайте, младший сержант! Почему началась драка? Ну, я жду?

Кирильчук грустно засопел, переминаясь с ноги на ногу. Шамшур стоял не шелохнувшись. Газаев быстро сориентировался, кто менее стоек в своём молчании, и грозно вперился взглядом в младшего сержанта. На изрытых крупными

- Wer hat den Streit angefangen? - fragte Gasajew.

- Ich! - Schamschur gestand ehrlich und winkte dann, nachdem er ein wenig gezögert hatte, in Richtung Kiriltschuk, - Und er.

- Also, ich verstehe. Schnauzen abwaschen und beide in mein Büro, - sagte der Leutnant und verließ die Küche, wobei er die Tür hinter sich zuschlug.

Schamschur verließ das Schlachtfeld als Sieger. An den Waschtischen haben sie kein Wort gesagt. Oder vielmehr Kiriltschuk wusch sich, schnüffelte und spuckte kräftig. Schamschur spülte sich nur leicht die Hände und ging zum Ausgang. Schon in der Tür hörte er die Botschaft, die ihm nachgeworfen wurde:

- Ich erschieße dich, du Hund! Das verspreche ich dir! Sieh dich jetzt öfter um!

- Ich werde es berücksichtigen, - sagte Schamschur ruhig. Er hatte überhaupt keine Angst mehr vor Kiriltschuk.

Fünf Minuten später standen beide vor dem Leutnant im Büro.

- Was war also der Grund für diesen harschen Austausch? Soldat Schamschur, warum haben Sie ihn so dekoriert?

Kiriltschuks Gesicht zeigte bereits die Spuren eines Schlags auf die Nase. Seine Nase war geschwollen und unter beiden Augen begann es zu schwellen. Schamschur schwieg.

- Und Sie, Kiriltschuk, was sagen Sie dazu? Warum schweigen Sie wie Partisanen? Antworten Sie mir, Unteroffizier! Warum hat der Streit begonnen? Nun, ich warte?

Kiriltschuk schnaubte traurig und wippte von einem Fuß auf den anderen. Schamschur stand still. Gasajew schätzte schnell ein, wer in seinem Schweigen weniger standhaft war und blickte den Unteroffizier bedrohlich an. Die Wangenknochen des Offiziers, die

оспинами скулах офицера перебежали желваки.

— Итак, я жду объяснений, — процедил сквозь зубы лейтенант, буравя взглядом Кирильчука. Тот, тяжело вздохнув, заговорил:

— Рядовой Шамшур, находясь на правом фланге в составе передвижного поста наблюдения, привлёк к себе внимание боевиков и вступил с ними в перебранку, чем подверг опасности себя и членов наряда. Я указал ему на это, но на моё замечание он ударил меня.

Шамшур удивлённо взглянул на своего врага, но продолжал молчать. Такая урезанная версия событий его вполне устраивала. Газаев усмехнулся:

— Вот, оказывается, как! Принципиальный младший сержант не прошёл мимо ошибок, допущенных рядовым Шамшуром, а смело указал ему на недостатки. А рядовой Шамшур, вместо того чтобы поблагодарить своего товарища, въехал ему в морду! Значит, так всё и было? — теперь лейтенант сверлил глазами Шамшура.

— Так точно, — с готовностью ответил тот.

Газаев задумался. Оба подчинённых ждали его решения.

— Хорошо, будем считать, что я поверил. Вам, рядовой Шамшур, я объявляю три наряда вне очереди с отработкой на хозяйственных работах. А вы, младший сержант Кирильчук, в ближайшую неделю будете нести службу на вышке. Об этом я распоряжусь. Это чтобы вашу разукрашенную физиономию поменьше кто видел. Всё понятно!?

— Так точно! — хором ответили Кирильчук и Шамшур.

— Свободны! Хотя, нет. Шамшур, оставайтесь.

Дверь за младшим сержантом закрылась, а рядовой продолжал стоять, уткнувшись взглядом в пол.

von großen Pockennarben durchzogen waren, flackerten.

- Also, ich warte auf eine Erklärung, - knirschte der Leutnant mit den Zähnen und starrte Kiriltschuk an. Der seufzte schwer und sprach:

- Soldat Schamschur, der sich auf der rechten Grenzseite des mobilen Beobachtungspostens befand, zog die Aufmerksamkeit der Militanten auf sich und geriet in eine Auseinandersetzung mit ihnen, wodurch er sich und die Mitglieder der Patrouille gefährdete. Ich wies ihn darauf hin, aber er schlug mich auf meine Bemerkung.

Schamschur blickte seinen Gegner überrascht an, blieb aber stumm. Eine solche verkürzte Version der Ereignisse kam ihm sehr gelegen. Gasajew grinste:

- So stellt es sich heraus! Der prinzipienfeste Unteroffizier ging nicht an den Fehlern des Soldaten Schamschur vorbei, sondern wies mutig auf seine Unzulänglichkeiten hin. Und der Soldat Schamschur, anstatt sich bei seinem Kameraden zu bedanken, schlug ihm ins Gesicht! So war es also? - Jetzt starrte der Leutnant Schamschur an.

- Jawohl, - antwortete er eifrig. Gasajew zögerte. Beide Untergebenen warteten auf seine Entscheidung.

- Gut, ich fasse das als ein Ja auf. Für Sie, Soldat Schamschur, erkläre ich drei Schichten außer der Reihe mit einer Auszeit für die Haushaltsarbeit. Und Sie, Unteroffizier Kiriltschuk, werden die nächste Woche Turmdienst haben. Das ist ein Befehl. Dies dient dazu, dass Ihr bemaltes Gesicht nicht sichtbar ist. Ist das klar?

- Jawohl! - Kiriltschuk und Schamschur antworteten gemeinsam.

- Wegtreten! Obwohl, nein. Schamschur, hier bleiben.

Die Tür hinter dem Unteroffizier schloss sich, aber der Soldat stand weiterhin da und starrte auf den Boden.

Наступило молчание. Крупная муха с монотонным жужжанием лениво билась в стекло. Лейтенант сложил пополам журнал «Советский воин» и одним ударом прихлопнул насекомое.

— Садись, — он указал на стул. — Ну, хорошо, Рома, а теперь давай на чистоту. За что ты с ним сцепился?

— Кирильчук же вам всё сказал. Он зашёл на кухню, начал мне морали читать, ну я ему в рожу и дал.

Газаев поморщился:

— Я же сказал — начистоту! Ты ведь не тот человек, который вот так просто в драку лезет. Я-то тебя знаю. Какая настоящая причина? Молчишь? Хорошо.

Офицер подошёл к солдату, нагнулся и, глядя ему в глаза, сообщил:

— По деревне гутарят — ты себе подружку из местных завёл?

Шамшура бросило в краску. Он никак не ожидал такого вопроса.

— О чём вы? Какая подружка? — вяло попытался он возразить.

— Ну-ну, дурака из себя не строй. Местная, на правом фланге овец пасёт. Ты что, думал — вся застава знает, а лейтенанту Газаеву знать не положено?

Замначальника сел рядом с Шамшуrom, положив длинные жилистые руки себе на колени.

— Рассказывай.

— Это не то, что вы думаете, товарищ лейтенант, — сбивчиво начал солдат. — Она азербайджанка. Хорошая девушка. Она по выходным пасёт овец на правом фланге. Там мы несколько раз встречались и разговаривали.

— Только разговаривали, или может ещё что-то?

— Ничего больше! Я её пальцем не тронул, клянусь! Да сами подумайте — что может между нами

Es trat eine Stille ein. Eine große Fliege surrte träge gegen das Glas. Der Leutnant faltete das Magazin „Sowjetischer Krieger“ in der Hälfte und erschlug das Insekt mit einem Schlag.

- Setzen Sie sich, - er deutete auf einen Stuhl. - Also gut, Roma, jetzt lass uns das klarstellen. Worüber haben Sie sich mit ihm gestritten?

- Kiriltschuk hat Ihnen alles erzählt. Er kam in die Küche, fing an, mich zu belehren, und ich schlug ihm ins Gesicht.

Gasajew zog eine Grimasse:

- Ich sagte, Sie sollen ehrlich sein! Sie sind nicht die Art von Mann, die sich einfach so in einen Kampf stürzt. Ich kenne Sie. Was ist der wahre Grund? Sie schweigen? Gut.

Der Offizier ging auf den Soldaten zu, beugte sich herunter, sah ihm in die Augen und sagte:

- Man munkelt im Dorf, dass du dir eine einheimische Freundin zugelegt hast.

Schamschur wurde rot. Eine solche Frage hatte er nicht erwartet.

- Worüber reden Sie? Welche Freundin? - versuchte er träge zu widersprechen.

- Nun, stell dich nicht dumm. Sie ist vor Ort, auf der rechten Grenzseite und hütet Schafe. Dachtest du, der ganze Außenposten weiß es, aber Leutnant Gasajew nicht?

Der stellvertretende Chef setzte sich neben Schamschur, legte seine langen drahtigen Hände auf die Knie.

- Erzähle.

- Es ist nicht so, wie Sie denken, Genosse Leutnant, - begann der Soldat verwirrt. - Sie ist Aserbaidtschanerin. Ein gutes Mädchen. An Wochenenden weidet sie Schafe auf der rechten Grenzseite. Wir haben uns dort mehrere Male getroffen und geredet.

- Einfach nur geredet, oder vielleicht etwas anderes?

- Nichts anderes! Ich habe sie nie angefasst, ich schwöre! Was kann schon zwischen uns passieren, vor so

быть при куче свидетелей. Я ведь не один на границу хожу. Да и она тоже не одна. Даже если бы я что-то хотел, всё равно ничего не получилось бы!

— А ты разве не хотел?

Шамшур обижено замолчал.

Двусмысленный вопрос прозвучал оскорбительно.

— Ладно, не обижайся, — лейтенант похлопал солдата по плечу и встал. — Кстати, сколько ей лет?

— Шестнадцать... Скоро исполнится.

— Ну, дела! — Газаев всплеснул руками.

— Товарищ лейтенант, я повторяю, — это не то, что вы думаете!

Офицер с интересом рассматривал подчинённого.

— Ты что, Рома, влюбился?

Шамшур снова замолчал, уставившись взглядом в пол.

— И что ты думаешь делать дальше?

Солдат пожал плечами.

— Так, давай разберёмся. Сейчас ты бегаешь к ней на фланг, потому что она тебе нравится. Допустим и она к тебе равнодушна. Но что будет дальше? Какие перспективы ваших отношений? Ты об этом думал? Скоро нас из Закавказья выведут. Ты уедешь к себе на Украину горилку пить и салом закусывать, а что прикажешь делать этой девочке?

— Я её с собой заберу.

— Да не смей ты меня! С собой он заберёт! Кто тебе даст!? Ну, посуди сам, у неё даже паспорта нет, она только через два года совершеннолетней станет. Кто её отпустит с тобой? Ты ведь чужой для них. В лучшем случае дадут тебе пошее и выгонят, а в худшем... — лейтенант провёл указательным пальцем себе по горлу. — Ты не забывай, в какое время мы живём. Мы все стали гражданами отдельных

vielen Zeugen? Ich gehe nicht allein an die Grenze. Und sie ist auch nicht allein. Selbst wenn ich etwas wollte, würde es nicht klappen!

- Würdest du das nicht auch tun?

Schamschur schwieg beleidigt. Die zweideutige Frage klang beleidigend.

- Nun, sei nicht beleidigt, - klopfte der Leutnant dem Soldaten auf die Schulter und stand auf. - Übrigens, wie alt ist sie?

- Sechzehn... Bald.

- Oh, Mann! - Gasajew schlug die Hände über dem Kopf zusammen.

- Genosse Leutnant, ich wiederhole - es ist nicht so, wie Sie denken!

Der Offizier betrachtete seinen Untergebenen mit Interesse.

- Hast du dich verliebt, Roma?

Schamschur war wieder still und starrte auf den Boden.

- Und was denkst du, was du als nächstes tun solltest?

Der Soldat zuckte mit den Schultern.

- Also, bringen wir das in Ordnung. In diesem Moment rennst du zu der Grenzseite, weil du sie magst. Sagen wir, sie mag dich auch. Doch wie geht es weiter? Wie sind die Aussichten für die Beziehung? Hast du dir das schon überlegt? Bald sind wir raus aus Transkaukasien. Du gehst zurück in deine Ukraine, um Gorilkas zu trinken und Schmalz zu essen, aber was wirst du diesem Mädchen raten zu tun?

- Ich werde sie mitnehmen.

- Mach dich nicht lächerlich! Er wird sie mitnehmen! Wer lässt das schon zu!? Sie hat noch nicht einmal einen Pass, es dauert zwei Jahre, bis sie volljährig wird. Wer wird sie mit dir gehen lassen? Du bist ein Fremder für sie. Im besten Fall schmeißen sie dich raus, und im schlimmsten Fall ... - der Leutnant fuhr sich mit dem Zeigefinger über die Kehle. - Du darfst nicht vergessen, in welchen Zeiten wir leben. Wir sind alle Bürger von separaten

независимых государств. Ты — Украины, она — Азербайджана, я — России. Через полгода разъедемся, каждый в свою сторону, и больше не увидимся.

— И что же мне делать?

— Забудь, выкинь из головы, пока дело далеко не зашло. Так будет лучше.

— Вам легко говорить, вы в такой ситуации не были.

— Не был, — горько усмехнулся лейтенант. — Много ты знаешь! Может, у меня ситуация ещё похлеще твоей была.

Газаев подошёл к письменному столу, в задумчивости переложил какие-то бумаги.

— Когда мне семнадцать лет было, я в девчонку из параллельного класса влюбился. Не девочка была, а загляденье. Любой звали. Только я сразу понял, что не по мне она. Уж больно красивая была. Я тогда академической греблей занимался. Рама у меня здоровая. Рост, сам видишь, — бог не обидел. А вот рожей не вышел — урод уродом, весь в прыщах. Короче, не пара я ей был — сам понимал. Поэтому я свою любовь к ней засунул куда подальше и постарался забыть. После школы поступил в военное училище, окончил его и получил направление в Закавказье.

Газаев подошёл к окну и встал перед ним.

— До того, как сюда попасть, я сначала на армянском участке границы служил. Когда меня на первое место службы назначили, то сразу в штабе обрадовали: ты, мол, москвич и капитан, начальник твоей заставы, тоже москвич, так что общий язык найдёте. Я ещё, помню, обрадовался. Думаю, вот хорошо — с земляком буду служить. Приехал на заставу, познакомился с начальником. Действительно, мужик

unabhängigen Staaten geworden. Du - Ukraine, sie - Aserbajdschan, ich - Russland. In sechs Monaten werden wir auseinandergehen, jeder in seine eigene Richtung, und wir werden uns nie wieder sehen.

- Was soll ich tun?

- Vergiss es, schlag es dir aus dem Kopf, bevor es zu spät ist. So ist es besser.

- Sie haben leicht reden, Sie waren noch nie in dieser Situation.

- War ich nicht, - grinste der Leutnant verbittert. - Du weißt viel! Vielleicht war meine Situation noch schlimmer als deine.

Gasajew ging zum Schreibtisch, schob nachdenklich einige Papiere beiseite.

- Als ich siebzehn war, war ich in ein Mädchen aus meiner Klasse verliebt. Sie war kein Mädchen, sie war eine Augenweide. Jeder rief sie an. Aber ich wusste sofort, dass sie nicht mein Typ war. Sie war zu hübsch. Damals war ich klassischer Ruderer. Ich hatte ein gesundes Gestell. Sie sehen, ich bin nicht sehr groß. Aber mein Gesicht war nicht gut genug, ich war wie eine Missgestalt, übersät mit Pickeln. Kurz gesagt, ich war nicht der Richtige für sie. Ich wusste es. Also schob ich meine Liebe zu ihr weit weg und versuchte, sie zu vergessen. Nach der Schule ging ich auf eine Militärschule, machte meinen Abschluss und wurde in den Transkaukasus geschickt.

Gasajew ging zum Fenster und stellte sich davor.

- Bevor ich hierher kam, diente ich zunächst im armenischen Teil der Grenze. Als ich meiner ersten Dienststation zugewiesen wurde, wurde ich sofort im Hauptquartier begrüßt: du bist ein Moskauer und der Hauptmann, der deinen Außenposten leitet, ist auch ein Moskauer, du wirst also eine gemeinsame Sprache finden. Ich weiß noch, wie glücklich ich war. Ich fand es gut, dass ich mit einem Landsmann dienen konnte. Ich kam auf dem

что надо. Весь день мне заставу и фланги показывал, в курс дела вводил, а вечером говорит: «А теперь, товарищ лейтенант, милости просим к нам в гости. Жена приготовила праздничный ужин. Отметим ваш приезд».

Я когда в дом к ним вошёл, то мир вокруг меня перевернулся! Смотрю, сидит моя милая Люба из параллельного класса и улыбается. Только живот вот такой. Она к тому времени на седьмом месяце беременности была. Я, говорит, тебя помню. Мы с тобой в одной школе учились. Сама такая красивая...

Газаев замолчал, задумчиво глядя в окно.

— И что дальше? — несмело спросил Шамшур, для приличия выдержав паузу.

— Я в тот вечер напился. До сих пор стыдно. Представь себе — я от своей любви убежал на край света, а она меня там, на краю этого самого света, снова встречает.

А дальше я кроме службы ни о чём больше старался не думать. Служба — сон, служба — сон. Даже начальника удивляло моё рвение. Он всё меня старался отвлечь, в гости звал, а я, естественно, отказывался. С Любой старался лишней раз не видеться, а когда всё же встречались, то я с ней особо не разговаривал. Они, в конце концов, решили, что я не совсем нормальный и махнули на меня рукой. Я ведь не мог сказать капитану, что его жену со школы люблю, а даже если бы и сказал, чтобы это изменило?

Лейтенант снова задумался, уставившись в одну точку.

Außenposten an und lernte den Chef kennen. Er war ein echter Mann. Den ganzen Tag zeigte er mir den Vorposten und die Grenzseiten, brachte mich auf den neuesten Stand, und am Abend sagte er: „Und jetzt, Genosse Leutnant, können Sie gerne zu uns kommen und uns besuchen. Meine Frau hat ein festliches Abendessen gekocht. Wir werden Ihre Ankunft feiern“.

Als ich ihr Haus betrat, war die Welt um mich herum auf den Kopf gestellt! Ich sah meine süße Ljuba aus der Parallelklasse dort sitzen und lächeln. Nur ihr Bauch war so. Sie war zu diesem Zeitpunkt im siebten Monat schwanger. Ich erinnere mich an dich, sagte sie. Wir sind zusammen zur Schule gegangen. Sie selbst war so schön...

Gasajew blieb stehen und starrte nachdenklich aus dem Fenster.

- Und wie geht es weiter? - fragte Schamschur zaghaft, dem Anstand zuliebe hielt er inne.

- Ich habe mich an diesem Abend betrunken. Ich schäme mich immer noch dafür. Man stelle sich vor, ich bin vor meiner Liebe an den Rand der Welt geflohen und sie trifft mich am Rande der Welt wieder.

Danach habe ich versucht, an nichts anderes zu denken als an den Dienst. Der Dienst war ein Traum, der Dienst war ein Traum. Selbst mein Chef war von meinem Eifer überrascht. Er versuchte immer wieder, mich abzulenken und lud mich zu einem Besuch ein, aber ich lehnte natürlich ab. Ich versuchte, Ljuba nicht zu oft zu sehen, und wenn wir uns trafen, sprach ich nicht viel mit ihr. Am Ende entschieden sie, dass ich nicht ganz normal war und gaben mich auf. Ich konnte dem Hauptmann nicht sagen, dass ich seit der Schulzeit in seine Frau verliebt war, und selbst wenn ich es getan hätte, was würde es ändern?

Der Leutnant dachte wieder nach und starrte auf einen Punkt.

— И чем всё закончилось? — снова вывел его из оцепенения Шамшур.

— Люба вскоре уехала в Москву и родила там пацана, а я при первой же возможности написал рапорт о переводе. Капитан хоть и неплохой мужик, но всё равно я не мог с ним рядом служить.

— Что же вы, товарищ лейтенант, за неё не боролись!? Отбили бы её у начальника.

— То есть, развалил бы их семью, чтобы создать свою. Дурак ты Шамшур! Есть вещи, через которые нельзя переступить. На чужом несчастье своего счастья не построишь.

И солдат, и офицер посидели минуту молча. Наконец Газаев встал и похлопал Шамшура по плечу:

— В общем, ты, Рома, подумай хорошенько над ситуацией, но мой тебе совет — брось ты это девочку! Забудь о ней, иначе быть беде. Найди в себе силы это сделать, я ведь нашёл.

ГЛАВА 8

На следующий день, в воскресенье, Шамшур снова был на правом фланге. Какая-то сила гнала его на границу. Он хотел увидеть девушку и серьёзно с ней поговорить.

Накануне ночью он не спал, размышляя над словами лейтенанта Газаева. Солдат понимал, что его командир прав — у этих отношений нет перспектив. Умом он был с этим согласен, но сердце не подчинялось уму.

Офицер не учёл одного обстоятельства. Шамшур

- Wie ist das Ganze ausgegangen? - Schamschur holte ihn wieder aus seiner Benommenheit heraus.

- Ljuba ging nach Moskau und bekam dort ein Kind, und ich meldete mich bei der ersten Gelegenheit zur Versetzung an. Der Hauptmann ist kein schlechter Mensch, aber trotzdem könnte ich nicht neben ihm dienen.

- Warum haben Sie nicht um sie gekämpft, Genosse Leutnant? Sie hätten sie dem Chef wegnehmen sollen.

- Das heißt, ich hätte ihre Familie ruiniert, um meine eigene zu gründen. Du Dummkopf, Schamschur! Es gibt Dinge, die man nicht überschreiten kann. Man kann sein Glück nicht auf dem Unglück eines anderen aufbauen.

Sowohl der Soldat als auch der Offizier saßen eine Minute lang schweigend da. Endlich stand Gasajew auf und klopfte Schamschur auf die Schulter:

- Im Allgemeinen, Roma, denk gut über die Situation nach, aber mein Rat - laß das Mädchen in Ruhe! Vergiss sie, sonst gibt es Ärger. Finde die Kraft, es zu tun, ich habe es getan.

KAPITEL 8

Am nächsten Tag, einem Sonntag, war Schamschur wieder auf der rechten Grenzseite. Irgendeine Kraft hat ihn an die Grenze getrieben. Er wollte das Mädchen sehen und ein ernstes Gespräch mit ihr führen.

In der Nacht zuvor hatte er wach gelegen und über die Worte von Leutnant Gasajew nachgedacht. Der Soldat erkannte, dass sein Kommandeur Recht hatte - diese Beziehung hatte keine Perspektive. Geistig war er damit einverstanden, aber sein Herz gehorchte seinem Verstand nicht.

Der Offizier hat einen Umstand nicht beachtet. Schamschur hatte sich

действительно полюбил. Любовь эта оглушила его и целиком подчинила себе. Он ощущал, что и девушка равнодушна к нему. Она не признавалась в своих чувствах, но это было видно по её поведению, взглядам, словам, улыбкам, по её стремлению любой ценой увидеться с ним.

Шамшур и Джамиля сидели на берегу и поочередно бросали в воду камешки. Неподдалёку паслись овцы. Чуть выше по склону, в шагах пятнадцати, расположилась Лейла. На этот раз она сопровождала свою золовку одна.

— У нас вчера возникли проблемы. Кто были те люди, с которыми я разговаривал? — солдат задал вопрос, не предполагая, какой ответ на него последует.

— Ты разговаривал с Джафаром. Это помощник моего отца.

Удивлённый Шамшур повернулся к девушке.

— Помощник твоего отца? — переспросил он. — А кто твой отец?

— Я не знаю точно, но мой папа какой-то влиятельный человек в Народном Фронте.

Солдат присвистнул.

— Ого! Постой, ты же говорила, что он декан института?

— Да, он и сейчас там работает.

— Понятно. А командовать боевиками, это у него вроде хобби.

— Не шути так! Он защищает свой народ. Если бы не было Народного Фронта и таких людей, как мой отец, то кто бы нас защитил? Вы, что ли?

Шамшур не нашёлся, что ответить, да и не слишком-то хотел это делать. Война между армянами и азербайджанцами оставалась для него чужой и непонятной. Раньше он хотел отслужить и, как можно скорее, вернуться домой. Теперь, встретив девушку со сказочно красивыми глазами, он уже не понимал, чего

wirklich verliebt. Diese Liebe hatte ihn betäubt und völlig unterjocht. Er spürte, dass das Mädchen auch ihm gegenüber nicht gleichgültig war. Sie gestand ihre Gefühle nicht, aber es war aus ihrem Verhalten, ihren Blicken, ihren Worten, ihrem Lächeln, ihrem Eifer, ihn um jeden Preis zu sehen, ersichtlich.

Schamschur und Djamila saßen am Ufer und warfen abwechselnd Steine ins Wasser. Nicht weit entfernt weideten die Schafe. Etwas weiter oben am Hang, fünfzehn Schritte entfernt, war Leila. Diesmal begleitete sie ihre Schwägerin allein.

- Wir hatten gestern ein Problem. Wer waren die Leute, mit denen ich gesprochen habe? - Der Soldat stellte eine Frage, ohne eine Antwort zu vermuten.

- Du hast mit Dschafar gesprochen. Er ist der Assistent meines Vaters.

Der erstaunte Schamschur wandte sich an das Mädchen.

- Der Assistent deines Vaters? - fragte er erneut. - Wer ist dein Vater?

- Ich weiß es nicht genau, aber mein Vater ist ein mächtiger Mann in der Volksfront.

Der Soldat piffte vor sich hin.

- Oho! Warte, sagtest du nicht, er sei der Dekan des Instituts?

- Ja, er arbeitet jetzt dort.

- Ich verstehe. Und Kämpfer zu befehlen, das ist eine Art Hobby von ihm.

- Darüber macht man keine Witze! Er verteidigt sein Volk. Wenn wir die Volksfront und Leute wie meinen Vater nicht hätten, wer würde uns dann beschützen? Würden Sie das tun?

Schamschur fand nichts, was er sagen konnte, und er wollte es auch gar nicht. Der Krieg zwischen Armeniern und Aserbajdschanern blieb für ihn fremd und unverständlich. Zuvor wollte er seine Zeit absitzen und so schnell wie möglich nach Hause zurückkehren. Nun, da er ein Mädchen mit traumhaft schönen Augen kennengelernt hatte,

хочет. Одно он знал точно — его тянуло к Джамиле. Когда он думал о ней, то забывал про всё: про войну идущую где-то неподалёку, про её юный возраст и своё бесправное положение рядового солдата, про весь тот ворох проблем, который тянули за собой их отношения.

— Ты когда-нибудь из Нахичевани выезжала? — Шамшур решил сменить тему.

— Давно, когда была жива мама, мы ездили в Баку. Я бы хотела там ещё побывать, но теперь выехать отсюда очень сложно. С одной стороны Армения, с другой Иран.

— Помнишь, ты говорила мне о своём сне, где я обещал увезти тебя? Ты ещё не передумала ехать со мной?

Джамиле грустно улыбнулась:

— Ты же знаешь, что это невозможно. Поезда не ходят, а на самолёт нас не пустят.

— В таком случае, я угоню самолёт! — с совершенно серьёзным видом заявил солдат. — Возьму тебя в заложники и угоню.

— Ну, если так, то я согласна, — засмеялась девушка. — И куда мы полетим?

— Я предлагаю Крым. Я в детстве там отдыхал и мне понравилось.

— А может мы полетим на Таити? Зачем ограничивать себя в желаниях?

— Точно! Мы полетим на Таити! Только это далековато. Придётся делать дозаправку. Ты помнишь, где находится Таити?

— По-моему, в Тихом океане.

— Да, именно там.

— А что мы будем делать на Таити? — поинтересовалась Джамиле.

wusste er nicht mehr, was er wollte. Eines wusste er mit Sicherheit - er fühlte sich zu Djamila hingezogen. Wenn er an sie dachte, vergaß er alles: den Krieg, der irgendwo in der Nähe stattfand, ihr junges Alter und seine entrechtete Position als einfacher Soldat, den ganzen Haufen Probleme, die ihre Beziehung mit sich brachte.

- Warst du jemals außerhalb von Nachitschewan? - Schamschur beschloss, das Thema zu wechseln.

- Vor langer Zeit, als meine Mutter noch lebte, fuhren wir oft nach Baku. Ich wäre gerne noch einmal dorthin gegangen, aber es ist sehr schwer, jetzt wieder wegzugehen. Da ist Armenien auf der einen Seite und der Iran auf der anderen.

- Erinnerst du dich an deinen Traum, in dem ich dir versprochen habe, dich mitzunehmen? Hast du es dir schon anders überlegt, ob du mitkommst?

Djamila lächelte traurig:

- Du weißt, dass das nicht möglich ist. Es gibt keine Züge, und sie lassen uns nicht ins Flugzeug.

- Wenn das so ist, entführe ich das Flugzeug! - erklärte der Soldat mit einem sehr ernsten Blick. - Ich nehme dich als Geisel und entführe es.

- Nun, wenn das so ist, stimme ich zu, - lachte das Mädchen. - Und wo sollen wir hinfliegen?

- Ich schlage die Krim vor. Ich habe mich dort als Kind erholt und es hat mir gefallen.

- Oder vielleicht könnten wir nach Tahiti fliegen? Warum sollten wir uns in unseren Wünschen einschränken?

- Das ist richtig! Wir fliegen nach Tahiti! Außer, dass es ein langer Weg ist. Wir müssen auftanken. Weißt du, wo Tahiti liegt?

- Ich glaube, es liegt im Pazifischen Ozean.

- Ja, genau da ist es.

- Was werden wir in Tahiti machen? - fragte Djamila.

— Как, что? — удивился её наивности Шамшур. — Мы будем купаться в океане, загорать на пляже, есть кокосы и бананы. Будем разгуливать по острову в набедренных повязках, сделанных из пальмовых листьев.

— Что!? — девушка сделала испуганные глаза. — В каких набедренных повязках!? Я не согласна!

— Хорошо, мы прихватим с собой что-нибудь из твоих вещей. Например, твои длиннющие юбки и безразмерные кофты. Только я боюсь, что этими нарядами ты распугаешь всех аборигенов.

— Ничего, они привыкнут.

— Ну, что ж, договорились. Осталось разработать план побега.

— Вот я сегодня уеду, а ты разрабатывай план побега. Чтобы через неделю он был готов.

— Так точно, будет исполнено! — шутливо откозырял солдат.

Парень и девушка снова стали бросать камешки в воду.

— Мне так хорошо с тобой, — неожиданно произнесла Джамиля.

— А мне с тобой ещё лучше, — парировал Шамшур.

На лицах обоих светилась счастливая улыбка.

В отличие от влюблённых, продолжающих свою болтовню, Лейла пребывала в мрачно-подавленном состоянии. Вчерашний инцидент её сильно напугал. По дороге домой она умоляла Джамилю прекратить встречи с пограничником. Молодую женщину мучили дурные предчувствия.

На следующее утро, несмотря на вчерашние уговоры, своенравная золовка снова собралась на границу. Её старшая родственница заявила, что больше не будет её сопровождать. «Лейла, прошу тебя!

- Wie, was? - Schamschur war überrascht über ihre Naivität. - Wir werden im Meer schwimmen, uns am Strand sonnen, Kokosnüsse und Bananen essen. Wir werden in Lendenschurzen aus Palmblättern um die Insel laufen.

- Was!? - Das Mädchen machte erschrockene Augen. - Was für Lendenschurze!? Ich bin nicht einverstanden!

- Nun, wir nehmen etwas von deinen Sachen mit. Wie deine langen Röcke und deine übergroßen Pullover. Nur habe ich Angst, dass du mit diesen Aufmachungen alle Eingeborenen verschreckst.

- Nun, sie werden sich daran gewöhnen.

- Nun, das wäre dann geklärt. Wir müssen uns nur einen Fluchtplan ausdenken.

- Ich gehe für heute, und du arbeitest einen Fluchtplan aus. Er muss in einer Woche fertig sein.

- Ja, das wird gemacht! - der Soldat hat salutierte scherzhaft.

Der Junge und das Mädchen fingen wieder an, Kieselsteine ins Wasser zu werfen.

- Ich fühle mich so gut bei dir, - sagte Djamila überrascht.

- Und mit dir fühle ich mich noch besser, - erwiderte Schamschur.

Auf beiden Gesichtern war ein glückliches Lächeln zu sehen.

Im Gegensatz zu den Verliebten, die ihr Geplauder fortsetzten, befand sich Leila in einem düsteren und deprimierten Zustand. Der gestrige Vorfall hatte sie sehr erschreckt. Auf dem Heimweg flehte sie Djamila an, sich nicht mehr mit dem Grenzsoldaten zu treffen. Die junge Frau wurde von Zweifeln geplagt.

Am nächsten Morgen ging die eigensinnige Schwägerin trotz der gestrigen Bitten noch einmal zur Grenze. Ihre ältere Verwandte erklärte, dass sie sie nicht mehr begleiten würde. „Leila, bitte! Noch einmal! Ich muss ihn

Ещё раз! Мне обязательно с ним надо увидеться!» — Джамиля готова была расплакаться. В конце концов, Лейла сжалась: «Только это в последний раз! Впредь на меня можешь не рассчитывать!»

И вот теперь женщина внимательно следила за сидящими внизу. Их разговор доносился до неё урывками. Она заметила, что смеющаяся до этого Джамиля в какой-то момент вдруг задумалась.

— Почему ты молчишь? — спросил Шамшур.

— Я думаю о том, что нам с тобой отсюда не выбраться. Вернее, тебе одному можно, и мне когда-нибудь тоже станет можно, но нам двоим вместе — нельзя.

— Почему?

— Мои родные не дадут этого сделать. В первую очередь мой отец. Мне становится страшно, как только я представляю, что будет, если он узнает о нас.

— Чем же он так для тебя страшен, ведь он твой отец. Разве он не любит тебя?

— Вот именно, любит. Как раз поэтому я и боюсь. Как только он узнает, что я встречалась с тобой, ты станешь его врагом. Он и так вас, русских, ненавидит...

— Я не русский, — заметил солдат. — Я украинец.

— Не имеет значения. Он говорит, что всех вас нужно отсюда выгнать.

— Чем же мы вам так не угодили? Девушка пожалала плечами.

— Лейла отговаривает меня встречаться с тобой, — каким-то глухим, изменившимся голосом произнесла Джамиля. — Говорит, что по селу могут пойти слухи. Слишком хорошо у нас помнят историю с Гюльнарой.

— Это, которая влюбилась в нашего Тимоху? — хмыкнул Шамшур.

auf jeden Fall sehen!“ - Djamila war den Tränen nahe. Am Ende erbarmte sich Leila: „Nur dieses eine letzte Mal! Verlass dich von jetzt an nicht mehr auf mich!“

Jetzt beobachtete die Frau die unten sitzenden Leute genau. Die Unterhaltung der beiden kam nur bruchstückhaft zu ihr. Sie bemerkte, dass Djamila, die zuvor noch gelacht hatte, irgendwann plötzlich nachdenklich wurde.

- Warum bist du still? - fragte Schamschur.

- Ich denke, dass wir beide hier vielleicht nicht mehr rauskommen. Nun, du kannst und ich kann manchmal, aber wir können nicht zusammen.

- Warum nicht?

- Meine Verwandten lassen mich nicht. In erster Linie mein Vater. Ich bekomme Angst, wenn ich daran denke, was passieren würde, wenn er das mit uns herausfindet.

- Warum macht er dir so viel Angst, er ist doch dein Vater. Liebt er dich nicht?

- Ja, das tut er. Das ist der Grund, warum ich Angst habe. Sobald er erfährt, dass ich dich getroffen habe, wirst du zu seinem Feind. Er hasst euch Russen schon...

- Ich bin kein Russe, - bemerkte der Soldat. - Ich bin Ukrainer.

- Es spielt keine Rolle. Er sagt, dass man euch alle rausschmeißen sollte.

- Was haben sie gegen uns?

Das Mädchen zuckte mit den Schultern.

- Leila hat mir ausgedet, mich mit dir zu treffen, - sagte Djamila mit leiser, veränderter Stimme. - Sie sagt, es gäbe ein Gerücht im Dorf. Die Geschichte von Gulnara ist nur allzu gut in Erinnerung.

- Diejenige, die sich in unseren Timocho verliebt hat? - grinste Schamschur.

Девушка резко повернулась к нему, затем встала. Он тоже поднялся. Бледное лицо Джамили зарумянилось, глаза стали колкими, губы сжались. Шамшур поймал себя на мысли, что уже видел этот колючий недобрый взгляд во время первой встречи. Только тогда он был адресован Кирильчуку.

— Что ты понимаешь в этом!? — выкрикнула она. — Ведь ты ничего не знаешь, а смеёшься! Гюльнара душевнобольная, а ваш Тимоха этим воспользовался! Воспользовался, хотя знал о её сумасшествии! Воспользовался, а потом сбежал! Когда отец Гюльнары узнал обо всём, то плакал! Ведь это какой позор!

Джамили отвернулась. Шамшур был ошарашен. В нерешительности переступив, он приблизился к девушке. Он хотел обнять её за плечи, поднял даже руки, но так и не решился прикоснуться.

— Прости, я не знал. Честное слово.

— Я не хочу, чтобы меня сравнивали с ней, — уже спокойно произнесла Джамили.

Шамшур всё же осмелился и взял девушку за руку. Она сначала хотела освободиться, но тут же затихла. Маленькая ладошка, непривычно мягкая и тёплая, показалась солдату бархатной на ощупь и совершенно невесомой. Сердце его учащённо забилося. Казалось — он держит в руках не девичью ладонь, а маленькую нежную птичку, с которой надо обращаться со всей осторожностью.

— Я никогда и ни за что тебя не обижу, — прошептал юноша, приближаясь к девушке. — Ты мне веришь?

Джамили взглянула в глаза Шамшuru. Их лица были совсем рядом. Сверху послышался обеспокоенный возглас, почти окрик.

Das Mädchen wandte sich ihm scharf zu und stand dann auf. Auch er stand auf. Djamilas blasses Gesicht errötete, ihre Augen wurden stechend, ihre Lippen zusammengepresst. Schamschur ertappte sich bei dem Gedanken, dass er diesen stechenden, unfreundlichen Blick schon gesehen hatte, als er sie das erste Mal getroffen hatte. Nur damals war er an Kiriltschuk adressiert gewesen.

- Was weißt du darüber!? - rief sie. - Schließlich weißt du nichts und du lachst! Gulnara ist psychisch krank, und euer Timocha hat das ausgenutzt! Er hat das ausgenutzt, obwohl er wusste, dass sie geisteskrank war! Er hat sie ausgenutzt und ist dann weggelaufen! Als Gulnaras Vater davon erfuhr, weinte er. Was für eine Schande!

Djamila wandte sich ab. Schamschur war verblüfft. Unschlüssig trat er heran und näherte sich dem Mädchen. Er wollte sie an den Schultern umfassen, hob sogar die Arme, aber er wagte es nicht, sie zu berühren.

- Tut mir leid, das wusste ich nicht. Ehrenwort.

- Ich möchte nicht mit ihr verglichen werden, - sagte Djamila ruhig.

Schamschur wagte es, die Hand des Mädchens zu nehmen. Sie wollte sich zunächst befreien, verstummte aber sofort. Die kleine Handfläche, ungewöhnlich weich und warm, erschien dem Soldaten samtig und völlig schwerelos. Sein Herz raste. Es schien, als hielte er in seinen Händen keine Mädchenhand, sondern einen kleinen zarten Vogel, den man mit aller Sorgfalt behandeln musste.

- Ich würde nie etwas tun, das dich verletzt, - flüsterte er und näherte sich dem Mädchen. - Vertraust du mir?

Djamila schaute in Shamschurs Augen. Ihre Gesichter waren sich sehr nahe. Von oben ertönte ein besorgter Ausruf, fast ein Schrei. Es war Leila, die

Это Лейла, внимательно наблюдавшая за парой, усмотрела непозволительное сокращение дистанции.

Расставались с ощущением какого-то неотвратимо приближающегося несчастья. Девушка и солдат стояли посреди дороги и всё никак не могли разойтись.

— Мне так не хочется уходить, — сказала Джамиля. — Мне почему-то кажется, что мы с тобой больше не увидимся.

— Всё будет нормально, — постарался успокоить её Шамшур. — Не успеешь оглянуться, как эта неделя пролетит, и мы снова встретимся.

Возвращаясь на заставу, Шамшур думал, что лейтенант Газаев прав. Его отношения с Джамилей балансируют на черте, переступив которую, он рисковал нажить себе кучу неприятностей. Оставалось утешать себя только тем, что он эту черту пока ещё не переступил.

ГЛАВА 9

Домой пастушки вернулись к четырём часам пополудни и сразу почувствовали неладное. Соседи на улице не отвечали на приветствия и перешёптывались за их спинами. После того как овцы были закрыты в загон, Лейла и Джамиля направились к дому. Навстречу им выскочила мать Лейлы, которая, схватив первую попавшуюся тряпку, стала с остервенением хлестать свою дочь. Она кричала, что лучше убьёт Лейлу, чем позволит ей позорить себя и свою семью. Молодая женщина пыталась оправдываться, рыдала, просила прощения, но только ещё больше распаляла злобу матери. Та сорвала с неё платок и, вцепившись в

das Paar genau beobachtet hatte, die die inakzeptable Verkürzung des Abstandes bemerkt hatte.

Sie trennten sich mit dem Gefühl eines drohenden Unglücks. Das Mädchen und der Soldat standen mitten auf der Straße und konnten sich immer noch nicht trennen.

- Ich möchte nicht gehen, - sagte Djamilia. - Irgendwie habe ich das Gefühl, dass ich dich nie wieder sehen werde.

- Alles wird gut werden, - versuchte Schamschur, sie zu beruhigen. - Ehe du dich versiehst, wird diese Woche vorbei sein, bevor wir uns wiedersehen.

Als er zum Außenposten zurückkehrte, dachte Schamschur, dass Leutnant Gasajew recht hatte. Seine Beziehung zu Djamilia stand auf der Kippe, und er riskierte, sich eine Menge Ärger einzuhandeln. Sein einziger Trost war, dass er die Grenze noch nicht überschritten hatte.

KAPITEL 9

Die Hirtinnen kehrten um vier Uhr nachmittags nach Hause zurück und spürten sofort, dass etwas nicht stimmte. Die Nachbarn draußen reagierten nicht auf Begrüßungen und flüsterten hinter ihrem Rücken. Nachdem die Schafe im Pferch eingeschlossen worden waren, machten sich Leila und Djamilia auf den Weg zum Haus. Leilas Mutter sprang ihnen entgegen, schnappte sich den erstbesten Lappen, den sie finden konnte, und begann, ihre Tochter wütend auszupeitschen. Sie schrie, dass sie Leila lieber töten würde, als zuzulassen, dass sie Schande über sich und ihre Familie bringt. Die junge Frau versuchte, sich zu rechtfertigen, schluchzte, flehte um Verzeihung, was

волосы дочери, повалила её на землю.

Джамия словно парализованная смотрела на эту безобразную сцену. При всей строгости отца, он никогда не поднимал на неё руки. Девушка всё ещё находилась в оцепенении, когда пожилая женщина обернулась и, злобно прошипела, указав на дом:

— А ты, бессовестная, иди в дом! Отец тебя уже давно ждёт!

Ужас охватил Джамилю и полностью подавил её. Она знала, что общение с солдатом на границе выглядит предосудительно. Она понимала, что это может стать известным, и даже отдавала себе отчёт в том, что будет наказана. Всё это девушка осознавала, но то, что расплата будет выглядеть так отвратительно и так позорно, она не могла себе представить.

Джамия почувствовала слабость в икрах ног и внутри, ниже груди нестерпимо заболело. Казалось, что её сейчас стошнит. Девушка зажала рот рукой, ощутив ледяные дрожащие пальцы на своём лице. Еле передвигая ноги, она взошла на крыльцо, открыла дверь, сделала два шага через маленький коридор и отодвинула плетёную занавеску на входе в комнату. За столом посередине сидел её отец, крепкий высокий мужчина с седой головой. Седина его появилась давно. Впервые Джамия заметила её на похоронах матери. Затем с каждым годом седые волосы разрастались на голове отца, словно плесень на сырой стене погреба.

Отец сидел за столом и не смотрел на вошедшую. Лицо его показалось девушке тёмным в сумраке комнаты.

den Zorn ihrer Mutter aber nur noch weiter anheizte. Sie riss ihr Tuch ab und warf es, die Haare ihrer Tochter ergreifend, zu Boden.

Djamila starrte wie gelähmt auf die hässliche Szene. Trotz der Strenge ihres Vaters hat er nie seine Hand gegen sie erhoben. Das Mädchen war immer noch benommen, als die ältere Frau sich umdrehte, wütend zischte und auf das Haus deutete:

- Und du, du schamloses Mädchen, geh rein! Dein Vater hat schon lange auf dich gewartet!

Das Entsetzen packte Djamila und überwältigte sie völlig. Sie wusste, dass der Umgang mit einem Soldaten an der Grenze verwerflich war. Sie war sich bewusst, dass es öffentlich werden könnte, und sie war sich sogar bewusst, dass sie bestraft werden würde. All das war dem Mädchen bewusst, aber dass die Vergeltung so ekelhaft und so schändlich aussehen würde, hätte sie sich nicht vorstellen können.

Djamila spürte Schwäche in ihren Waden und fühlte einen unerträglichen Schmerz im Inneren, unterhalb ihrer Brust. Sie fühlte sich, als ob sie sich übergeben müsste. Sie presste ihre Hand vor den Mund, als sie eisige, zitternde Finger in ihrem Gesicht spürte. Kaum die Füße bewegend, kletterte sie auf die Veranda, öffnete die Tür, ging zwei Schritte über den kleinen Korridor und zog den gewebten Vorhang am Eingang zum Zimmer zurück. Am Tisch in der Mitte saß ihr Vater, ein stämmiger großer Mann mit grauem Kopf. Sein graues Haar war schon vor langer Zeit erschienen. Djamila hatte es zum ersten Mal bei der Beerdigung ihrer Mutter bemerkt. Dann, mit jedem Jahr, wuchsen die grauen Haare auf dem Kopf ihres Vaters wie Schimmel an einer feuchten Kellerwand.

Ihr Vater saß am Tisch und sah sie nicht an. Sein Gesicht erschien dunkel in der Düsternis des Raumes.

— Папа, — слабо произнесла Джамिला, готовая заплакать.

— Скажи, дочь, это правда, что говорят люди?

— Что говорят люди? — эхом отозвалась девушка. Слёзы душили её.

Отец повернулся к ней. В глазах его была скорбь и осуждение.

— Всё село знает, что вы ходите к солдатам на границу. Отвечай, это Лейла тебя водит к реке и знакомит с военными!? Что эта дрянь ещё делала? Расскажи мне! Признайся! Ради своего брата! В то время как Фархад воюет в Карабахе, эта подстилка бежит к русским!

Слёзы моментально высохли на лице Джамилы. Она всё поняла. Ну, конечно же, это её, Лейлу, как старшую и уже замужнюю женщину заподозрили в безнравственном поведении! Ведь она взрослый человек на попечении которой пребывала пятнадцатилетняя школьница. Никому в голову не пришла бы мысль, что в их дуэте главная Джамила.

Отец девушки, полностью уверенный в виновности своей невестки, ждал только подтверждения этому. Первым желанием Джамилы было схватиться за эту спасительную версию и выгородить себя. Однако она тотчас же отогнала от себя эту подленькую мыслишку. Джамила ведь знала как Лейла и Фархад нежно любят друг друга. Неужели она сможет позволить кому-то поставить под сомнение эту любовь!

— Папа, послушай меня, — девушка почувствовала, что ноги её дрожат. Она вцепилась в спинку стула, стоявшего перед ней, и с такой силой сжала деревянную перекладину, что хрустнули пальцы. — Лейла ни в чём не виновата. Это я ходила на границу к солдатам. Лейла,

- Papa, - sagte Djamila schwach, bereit zu weinen.

- Sag mir, Tochter, ist es wahr, was die Leute sagen?

- Was sagen die Leute? - Das Mädchen echote zurück. Die Tränen erstickten sie.

Ihr Vater wandte sich ihr zu. In seinen Augen standen Trauer und Verurteilung.

- Das ganze Dorf weiß, dass ihr zu den Soldaten an der Grenze geht. Antworte mir, ist es Leila, die dich zum Fluss bringt und dich den Soldaten vorstellt!? Was hat das Miststück noch getan? Sag es mir! Gestehe! Um deines Bruders willen! Während Farhad in Karabach kämpft, rennt diese Matratze zu den Russen!

Die Tränen versiegten sofort auf Djamilas Gesicht. Sie hat alles verstanden. Natürlich war sie es, Leila, als ältere und bereits verheiratete Frau, die des unsittlichen Verhaltens verdächtigt wurde! Schließlich war sie die Erwachsene in der Obhut einer fünfzehnjährigen Schülerin. Keiner hätte gedacht, dass Djamila für ihr Duett verantwortlich ist.

Der Vater des Mädchens, der von der Schuld seiner Schwiegertochter völlig überzeugt war, wartete nur noch auf die Bestätigung. Djamilas erste Neigung war, nach dieser lebensrettenden Version zu greifen und sich zu wehren. Sie verwarf den abscheulichen Gedanken jedoch sofort. Schließlich wusste Djamila, wie sehr Leila und Farhad einander mochten. Würde sie wirklich zulassen, dass jemand diese Liebe in Frage stellt!

- Papa, hör mir zu, - das Mädchen spürte, wie ihre Beine zitterten. Sie klammerte sich an die Rückenlehne des Stuhls vor ihr und umklammerte die hölzerne Sprosse mit solcher Kraft, dass ihre Finger knirschten. - Es war nicht Leilas Schuld. Ich war diejenige, die zur Grenze ging, um die Soldaten zu sehen.

наоборот, отговаривала меня, но я не слушала её. Чтобы не отпускать меня одну, Лейла ходила вместе со мной.

— Но зачем ты туда ходила!? — отец был сбит с толку неожиданным признанием дочери.

— Я ходила к одному солдату. Мы встречались с ним на границе.

Отец совершенно растерялся.

— Ты ходишь к солдату!? Кто он!? Русский?

— Украинец...

— Это одно и то же! — мужчина вскочил, опрокинув стул. Джамия испуганно дёрнулась. Она со страхом смотрела на взбешённого отца.

— Ты связалась с каким-то солдатом!? Да как ты могла!? — он неожиданно кинулся к дочери. Джамия зажмурилась. «Неужели ударит?» — мелькнула у неё в голове. Отец схватил её за плечи и затряс:

— Что он с тобой делал!? Отвечай! Он приставал к тебе!? Он что-то требовал от тебя!? Не бойся, доченька! Ты только скажи! Что между вами было!? Он заставлял тебя приходиться к нему!?

В порыве гнева мужчина не соизмерял силу и тряс с таким остервенением, что Джамия едва не потеряла сознание. Она с трудом оттолкнула от себя отца и заплакала:

— Он ничего со мной не делал! Между нами ничего не было! Мы только гуляли с ним и разговаривали. Я сама к нему приходила.

— Но зачем?

— Я его люблю!

— Как? Почему?

— Я не знаю! — сквозь слёзы, заливающие лицо, прорыдала девушка.

Leila hingegen hat mir abgeraten, aber ich habe nicht auf sie gehört. Um mich nicht alleine gehen zu lassen, ging Leila mit mir.

- Aber warum bist du dorthin gegangen!? - Der Vater war verwirrt über das plötzliche Geständnis seiner Tochter.

- Ich bin zu einem Soldaten gegangen. Ich habe ihn an der Grenze getroffen.

Der Vater war völlig verwirrt.

- Du warst bei einem Soldaten!? Wer ist er? Russe?

- Ukrainer...

- Das ist das Gleiche! - Der Mann sprang auf und warf einen Stuhl um. Djamilia zuckte erschrocken zusammen. Sie blickte ängstlich zu ihrem wütenden Vater.

- Du hast dich mit einem Soldaten eingelassen!? Wie konntest du nur!? - stürzte er plötzlich auf seine Tochter zu. Djamilia drückte ihre Augen zu. „Wird er wirklich schlagen?“ - schoss es ihr durch den Kopf. Ihr Vater packte sie an den Schultern und schüttelte sie:

- Was hat er mit dir gemacht? Antworte mir! Hat er dich belästigt!? Hat er etwas von dir verlangt!? Hab keine Angst, meine Tochter! Sag es mir einfach! Was ist zwischen euch passiert? Hat er dich gezwungen, zu ihm zu kommen!?

In einem Wutanfall maß der Mann seine Kräfte nicht und zitterte mit einer solchen Heftigkeit, dass Djamilia fast in Ohnmacht fiel. Sie schob ihren Vater mühsam von sich weg und weinte:

- Er hat mir nichts angetan! Zwischen uns ist nichts passiert! Ich bin nur mit ihm spazieren gegangen und habe mit ihm gesprochen. Ich habe ihn selbst aufgesucht.

- Aber warum?

- Ich liebe ihn!

- Wie? Warum?

- Ich weiß es nicht! - Durch die Tränen, die ihr Gesicht überfluteten, schluchzte das Mädchen.

Она бессильно опустилась на пол. Её отец ошарашенный стоял рядом. Он не мог понять, как такое могло произойти, ведь он правильно воспитывал дочь! Как могла она так поступить!? Что нужно было сделать, чтобы его умница Джамиля потеряла стыд!? Какой подонок заставил её так вести себя!?

— Я не верю тебе. Ты мне лжёшь. Ты выгораживаешь его. Не знаю почему, но ты пытаешься скрыть от меня правду. Хотя нет, я понимаю, почему ты скрываешь. Тебе стыдно!? Не бойся! Ты ни в чём не виновата. Всю ответственность понесёт этот мерзавец! Я клянусь тебе — он будет наказан!

— Папа, прошу тебя, поверь мне! Разве я тебе когда-нибудь лгала!? Я сама ходила к нему, потому что он мне нравится.

— Но почему он!? Почему ты выбрала чужого? Почему не азербайджанца? Почему ты не стала ходить на свидание с каким-нибудь нашим парнем? С любимым, пускай даже с самым бедным, самым некрасивым, но нашим! Как такое могло случиться, что ты, моя дочь, связалась с каким-то солдатом!? Разве я плохо тебя воспитывал?

Девушка сидела на коленях и горько плакала, закрыв лицо руками. Слезы, крупными каплями, катились по её голым предплечьям.

— Ты опозорила меня и Фархада! Ты опозорила светлую память своей матери! Ты опозорила своего младшего брата! Теперь все сверстники будут дразнить его тем, что его сестра пошла по рукам солдат! Над нами будут смеяться так же, как смеются над родными Гюльнары. Только, Гюльнара умалишённая, а ты ведь нормальная!

Отец не выдержал и впервые в жизни, наотмашь хлётко, ударил Джамилю по лицу. Затем,

Sie sank kraftlos zu Boden. Ihr Vater stand fassungslos neben ihr. Er konnte nicht verstehen, wie das passieren konnte, denn er hatte seine Tochter ordentlich erzogen! Wie konnte sie nur so etwas tun!? Was musste getan werden, damit seine kluge Djamila ihre Scham verlor!? Was für ein Mistkerl hat sie dazu gebracht, sich so zu verhalten!?

- Das glaube ich dir nicht. Du lügst mich an. Du beschützt ihn. Ich weiß nicht, warum, aber du versuchst, die Wahrheit vor mir zu verbergen. Nein, ich verstehe, warum du es verheimlichst. Du schämst dich!? Schäm dich nicht! Es ist nicht deine Schuld. Dieser Schurke wird zur Verantwortung gezogen! Ich schwöre dir, er wird bestraft werden!

- Papa, bitte glaube mir! Habe ich dich jemals angelogen? Ich bin zu ihm gegangen, weil ich ihn mag.

- Aber warum er!? Warum hast du einen Fremden gewählt? Warum nicht ein Aserbaidtschaner? Warum bist du nicht mit einem von uns ausgegangen? Mit jedem, auch dem ärmsten, dem hässlichsten, aber einer der unsrigen! Wie kann es sein, dass du, meine Tochter, dich mit einem Soldaten eingelassen hast!? Habe ich dich nicht gut erzogen?

Das Mädchen saß auf den Knien und weinte bitterlich und bedeckte ihr Gesicht mit den Händen. Tränen rollten in großen Tropfen über ihre nackten Unterarme.

- Du hast mich und Farhad beschämt! Du hast das gesegnete Andenken deiner Mutter entehrt! Du hast deinen jüngeren Bruder beschämt! Jetzt werden ihn alle Gleichaltrigen hänseln, dass seine Schwester in die Hände von Soldaten gefallen ist! Man wird uns genauso auslachen wie Gulnaras Verwandte. Nur, Gulnara ist verrückt, und du bist normal!

Der Vater konnte das nicht ertragen und schlug Djamila zum ersten Mal in seinem Leben mit aller Wucht ins

испугавшись, кинулся к рыдающей дочери и прижал её к себе.

— Всё будет хорошо. Ты уедешь отсюда и забудешь всё, как дурной сон. Многие в этой жизни делают ошибки, и ты не исключение.

— Папа, это не ошибка. Я его люблю, и он меня тоже.

Отец отшвырнул от себя дочь:

— Выкинь это из головы! Я сделаю всё, чтобы ты этого негодяя больше не увидела!

Мужчина решительно встал и зло бросил:

— Собирайся, ты уезжаешь. Здесь ты больше не появишься.

ГЛАВА 10

На следующий день Шамшур, вернувшись с утреннего дозора, сидел в маленькой каморке около оружейной комнаты. Там пограничники после нарядов приводили в порядок своё оружие. Почистив детали разобранного автомата, он стал смазывать их машинным маслом и вытирать куском серой суконной тряпки. В этот момент он услышал какой-то неясный шум. По коридору пробежали несколько бойцов. Послышались возбуждённые голоса, входная дверь со скрипом отворилась, и кто-то, видимо дежурный по заставе, закричал:

— Внимание! Застава, к бою!

Моментально всё пришло в движение. Захлопали двери, зазвенели ключи, взвизгнула, открывшись, решётчатая дверь оружейной комнаты. Одновременно с этим, кто-то вбежал в спальное помещение и заорал во всю глотку:

— Вы что, не слышали!? Застава, к бою!

Gesicht. Dann stürzte er erschrocken zu seiner schluchzenden Tochter und drückte sie fest an sich.

- Alles wird gut werden. Du wirst hier weggehen und alles vergessen wie einen schlechten Traum. Viele Menschen machen in diesem Leben Fehler, und du bist keine Ausnahme.

- Papa, es ist kein Fehler. Ich liebe ihn, und er liebt mich auch.

Der Vater stieß seine Tochter von sich weg:

- Schlag es dir aus dem Kopf! Ich werde dafür sorgen, dass du diesen Schurken nie wieder siehst!

Der Mann stand entschlossen auf und warf wütend nach:

- Pack zusammen, du gehst. Du kommst nicht mehr hierher zurück.

KAPITEL 10

Am nächsten Tag saß Schamschur, der von seiner Morgenpatrouille zurückkehrte, in einem kleinen Raum in der Nähe der Waffenkammer. Dort räumten die Grenzsoldaten nach ihren Patrouillen ihre Waffen auf. Nachdem er die Teile des zerlegten Maschinengewehrs gereinigt hatte, begann er es zu ölen und mit einem grauen Tuch abzuwischen. In diesem Moment hörte er ein undeutliches Geräusch. Mehrere Soldaten rannten den Korridor entlang. Aufgeregtes Stimmengewirr ertönte, die Eingangstür knarrte auf und jemand, der offenbar Dienst hatte, rief:

- Achtung! Außenposten, zum Kampf!

Augenblicklich war alles in Bewegung. Türen knallten, Schlüssel klirrten, die Gittertür der Waffenkammer öffnete sich quietschend. Gleichzeitig rannte jemand in die Schlafräume und schrie aus Leibeskräften:

- Habt ihr nicht gehört!? Grenzwache, zum Kampf!

Тотчас же дружно заскрипели, освободившиеся от тяжести солдатских тел, пружины кроватей, и по дощатому полу дробно застучали босые пятки. За считанные секунды босоногий топот сменился стуком подошв кирзово́й обуви. В коридор молча с хмурыми заспанными лицами стали выскакивать застёгивающиеся на ходу бойцы. Через минуту в спальном помещении никого не осталось.

В оружейной комнате солдаты первым делом надевали на себя бронежилеты, лежащие в двух стопках у стены, а затем начинали распахивать по карманам магазины с патронами, гранаты и запалы к ним. Набрав боеприпасов, бойцы выдергивали из деревянных ячеек свои автоматы и, нахлобучив на головы каски, устремлялись к выходу. Через открытую настежь дверь пограничники выскакивали на плац и разбегались в разные стороны, каждый к своей заранее подготовленной огневой точке.

Один из первых наружу выскочил Шамшур. На ходу, вставляя в автомат оранжевый магазин, он огляделся. Около тыловых ворот, за заградительным забором из колючей проволоки он увидел группу вооружённых азербайджанцев. Сердце его ёкнуло от дурного предчувствия. Прямо за воротами стоял высокий седой мужчина в камуфлированной форме и эмоционально говорил что-то начальнику заставы майору Зыкину. Тот, широко расставив ноги и сложив руки за спиной, отрицательно качал головой, явно не соглашаясь с собеседником. Шамшур сразу же почувствовал всю напряжённость ситуации. Лица толпящихся за воротами ему очень не понравились.

Пробегая мимо часового, который, укрывшись за невысоким каменным дувалом, изготовился для стрельбы

Сразу же скрипели пружины кроватей, освобождённые от тяжести солдатских тел, и по дощатому полу дробно застучали босые пятки. За считанные секунды босоногий топот сменился стуком подошв кирзово́й обуви. В коридор молча с хмурыми заспанными лицами стали выскакивать застёгивающиеся на ходу бойцы. Через минуту в спальном помещении никого не осталось.

Сразу же скрипели пружины кроватей, освобождённые от тяжести солдатских тел, и по дощатому полу дробно застучали босые пятки. За считанные секунды босоногий топот сменился стуком подошв кирзово́й обуви. В коридор молча с хмурыми заспанными лицами стали выскакивать застёгивающиеся на ходу бойцы. Через минуту в спальном помещении никого не осталось.

Сразу же скрипели пружины кроватей, освобождённые от тяжести солдатских тел, и по дощатому полу дробно застучали босые пятки. За считанные секунды босоногий топот сменился стуком подошв кирзово́й обуви. В коридор молча с хмурыми заспанными лицами стали выскакивать застёгивающиеся на ходу бойцы. Через минуту в спальном помещении никого не осталось.

Сразу же скрипели пружины кроватей, освобождённые от тяжести солдатских тел, и по дощатому полу дробно застучали босые пятки. За считанные секунды босоногий топот сменился стуком подошв кирзово́й обуви. В коридор молча с хмурыми заспанными лицами стали выскакивать застёгивающиеся на ходу бойцы. Через минуту в спальном помещении никого не осталось.

по непрошеным гостям, Шамшур отметил напряжённый взгляд, брошенный солдатом в его сторону. Этот взгляд ему не понравился ещё больше.

Проскочив дальше, Шамшур оказался за домом, где проживали офицеры. Там во внутреннем дворике, где в прежние годы офицерские жёны гуляли со своими детьми, сохранилось подобие детской площадки. Напрямик, оставив след в давно уже заброшенной детской песочнице, солдат проследовал к своей стрелковой ячейке. Огневая точка была оборудована в виде узкой бойницы, проделанной в каменном заборе. Заняв позицию, Шамшур первым делом внимательно осмотрел территорию в своей зоне обстрела. Каменистая местность перед ним оказалась безлюдной.

Боец сдвинул каску на затылок и вытер пот со лба. В голове его вертелись мысли: «Что всё это может значить? Попытка захвата? Вряд ли. Средь бела дня, нахрапом — это исключено».

После нескольких удачных нападений на воинские части и заставы ещё зимой, остальные попытки оканчивались полным провалом. Это, в конце концов, заставило Народный Фронт отказаться от столь рискованных мероприятий. И вот теперь снова прямо перед заставой с автоматами! Да ещё и ведут себя так нагло — размахивают оружием, что-то требуют! И майор ведёт себя как-то странно. Как будто пытается их уговорить, успокоить.

Всё то время, пока Шамшур размышлял о происходящем, его не оставляло ощущение, что это как-то связано с ним. Он напряжённо прислушивался к тому, что происходит у ворот, но разобрать

die ungebetenen Gäste zu schießen, bemerkte Schamschur den angespannten Blick des Soldaten, der in seine Richtung sah. Dieser Blick gefiel ihm nicht mehr.

Nachdem er ein wenig weiter gesprungen war, fand sich Schamschur hinter dem Haus wieder, in dem die Offiziere wohnten. Dort, im Hof, wo in früheren Jahren die Offiziersfrauen mit ihren Kindern spazieren gingen, blieb der Anschein eines Spielplatzes erhalten. Geradeaus, seine Fußspuren im längst verlassenen Kindersandkasten hinterlassend, schritt der Soldat zu seiner Schussposition. Die Schussposition wurde als enge Schießscharte im Steinzaun eingerichtet. Als er seine Position einnahm, überprüfte Schamschur zunächst sorgfältig das Gebiet in seiner Feuerzone. Das felsige Terrain vor ihm war menschenleer.

Der Soldat zog seinen Helm wieder über den Kopf und wischte sich den Schweiß von der Stirn. Seine Gedanken drehten sich: „Was könnte das alles bedeuten? Ein Fangversuch? Wahrscheinlich nicht. Am helllichten Tag, mitten im Nirgendwo, auf keinen Fall“.

Nach mehreren erfolgreichen Angriffen auf Militäreinheiten und Außenposten im Winter endeten andere Versuche mit einem kompletten Fehlschlag. Dies zwang die Volksfront schließlich dazu, solche riskanten Aktivitäten aufzugeben. Und jetzt sind sie wieder da, direkt vor einem Außenposten mit Maschinengewehren! Und sie handeln so dreist - fuchteln mit den Waffen, fordern etwas! Und der Major verhält sich seltsam. Es ist, als ob er versucht, sie zu beruhigen.

Die ganze Zeit, in der Schamschur darüber nachdachte, was geschah, hatte er das Gefühl, dass es etwas mit ihm zu tun hatte. Er hörte intensiv zu, was am Tor vor sich ging, konnte es aber nicht verstehen. In der Nähe, an

ничего не мог. Неподалёку, у соседней огневой точки, засел младший сержант Кузнецов. Было видно, как он тоже вслушивается.

Неожиданно короткая пулемётная очередь разорвала, начинавшую уже угнетать, неопределённость. Это стрелял пулемет на крыше бани. Азербайджанцы начали громко кричать, но в ответ им раздалась ещё одна очередь, уже более длинная.

Что происходило перед воротами заставы ни Шамшур, ни Кузнецов, ни многие другие бойцы не видели. Об этом им потом рассказали очевидцы, державшие оборону со стороны тыловых ворот.

Майор Зыкин, так и не договорившись с боевиками, развернулся и пошёл за укрытие. Азербайджанцы, возмущённые таким пренебрежением, ещё пуще закричали, и кто-то из них попытался открыть ворота. Это почти удалось. Ещё немного и местные уже ворвались бы на территорию заставы. Медлить было нельзя, и лейтенант Газаев приказал пулемётчику, засевшему на крыше бани, дать предупредительную очередь. Первые выстрелы заставили непрошенных гостей присесть. После второй очереди они побежали. Через минуту перед тыловыми воротами никого не осталось. Ещё минут через десять дали отбой. Солдаты потянулись к зданию заставы, на ходу переговариваясь между собой.

— Рома, ты видел этих придурков!? — навстречу вышел Ермилов, на ходу расслабляя ремни бронезилета. — Кричат, автоматами размахивают! Такое ощущение, что сейчас третью мировую начнут. А как только дали очередь, так сразу же обосрались.

einem nahegelegenen Schussposten, lagerte Unteroffizier Kusnezow. Er konnte sehen, dass er auch zugehört hat.

Plötzlich zerriss ein kurzer Maschinengewehrstoß die Unsicherheit, die bereits zu bedrücken begann. Es war ein Maschinengewehr, das auf dem Dach der Banja feuerte. Die Aserbajdschaner begannen laut zu schreien, aber sie wurden mit einer weiteren, längeren Schussfolge beantwortet.

Weder Schamschur, noch Kusnezow, noch viele andere Männer sahen, was sich vor dem Tor des Außenpostens abspielte. Dies wurde ihnen später von Augenzeugen, die die Verteidigung vom hinteren Tor aus hielten, mitgeteilt.

Major Sykin, immer noch nicht mit den Kämpfern einverstanden, drehte sich um und ging in Deckung. Die Aserbajdschaner, verärgert über diese Nachlässigkeit, schrien noch mehr, und einer von ihnen versuchte, das Tor zu öffnen. Das wäre ihnen fast gelungen. Ein bisschen mehr und die Einheimischen wären in den Außenposten gestürmt. Leutnant Gasajew befahl dem Maschinengewehrschützen auf dem Dach der alten Banja, einen Warnschuss abzugeben. Die ersten Schüsse brachten die ungebetenen Gäste dazu, sich zu setzen. Nach der zweiten Runde liefen sie. In einer Minute war niemand mehr vor dem hinteren Tor. Nach weiteren zehn Minuten gaben sie Entwarnung. Die Soldaten strebten auf das Gebäude des Außenpostens zu und unterhielten sich dabei.

- Roma, hast du die Idioten gesehen? - Jermilow kam auf sie zu und löste die Gurte seiner kugelsicheren Weste. - Sie schreien und fuchteln mit ihren Maschinengewehren. Als ob sie im Begriff wären, den Dritten Weltkrieg zu beginnen. Und sobald sie an der Reihe waren, haben sie sich eingeschissen.

Шамшур оставил без ответа слова друга. Он увидел майора Зыкина и лейтенанта Газаева. Те смотрели в его сторону.

— Рядовой Шамшур, сдать оружие и немедленно ко мне в кабинет! Всё понятно? — тон начальника заставы не обещал ничего хорошего.

— Так точно, — у солдата неприятно засосало под ложечкой.

Майор Зыкин начальником заставы был недавно. До этого он служил в штабе, и до того преуспел в употреблении спиртных напитков, что стал притчей во языцех.

Ещё летом прошлого года, не выдержав пьяных выходок майора, от него ушла жена. Однажды утром майор Зыкин проснулся в пустой квартире, и под недопитой бутылкой на столе обнаружил прощальную записку. Далее последовало классическое развитие событий. Оскорблённый предательством муж с головой окунулся в зловонный омут запойного угара. Правда, надо отдать должное майору, попойки свои он хитрился чередовать с выполнением служебных обязанностей.

Командование отряда до поры мирилось с моральным разложением офицера. Дело в том, что у того имелись какие-то влиятельные покровители в штабе округа. Со временем, Зыкин сам положил край всему этому. Однажды, в приступе белой горячки майор стал бегать босиком в одних голубых офицерских кальсонах по территории части. Он размахивал заряженным пистолетом, грозился всех перестрелять и даже произвёл два выстрела. В конце концов, солдаты комендантской роты, рискуя жизнью, сумели его изловить и отобрать у него табельное оружие.

Schamschur ließ die Worte seines Freundes unbeantwortet. Er sah Major Sykin und Leutnant Gasajew. Sie schauten in seine Richtung.

- Soldat Schamschur, geben Sie Ihre Waffe ab und kommen Sie sofort in mein Büro! Alles klar? - Der Ton des Leiters des Außenpostens verhiess nichts Gutes.

- Jawohl, - der Soldat hatte ein unangenehmes Gefühl in seiner Magengrube.

Major Sykin war erst seit kurzem Leiter des Außenpostens. Zuvor war er im Stab tätig gewesen und hatte sich beim Trinken so hervorgetan, dass er zu einer bekannten Legende geworden war.

Seit dem letzten Sommer hat ihn seine Frau verlassen, weil sie die betrunkenen Eskapaden des Majors nicht mehr ertragen konnte. Eines Morgens wachte Major Sykin in einer leeren Wohnung auf, und unter einer unvollendeten Flasche auf dem Tisch fand er einen Abschiedsbrief. Was folgte, war eine klassische Wendung der Ereignisse. Der Ehemann, beleidigt durch den Verrat, stürzte sich kopfüber in den stinkenden Strudel des Saufens. Allerdings muss man dem Major zugute halten, dass er es schaffte, seine Trunkenheit mit der Erfüllung seiner Pflichten abzuwechseln.

Den moralischen Verfall des Offiziers duldete das Kommando der Abteilung vorerst. Tatsache ist, dass er einige einflussreiche Gönner beim Militärbezirk hatte. Im Laufe der Zeit hat Sykin selbst all dies auf den Punkt gebracht. Einmal, in einem Anfall von Delirium tremens, begann der Major barfuß in einer blauen Offiziersunterhose über das Territorium der Einheit zu rennen. Er schwenkte eine geladene Pistole, drohte, alle zu erschießen, und feuerte sogar zwei Schüsse ab. Am Ende gelang es den Soldaten der Kompanie des Kommandanten unter Einsatz ihres

Этот вопиющий факт, дискредитирующий высокое звание офицера, было уже невозможно проигнорировать. Донесение о пьяном дебоше легло на стол командующего округом. Всем казалось, что механизм увольнения майора из армии со скрежетом заработал, но в дело вступили его тайные симпатии. Каким образом они отстояли своего протеже, неизвестно, но Зыкин в армии остался. После выше упоминаемого инцидента офицер исчез из поля зрения сослуживцев на целый месяц. Злые языки поговаривали, что он прошёл полный курс лечения от алкоголизма. Другие утверждали, что любитель побегать в подштанниках вшил себе «Торпедо» в область мягкого места пониже спины. Правда это или нет — неизвестно, но факт остаётся фактом: пить горькую майор перестал.

Поборов недуг алкоголизма Зыкин между тем так и не смог восстановить свой авторитет. Причём ехидные смешки и намёки по отношению к нему позволяли себе не только офицеры, но и солдаты срочной службы. Майор написал рапорт о своём переводе в другую часть, и к его просьбе командование отнеслось с пониманием.

Вопрос о переводе оказался делом не совсем скорым, как хотелось бы Зыкину. И хотя в перспективе уже чётко прорисовывались очертания Карелии, где он должен был проходить свою дальнейшую службу, требовалось время для того, чтобы документы майора прошли все положенные инстанции.

Lebens, ihn zu fangen und seine Dienstwaffe wegzunehmen.

Diese eklatante Tatsache, die den hohen Rang eines Offiziers diskreditierte, konnte nicht länger ignoriert werden. Der Bericht über die betrunkene Ausschweifung lag auf dem Schreibtisch des Bezirkskommandanten. Es schien allen, dass der Mechanismus der Entlassung des Majors aus der Armee in Gang gekommen war, aber seine heimlichen Sympathisanten mischten sich ein. Es ist nicht bekannt, wie sie ihren Schützling verteidigten, aber Sykin blieb in der Armee. Nach dem oben erwähnten Vorfall verschwand der Offizier für einen Monat aus dem Blickfeld seiner Kameraden. Böse Zungen behaupteten, er habe sich einer vollständigen Behandlung wegen Alkoholismus unterzogen. Andere sagten, dass der Fan des Joggens in Unterhosen sich einen „Torpedo“ in seine weiche Stelle unterhalb des Rückens genäht hatte. Ob das stimmt oder nicht, ist nicht bekannt, aber Tatsache ist, dass der Major keinen Bitter mehr trinkt.

In der Zwischenzeit war Sykin nicht in der Lage, seine Autorität wiederzuerlangen. Es waren nicht nur die Offiziere, sondern auch die Mannschaften, die abfällige Bemerkungen und Kommentare über ihn machten. Der Major reichte einen Bericht über seine Versetzung in eine andere Einheit ein, und seine Bitte wurde vom Kommando mit Verständnis aufgenommen.

Die Frage der Versetzung ging nicht ganz so schnell, wie Sykin es sich gewünscht hätte. Obwohl die Umriss von Karelien, wo er in Zukunft dienen sollte, klar gezeichnet waren, dauerte es einige Zeit, bis die Dokumente des Majors alle erforderlichen Instanzen durchlaufen hatten.

Для того чтобы подмочивший репутацию офицер спокойно дождался своего перевода, командир погранотряда сослал его на одну из линейных застав в качестве временно исполняющего обязанности начальника. Таким образом, майор и оказался в подразделении, где проходил службу рядовой Шамшур.

Зыкин мрачно разглядывал Шамшура, стоявшего перед ним по стойке смирно. Будучи временщиком, он не слишком утруждал себя личным общением с рядовыми бойцами. На этот раз близкого знакомства было не избежать.

Раздражённый майор готов был сорваться. Он так хотел, чтобы оставшееся время его пребывания в Закавказье прошло как можно спокойнее. И надо было такому случиться, что этот сопляк устроил ему такую подлость!

То, что солдат закрутил шашни с местной девицей, для него не было новостью. Лейтенант Газаев докладывал об этом ещё на прошлой неделе. Майор тогда не придавал этому особого значения, а только скабрёзно пошутил. Теперь он понял, что ошибся. Невинный, как показалось ему вначале, факт грозил перерасти в серьёзное обострение с местными. Родственники обесчещенной девушки требовали выдать им виновника её позора. В противном случае они обещали большие неприятности всем, кто находился на заставе. О ситуации необходимо было немедленно доложить в отряд. Но прежде надо выяснить все обстоятельства дела.

— Ты знаешь, почему местные только что сюда приходили!? — раздражённо начал майор. — Они приходили за тобой! Зачем ты им понадобился, знаешь!?

Damit der rufgeschädigte Offizier in Ruhe seine Versetzung abwarten konnte, schickte ihn der Kommandeur des Grenzschutzkommandos als Führungsoffizier zu einem der Linienvorposten. So fand sich der Major in der Einheit wieder, in der der Soldat Schamschur diente.

Sykin sah düster auf Schamschur, der stramm vor ihm stand. Da er eine Aushilfskraft war, kümmerte er sich nicht allzu sehr um den persönlichen Umgang mit der Belegschaft. Diesmal war eine nahe Begegnung unvermeidlich.

Der irritierte Major war bereit zuzuschnappen. Er wollte so sehr, dass der Rest seiner Zeit in Transkaukasien so reibungslos wie möglich verläuft. Und wie konnte es sein, dass dieser Rotzbengel ihm so eine Schweinerei angetan hatte!

Die Tatsache, dass der Soldat eine Affäre mit einem einheimischen Mädchen hatte, war für ihn keine Neuigkeit. Leutnant Gasajew hatte es letzte Woche gemeldet. Der Major schenkte dem damals keine große Beachtung, sondern machte nur Witze darüber. Jetzt wurde ihm klar, dass er sich geirrt hatte. Eine unschuldige, wie es ihm zunächst schien, Tatsache, die sich zu einem ernsthaften Ärger mit den Einheimischen auszuwachsen drohte. Die Verwandten des in Ungnade gefallenen Mädchens verlangten, den Schuldigen für ihre Schande zu erfahren. Ansonsten versprachen sie großen Ärger für alle auf dem Außenposten. Die Situation musste sofort an das Kommando gemeldet werden. Doch zunächst mussten alle Umstände des Falles geklärt werden.

- Du weißt, warum die Einheimischen gerade hierher gekommen sind!? - begann der Major gereizt. - Sie kamen wegen dir! Weißt du, warum sie dich wollten?

Шамшур молчал, вперившись взглядом в административную карту Закавказья, висевшую за спиной офицера.

— Они заявили, что ты приставал к несовершеннолетней, преследовал её и хотел изнасиловать!

— Товарищ майор, — подал голос лейтенант Газаев. — Я вам докладывал. Там всё не так было.

— Отставить, лейтенант! — резко осадил младшего по званию Зыкин. — Пускай он мне скажет, как это было!

Майор подошёл вплотную к рядовому и подчёркнуто тихим голосом произнёс:

— Итак, я жду ответа!

— Я никого не преследовал и ни к кому не приставал, — твёрдо сказал Шамшур, не отрывая взгляда от карты.

— Ага, значит они всё это придумали? — как будто удовлетворившись ответом, проговорил майор. Он сделал шаг назад, внимательно посмотрел в глаза солдату и вдруг заорал прямо ему в лицо, брызгая слюной. — Ты что, сука, меня за идиота держишь!?

Зыкин и раньше был неуравновешенным типом, а теперь его раздражительность приобрела взрывной характер. Судя по всему, это было побочным эффектом лечения алкоголизма. Слова солдата вызвали у него вспышку ярости. От этого крика в душе Шамшура всё закипело.

— Да пошёл ты! — неожиданно бросил он со злостью.

В ответ он тут же получил увесистую оплеуху, которая сбила его с ног. Видимо, Зыкин собирался и дальше бить своего подчинённого, но лейтенант Газаев вовремя пресёк рукоприкладство. Он сразу же схватил командира сзади в охапку и попытался оттащить.

Schamschur schwieg und starrte auf die Verwaltungskarte von Transkaukasien, die hinter dem Rücken des Offiziers hing.

- Sie sagten, du hättest eine Minderjährige belästigt, ihr nachgestellt und sie vergewaltigen wollen!

- Genosse Major, - meldete sich Leutnant Gasajew. - Ich habe es Ihnen gesagt. So ist es nicht gewesen.

- Hören Sie auf, Leutnant!, - schob der rangniedrigere Sykin scharf nach. - Er soll mir sagen, wie es war!

Der Major trat dicht an den Soldaten heran und sagte mit betont ruhiger Stimme:

- Also, ich warte auf eine Antwort!

- Ich habe niemanden verfolgt oder belästigt, - sagte Schamschur fest und ließ seinen Blick nicht von der Karte.

- Aha, also haben sie sich das Ganze ausgedacht? - als sei er mit der Antwort zufrieden, sagte der Major. Er trat einen Schritt zurück und schaute dem Soldaten aufmerksam in die Augen, schrie ihm plötzlich Speichel spritzend ins Gesicht. - Hältst du mich für einen Idioten, du Schweinehund!?

Sykin war schon vorher ein launischer Typ gewesen, aber jetzt war seine Reizbarkeit explosiv geworden. Offenbar war es eine Nebenwirkung seiner Alkoholismusbehandlung. Die Worte des Soldaten ließen ihn in einen Wutanfall ausbrechen. Der Aufschrei brachte alles in Schamschurs Seele zum Überkochen.

- Fick dich, - warf er mit plötzlicher Wut zurück.

Als Antwort erhielt er sofort einen heftigen Schlag, der ihn zu Boden warf. Anscheinend wollte Sykin weiter auf seinen Untergebenen einschlagen, aber Leutnant Gasajew stoppte die Misshandlungen rechtzeitig. Er packte den Kommandanten sofort von hinten und versuchte, ihn wegzuziehen.

— Товарищ майор, держите себя в руках! — уговаривал Зыкина лейтенант.

— Отпусти! — орал тот и пытался лягнуть Шамшура. Молодой офицер хватку не ослаблял.

После непродолжительной возни с матерщиной майор выдохся и обмяк.

— Ну, всё хватит! Я больше не буду — сказал он. Газаев осторожно отпустил. Зыкин, взъерошенный, мятый и потный, обошёл письменный стол, сел за него, подвинул к себе чистый лист бумаги, взял ручку.

— Значит так, сейчас я пишу рапорт и отправляю тебя в отряд. Ты здесь и дня лишнего не останешься. Пускай с тобой разбирается особый отдел, а мне такие бойцы не нужны.

Майор вывел на листе бумаги крупными буквами слово и тут же бросил ручку.

— Да ты понимаешь, что ты наделал!? — с отчаянием произнёс он. — Да этим сволочам из Народного Фронта только дай повод! Они всё местное население поднимут! Ты хочешь, чтобы тут опять погромы начались!? Ты о своих товарищах подумал? Ведь ты своими похождениями их под удар ставишь!

Шамшур подавленно молчал. Он и не предполагал, что заварится такая каша.

ГЛАВА 11

Ночью Шамшур покинул заставу. Опасаясь, что местные могут его перехватить после выезда, пограничники разыграли целый спектакль. Ушедший на границу наряд в назначенное время дал сигнал двумя ракетами: красной и зелёной. Это означало вызов

- Genosse Major, beherrschen Sie sich! - überredete der Leutnant Sykin.

- Lassen Sie los! - Letzterer schrie und versuchte, Schamschur zu treten. Der junge Offizier lockerte seinen Griff nicht.

Nach kurzem Gerangel mit Fluchen war der Major erschöpft und sank zusammen.

- Nun, das ist genug! Ich werde nicht mehr, sagte er. Gasajew ließ sanft los. Sykin, zerzaust, zerknittert und verschwitzt, ging um den Schreibtisch herum, setzte sich an ihn, schob ein leeres Blatt Papier zu sich, nahm einen Stift.

- In Ordnung, ich schreibe jetzt einen Bericht und schicke dich zurück zu deiner Einheit. Du bleibst keinen weiteren Tag hier. Soll sich doch die Sonderabteilung mit dir befassen, ich brauche keine Soldaten wie dich.

Der Major schrieb ein Wort in großen Buchstaben auf ein Stück Papier und ließ dann seinen Stift fallen.

- Ist dir klar, was du getan hast? - sagte er verzweifelt. - Gebt diesen Mistkerlen von der Volksfront einen Grund! Sie werden die gesamte lokale Bevölkerung aufziehen! Willst du, dass die Pogrome wieder beginnen!? Hast du an deine Kameraden gedacht? Schließlich bringst du sie mit deinen Abenteuern in Gefahr.

Schamschur war still. Er hatte keine Ahnung, dass ein solches Durcheinander entstehen würde.

KAPITEL 11

In der Nacht verließ Schamschur den Außenposten. Aus Angst, dass die Einheimischen ihn nach seiner Abreise abfangen könnten, inszenierten die Grenzer ein ganzes Spektakel. Die Patrouille, die zur vereinbarten Zeit zur Grenze aufbrach, signalisierte mit zwei Raketen: einer roten und einer grünen.

тревожной группы. Тотчас же к воротам подогнали крытый тентом грузовой ГАЗ-66. Туда загрузились вооружённые бойцы. Под шумок в кузов усадили и Шамшура.

Выехав из заставы, грузовик помчался по рубежу прикрытия на правый фланг. Там, на стыке с участком соседей его уже поджидала вооружённая группа из комендатуры. Солдата с вещмешком перегрузили в другую машину и повезли напрямик в погранотряд. Туда он добрался как раз к утреннему построению части.

Комендантские высадили Шамшура у здания штаба. Там он остался в ожидании решения своей участи. Он видел, как под звуки духового оркестра промаршировали подразделения гарнизона. Когда с плаца последним ушёл музыкальный взвод, группа офицеров направилась к штабу. Старшим среди них был заместитель командира погранотряда — коренастый мужик в звании подполковника.

Увидев одиноко стоящего неподалёку солдата, офицеры приостановились.

— Товарищ солдат, ко мне! — гаркнул подполковник.

Шамшур, пытаясь изобразить строевой шаг, какой-то вихляющей походкой неумело подошёл. Выждав немного, замкомандира части строго спросил:

— Ну, почему молчим!?

— Доложите по форме, — негромко подсказал рядовому капитан, стоявший сбоку. Его единственного из всех Шамшур узнал. Это был офицер особого

Дies signalisierte die Einberufung einer Notgruppe. Ein mit Zelten bespannter GAZ-66-LKW wurde sofort an die Tore herangefahren. Dort wurden bewaffnete Soldaten geladen. Unter Lärm wurde Schamschur hinten unter die Verkleidung gesteckt.

Nach dem Verlassen des Außenpostens raste der LKW entlang der Deckungslinie zur rechten Grenzseite. Dort, an der Kreuzung mit der benachbarten Abteilung, wartete bereits eine bewaffnete Gruppe der Kommandantur auf ihn. Der Soldat und seine Ausrüstung wurden in ein anderes Auto geladen und zur Grenzschatzeinheit gebracht. Er kam gerade noch rechtzeitig zur morgendlichen Aufstellung seiner Einheit an.

Die Kommandanten setzten Schamschur vor dem Hauptgebäude ab. Dort blieb er und wartete darauf, dass über sein Schicksal entschieden wurde. Er sah die Einheiten der Garnison zu den Klängen der Blaskapelle marschieren. Als der Musikzug als letzter den Exerzierplatz verließ, marschierte eine Gruppe von Offizieren in Richtung Hauptquartier. Der ranghöchste Offizier war der stellvertretende Kommandant des Grenzschatzkommandos, ein stämmiger Mann im Rang eines Oberstleutnants.

Als die Offiziere den einsamen Soldaten in der Nähe stehen sahen, hielten sie inne.

- Genosse Soldat, komm her! - brüllte der Oberstleutnant.

Schamschur, der versuchte, den Marschschritt zu imitieren, näherte sich ungeschickt mit einem wackeligen Gang. Nachdem er ein wenig gewartet hatte, fragte der stellvertretende Kommandant der Einheit ernsthaft:

- Nun, warum schweigen wir!?

- Melden Sie sich in Uniform, - sagte der Hauptmann, der an der Seite stand, leise zum Soldaten. Er war der einzige, den Schamschur erkannte. Es handelte sich um einen Offizier der

отдела, который ещё в учебке проводил беседы с личным составом. Он вызывал солдат к себе в кабинет, расспрашивал о всякой чепухе, задавал неожиданные вопросы. Говорил тихо, вкрадчиво, но после этих разговоров каждый выходил слегка озадаченный — не сболтнул ли он чего лишнего.

Шамшур собрался с мыслями — за время, проведённое на заставе, он совершенно отвык от уставных форм общения.

— Товарищ подполковник, рядовой Шамшур по вашему приказанию прибыл! — наконец разродился он.

— Откуда ты, рядовой? — поинтересовался старший офицер.

— С двадцать пятой заставы.

Особист наклонился к уху замкомандира части:

— Это тот боец, из-за которого возникли проблемы с местными. Фронтвики грозятся заблокировать заставу. Зыкин вчера докладывал.

— А, так это ты, паршивец! — рявкнул подполковник, вспомнив вчерашнюю телефонограмму. — Ты что же это, прелюбодей несчастный, вздумал себе девку завести!? У тебя что, между ног засвербело!? Ты потерпеть до дембеля не можешь!?

Офицеры с насмешливым интересом разглядывали рядового. Шамшур сжал зубы так, что во рту что-то хрустнуло.

— Ты, похотливый прыщ, женской ласки захотел!? Я тебе покажу женскую ласку! — продолжал старший офицер. — Чего молчишь, словно дерьма в рот набрал!?

В душе солдата всё перевернулось. Брань подполковника отбила у него желание, что-либо

Сonderabteilung, der im Ausbildungslager Vorträge für das Personal gehalten hatte. Er rief die Soldaten in sein Büro, befragte sie zu allen möglichen Unsinnigkeiten, stellte unerwartete Fragen. Er sprach leise, einschmeichelnd, aber nach diesen Gesprächen kamen alle etwas verwirrt heraus - ob er etwas Unnötiges gesagt hatte.

Schamschur sammelte seine Gedanken - während der Zeit auf dem Außenposten verlor er die Gewohnheit der gesetzlichen Kommunikationsformen vollständig.

- Genosse Oberstleutnant, der Soldat Schamschur ist auf Ihren Befehl hin eingetroffen! - endlich gab er eine Mitteilung.

- Woher kommst du, Soldat? - fragte der leitende Offizier.

- Vom fünfundzwanzigsten Außenposten.

Der Offizier beugte sich zum Ohr des stellvertretenden Kommandanten:

- Das ist der Soldat, der den Ärger mit den Einheimischen verursacht hat. Die Frontkämpfer drohen, den Außenposten zu blockieren. Sykin berichtete gestern.

- Ah, du bist es also, du Drecksker! - rief der Oberstleutnant und erinnerte sich an die gestrige Telefondepesche. - Was machst du, du elender Ehebrecher, denkst du daran, dir ein Mädchen zuzulegen? Hast du ein Jucken zwischen deinen Beinen? Kannst du nicht bis zu deiner Entlassung warten?

Die Offiziere betrachteten den Soldaten mit spöttischem Interesse. Schamschur biss die Zähne zusammen, so dass etwas in seinem Mund knirschte.

- Du lüsterner Pickel, du willst die Zärtlichkeit einer Frau!? Ich zeige dir die Zärtlichkeit einer Frau! - fuhr der leitende Offizier fort. - Warum redest du so, als ob du Scheiße im Mund hättest?!

In der Seele des Soldaten drehte sich alles um. Die Schelte des Oberstleutnants ließ ihn die Lust

объяснять. Говорить о своей любви к девушке, доказывать, что их отношения ни разу не вышли за рамки дозволенного, уверять в чистоте своих чувств было бессмысленно. Шамшур, еле сдерживая закипевшую внутри злость, отчётливо произнёс:

— Вы подлец, товарищ подполковник! Пользуясь своим положением, вы оскорбляете меня! Это вам чести не делает! Если бы мы были на гражданке, то я бы в морду вам дал.

Офицеры перестали улыбаться.

— Ишь ты! — с некоторым удивлением и, как показалось Шамшuru, досадой произнёс подполковник. — Оскорблённую невинность из себя корчишь!? Ну-ну! Посиди-ка десять суток на гауптвахте, а там посмотрим, что с тобой делать. Капитан, распорядитесь!

Сказав это, подполковник повернулся и пошёл в штаб. Остальные двинулись следом. Рядом с Шамшуром остался один особист.

На гауптвахте у новоприбывшего отобрали все личные вещи. С него сняли кожаный армейский ремень с бляхой и поясной ремень брюк, из форменной кепки вырвали звёздочку. После отвели по коридору в самую дальнюю камеру. Там уже находился один арестант — прыщавый долговязый субъект в замусоленном камуфляже.

Как только дверь закрылась он с надеждой спросил:

— Братан, курить есть?

Шамшур отрицательно покачал головой. Во время досмотра один из конвоиров забрал у него только что початую пачку сигарет.

Прыщавый горестно вздохнул:

— Со вчерашнего обеда не курил. Уши пухнут. Терпежа нет.

verlieren, etwas zu erklären. Über seine Liebe zu diesem Mädchen zu sprechen, zu beweisen, dass ihre Beziehungen nie die Grenzen des Erlaubten überschritten hatten, in Reinheit seiner Gefühle zu versichern, war sinnlos. Schamschur, kaum in der Lage, die in ihm hochkochende Wut zurückzuhalten, sagte deutlich:

- Sie sind ein Schwein, Genosse Oberstleutnant! Sie nutzen Ihre Position aus, um mich zu beleidigen! Das macht Ihnen keine Ehre! Wenn wir Zivilisten wären, würde ich Ihnen eine reinhauen.

Die Offiziere hörten auf zu lächeln.

- So was! - sagte der Oberstleutnant mit einiger Überraschung und, wie es Schamschur schien, mit Verärgerung. - Du spielst die beleidigte Unschuld!? Sieh an, sieh an! Du kommst zehn Tage in die Arrestzelle und dann sehen wir, was wir mit dir machen. Hauptmann, geben Sie den Befehl!

Nachdem er das gesagt hatte, drehte sich der Oberstleutnant um und ging zum Hauptquartier. Der Rest folgte. Es blieb nur noch ein Sonderoffizier neben Schamschur.

In der Arrestzelle wurden alle persönlichen Gegenstände des Neuankömmlings weggenommen. Sie nahmen ihm den ledernen Armeegürtel und den Hosengürtel ab und rissen den Stern von seiner Uniformmütze. Sie brachten ihn den Gang hinunter in die entfernteste Zelle. Dort war bereits ein Häftling, ein pickeliger, schlaksiger Kerl in einem vollgeschmierten Tarnanzug.

Sobald sich die Tür schloss, fragte er hoffnungsvoll:

- Alter, hast du eine Kippe?

Schamschur schüttelte verneinend den Kopf. Während der Inspektion nahm ihm einer der Wachmänner eine frisch geöffnete Zigarettenschachtel ab.

Der Pickelige seufzte bedauernd:

- Ich habe seit gestern Mittag nicht mehr geraucht. Meine Ohren sind geschwollen. Keine Geduld.

Глаза его выражали тоску. Он сел на металлический табурет, вмурованный в бетонный пол посреди помещения, и нехотя спросил:

— Тебя за что на кичу бросили?

— За неуставные отношения, — неопределённо высказался Шамшур.

— За дедовщину? — уточнил собеседник.

— Нет, — Шамшур сомневался: говорить или нет. Потом всё же решился. — Я с местной девчонкой познакомился, и мы на границе встречались.

— Ух ты! — удивился сокамерник.
— Девчонка наша, русская?

— Нет, азербайджанка.
Долговязый скорчил неопределённую гримасу.

— Так, в чём твоя вина?

— Её родственники, когда узнали, то подняли хай. Мне чуть ли не попытку изнасилования шьют. А наши испугались. Решили, что это станет поводом для обострения. Короче, меня с заставы убрали, а здесь я сразу же на какого-то подполковника нарвался. Он мне хамить начал. Ну, я ему и ответил...

— Забавно, — грустно улыбнулся солдат и протянул руку. — Меня Сергеем зовут.

В Закавказье Сергей Яшкин попал в мае прошлого года. После учебки его, имевшего водительские права, определили в автопарк, где он вскоре сел на сто тридцатый бортовой ЗИЛ. Службу свою он тянул исправно — регулярно ходил в наряды, ездил в рейсы, ремонтировал технику. Так бы и продолжалось дальше, но на свою беду во время одной из поездок в расположение соседней мотострелковой части водитель познакомился с тамошним каптёрщиком.

Seine Augen drückten Sehnsucht aus. Er setzte sich auf einen in den Betonboden eingelassenen Metallhocker in der Mitte des Raumes und fragte zögernd:

- Warum wurdest du in die Arrestzelle geworfen?

- Für vorschriftswidrige Beziehungen, - sagte Schamschur unbestimmt.

- Für schikanöses Verhalten ? - fragte der Gesprächspartner.

- Nein, - Schamschur zweifelte, ob er sprechen sollte oder nicht. Dann entschied er sich. - Ich habe ein einheimisches Mädchen kennengelernt, und wir haben uns an der Grenze getroffen.

- Wow, - sagte der Zellengenosse erstaunt. - Ist das Mädchen von uns, Russin?

- Nein, sie ist Aserbaidtschanerin.
Der Langhals machte eine unbestimmte Grimasse.

- Also, was ist deine Schuld?

- Ihre Verwandten, als sie es herausfanden, machten einen Aufstand. Sie hätten mich fast wegen versuchter Vergewaltigung angeklagt. Und unsere Jungs bekamen Angst. Ich dachte, es wäre eine Ausrede, um zu eskalieren. Jedenfalls wurde ich vom Außenposten abgeholt und hier traf ich auf einen Oberstleutnant. Er fing an, mit mir zu reden. Also antwortete ich ihm...

- Schon komisch, - lächelte der Soldat traurig und streckte seine Hand aus. - Ich heiße Sergej.

Sergej Jaschkin kam im Mai letzten Jahres in den Transkaukasus. Nach der Ausbildung wurde er, der einen Führerschein hatte, dem Fuhrpark zugeteilt für den 130-SIL Lastwagen. Er ging regelmäßig zum Dienst, ging auf Fahrten und reparierte Geräte. So ging es weiter, aber bei einer seiner Fahrten zum Standort einer benachbarten motorisierten Gewehreinheit machte der Fahrer Bekanntschaft mit einem dortigen Lagerhalter.

Каптерщик этот предложил рядовому Яшкину сделку. Он пообещал ему ящик тушёнки и ящик сгущённого молока в обмен на зимнюю камуфлированную куртку, в просторечии называемую бушлатом. Дело в том, что в отличие от пограничников, ходивших в камуфляжной форме, мотострелки носили обмундирование песочного цвета. Камуфляж среди армейцев ценился высоко, и они с готовностью приобретали его.

Каптерщик на дембель должен был уходить осенью, и он решил заранее обзавестись камуфлированным обмундированием, видимо, чтобы выпендриться по возвращению домой.

Яшкин сделкой заинтересовался. Он был вхож на вещевой склад, куда нередко наведывался по служебной надобности. Правда, ограничиваться ролью посредника, то есть договариваться с кем-нибудь из складских, а, значит, и делиться обещанной провизией, ему не очень-то хотелось, и он решил пойти на воровство.

Через пару недель у него как раз выдался удобный момент. В очередной раз оказавшись на складе, он заметил на стеллажах около входа несколько новеньких зимних курток, видимо, приготовленных для выдачи. Недолго думая солдат стянул одну из них и спрятал у себя в машине. Увы, уехать с добычей ему не дали. Исчезновение бушлата сразу же заметили. Начальник склада по горячим следам провёл расследование и обнаружил пропажу в кабине ЗИЛа прямо под сидением.

Факт кражи можно было бы замаять. Однако прапорщик, занимавший должность начальника склада, находился в контрах с капитаном, командовавшим авторотой. То, что воришка был подчинённым капитана

Der Lagerhalter bot dem Soldaten Jaschkin ein Schnäppchen an. Er versprach ihm eine Kiste Dosenfleisch und eine Kiste Kondensmilch im Tausch gegen eine Wintertarnjacke, umgangssprachlich Joppe genannt. Denn im Gegensatz zu den Grenzsoldaten, die Tarnuniformen trugen, trugen die motorisierten Schützen sandfarbene Uniformen. Tarnkleidung wurde von der Armee sehr geschätzt, und sie kauften sie gerne.

Der Lagerhalter sollte im Herbst in die Reserve gehen und hatte beschlossen, sich vorher eine Tarnuniform zu besorgen, offenbar um damit anzugeben, wenn er nach Hause kam.

Jaschkin war an dem Geschäft interessiert. Er hatte Zugang zum Lagerhaus, das er oft aus dienstlichen Gründen besuchte. Da er aber keine Lust hatte, als Vermittler aufzutreten, d.h. mit jemandem aus dem Lager zu verhandeln und damit den versprochenen Proviant zu teilen, beschloss er zu stehlen.

Ein paar Wochen später hatte er eine Gelegenheit. Er befand sich wieder einmal im Lager und bemerkte einige neue Winterjacken in den Regalen in der Nähe des Eingangs, offenbar bereit zur Ausgabe. Ohne lange zu überlegen, schnappte er sich einen von ihnen und versteckte ihn in seinem Fahrzeug. Leider konnte er ihm die Beute nicht geben. Das Verschwinden der Jacke wurde sofort bemerkt. Der Lagerleiter untersuchte ihn und fand ihn in der Fahrerkabine des ZILs, direkt unter dem Sitz.

Der Diebstahl könnte vertuscht worden sein. Allerdings war der für das Lager verantwortliche Fähnrich mit dem für die Motorstaffel verantwortlichen Hauptmann uneins. Die Tatsache, dass der Dieb ein Untergebener des Hauptmanns war, besiegelte sein

предопределило его судьбу. Делу дали официальный ход.

— А ты чего с азербайджанской связался? — спросил шёпотом Яшкин после отбоя. — У тебя что, дома девушки нет?

Шамшур отрицательно мотнул головой. Говорить ему на эту тему не хотелось. Весь день их гоняли то подметать плац, то тут же на этом плацу чеканить строевой шаг. Новоиспечённый арестант прошлую ночь не спал и к вечеру валился с ног. В отличие от него сидевший уже третьи сутки расхититель армейского имущества не прочь был поговорить. Его интересовало, как этот с виду вполне себе обычный паренёк ухитрился завести отношения с местной, и насколько далеко эти отношения зашли.

У самого Яшкина до армии девушки не было. Этот факт сам по себе не являлся чем-то постыдным. Около половины его сослуживцев или ещё не успели обзавестись подружками, или уже успели с ними расстаться. Яшкин относился к первой категории — вот только признаться в этом товарищам он почему-то постеснялся. Поэтому в первые же дни пребывания в учебке он написал своей бывшей однокласснице Галке письмо, в котором попросил её с ним переписываться.

Галка в школе была серой мышью, поэтому у неё с парнями тоже не сложилось. К радости новобранца, девушка откликнулась на его просьбу. Постепенно, в ходе переписки, она разоткровенничалась. Письма эти для неё превратились в подобие личного дневника, и единственным человеком, обладавшим правом его прочтения, стал бывший одноклассник.

Вначале Яшкина смутила такая искренность, но со временем он

Schicksal. Der Fall wurde offiziell gemacht.

- Warum hast du dich mit einer Aserbajdschanerin eingelassen? - fragte Jaschkin im Flüsterton, als das Licht ausging. - Hast du nicht eine Freundin zu Hause?

Schamschur schüttelte verneinend den Kopf. Er wollte nicht darüber sprechen. Den ganzen Tag wurden sie gejagt, um entweder den Paradeplatz zu fegen oder ihre Paradeschritte auszuführen. Der neue Häftling hatte die Nacht zuvor nicht geschlafen, und bis zum Abend war er auf den Beinen. Dagegen war der Räuber von Armeeeigentum, der bereits seit drei Tagen im Gefängnis saß, dem Reden nicht abgeneigt. Er fragte sich, wie dieser scheinbar gewöhnliche Junge es geschafft hatte, eine Beziehung zu einer Einheimischen aufzubauen, und wie weit diese Beziehung gegangen war.

Jaschkin selbst hatte vor der Armee keine Freundin. Diese Tatsache war an sich nichts, wofür man sich schämen musste. Etwa die Hälfte seiner Kameraden hatte entweder noch keine Freundinnen oder hatte sich bereits von ihnen getrennt. Jaschkin gehörte zur ersten Kategorie - aber aus irgendeinem Grund schämte er sich, dies seinen Kameraden gegenüber zuzugeben. So schrieb er in den ersten Tagen seines Ausbildungslagers einen Brief an seine ehemalige Klassenkameradin Galka und bat sie, mit ihm zu korrespondieren.

Galka war eine graue Maus in der Schule, deshalb kam sie auch nicht mit den Jungs klar. Zur Freude des Rekruten ging das Mädchen auf seine Bitte ein. Allmählich, im Laufe ihrer Korrespondenz, wurde sie offen. Die Briefe wurden für sie zu einer Art persönlichem Tagebuch, und die einzige Person, die das Recht hatte, sie zu lesen, war ihre ehemalige Klassenkameradin.

Zunächst war Jaschkin diese Aufrichtigkeit peinlich, aber mit der Zeit

привык настолько, что тоже стал делиться с Галкой сокровенным. Проучившись десять лет в одном классе, они по-настоящему узнали друг друга, только очутившись на расстоянии в тысячу километров. В конце концов, между ними возникло чувство взаимной симпатии, которое Яшкин по возвращению домой собирался конвертировать во что-то большее. Единственное, что его смущало — это его абсолютное неумение обращаться с женщинами. При каждом удобном случае он старался побольше разузнать об этом от своих бывалых товарищей.

Последующую неделю оба сокамерника провели в обычных для людей в их положении трудах. Каждое утро их вместе с другими сидельцами выводили в часть, где они выполняли самые грязные и тяжёлые работы. Содержащиеся на губе чистили туалеты, подметали территорию, носили из столовой полные баки с помоями. После обеда наступало время строевой подготовки. Печатать шаг, отрабатывать подходы к командиру или бесконечно тянуть ногу, замерев по команде сержанта, было занятием не из приятных, но приходилось терпеть. И Шамшура, и Яшкина караульные особо не третировали, предпочитая прессовать губарей из числа «индусов». Да и те отделялись легко.

Вообще, гауптвахта в погранотряде отличалась довольно мягкими условиями содержания. Если пограничник попадал в особую немилость к начальству, то его предпочитали посылать на гарнизонную губу в расположении мотострелковой дивизии. Участь таких арестантов была лютой. Тамошние конвоиры, в большинстве своём выходцы из Средней Азии и

gewöhnte er sich so sehr daran, dass auch er begann, seine innersten Gefühle mit Galka zu teilen. Nachdem sie zehn Jahre lang in derselben Klasse waren, lernten sie sich erst richtig kennen, als sie tausend Kilometer voneinander entfernt waren. Schließlich entstand zwischen ihnen ein Gefühl der gegenseitigen Sympathie, das Jaschkin nach seiner Rückkehr in etwas Größeres umwandeln wollte. Das einzige, was ihm peinlich war, war seine völlige Unfähigkeit, mit Frauen umzugehen. Bei jeder sich bietenden Gelegenheit versuchte er, von seinen alten Kameraden mehr darüber zu erfahren.

Die nächste Woche verbrachten die beiden Gefangenen mit den üblichen Arbeiten von Männern in ihrer Position. Jeden Morgen wurden sie mit den anderen Häftlingen hinausgeführt, um die schmutzigste und härteste Arbeit zu verrichten. Sie reinigten die Toiletten, fegten das Gelände und trugen volle Abwassertanks aus der Kantine. Nach dem Mittagessen war es Zeit für das Exerzierausbildung. Den Schritt zu lernen, die Annäherung an den Kommandanten zu üben oder ein Bein endlos zu strecken, auf Befehl eines Feldwebels zu erstarren, war keine angenehme Sache, aber man musste es aushalten. Sowohl Schamschur als auch Jaschkin wurden von den Wachsoldaten nicht sonderlich geduldet, da sie es vorzogen, die Gubaris unter den „Hindus“ unter Druck zu setzen. Und sie kamen glimpflich davon.

Im Allgemeinen war die Arrestanstalt im Grenzschutzkommando durch eher milde Haftbedingungen gekennzeichnet. Befand sich ein Grenzsoldat in besonderer Ungnade bei seinen Vorgesetzten, wurde er bevorzugt in die Garnisonskaserne am Standort der motorisierten Infanteriedivision geschickt. Das Schicksal solcher Gefangenen war brutal. Die dortigen Grenzsoldaten, die meist aus

Казахстана, относились к погранцам с особой жестокостью.

Шамшур счастливо избежал отправления на гарнизонную гауптвахту. По окончании отсидки он получил свои вещи обратно, подпоясался, снова закрепил на форменной кепке звёздочку. Закинув вещмешок за спину, он вышел на волю. За дверями караульного помещения его поджидал капитан из особого отдела.

— Ну, что товарищ боец, пойдём к новому месту службы.

Сердце Шамшура ёкнуло. Всё же он рассчитывал вернуться к себе на заставу.

— Пока перекантуешься в отряде, в комроте, а там посмотрим, — сказал весело особист, похлопывая его по плечу.

— Товарищ капитан, а можно мне обратно? — со слабой надеждой произнёс солдат.

— Нет, это исключено! Твоё появление на заставе нежелательно. Оставим тебя здесь ради нашего спокойствия.

— Но я ведь ни в чём не виноват!

— Я знаю, но так будет лучше. Короче, приказы не обсуждают, — капитан протянул сопроводительную бумагу и указал направление. — Зайдешь на первый этаж казармы. Найдешь канцелярию. Отдашь это, и тебя там поставят на довольствие. А теперь, шагом марш!

Шамшур не знал, что в тот день, когда его посадили на губу, особист отправился к нему на заставу и провёл там тщательное расследование. Были опрошены почти все его сослуживцы. Бойцы, ходившие с Шамшуром в наряды, подтвердили, что его поведение с девушкой не выходило за рамки

Zentralasien und Kasachstan stammten, behandelten die Grenzsoldaten mit besonderer Grausamkeit.

Schamschur entging glücklicherweise der Einlieferung in die Garnisonsarrestanstalt. Als seine Zeit um war, holte er seine Sachen zurück, gürtete sich und befestigte wieder ein Sternchen an seiner Uniformmütze. Er warf seinen Seesack hinter seinen Rücken und ging hinaus. Der Hauptmann der Sonderabteilung wartete hinter den Türen des Wachhauses auf ihn.

- Nun, Genosse Soldat, gehen wir zum neuen Dienstort.

Schamschurs Herz bekam ein kleines Kribbeln. Trotzdem hoffte er, zu seinem Außenposten zurückkehren zu können.

- Vorläufig wirst du dich in der Truppe, in der Kompanie aufhalten, und dann werden wir sehen, - sagte der Sonderoffizier fröhlich und klopfte ihm auf die Schulter.

- Genosse Hauptmann, kann ich wieder zurück? - sagte der Soldat mit schwacher Hoffnung.

- Nein, das kommt nicht in Frage! Dein Erscheinen auf dem Außenposten ist unerwünscht. Wir lassen dich zu unserer eigenen Beruhigung hier.

- Aber es ist nicht meine Schuld!

- Ich weiß, aber es ist das Beste. Kurzum, Befehle sind nicht verhandelbar, - der Hauptmann hielt ein Begleitpapier hin und zeigte die Richtung an. - Du gehst in das Erdgeschoss der Kaserne. Dort findest du das Büro. Gib ihnen das und sie werden dich auf die Gehaltsliste setzen. Und jetzt, im Gleichschritt, marsch!

Was Schamschur nicht wusste, war, dass an dem Tag, an dem er zum Arrest geschickt wurde, ein Sonderoffizier zu seinem Außenposten gegangen war und dort eine gründliche Untersuchung durchgeführt hatte. Fast alle seine Kameraden wurden befragt. Soldaten, die mit Schamschur im Dienst waren, bestätigten, dass sein Verhalten mit

приличия. Известным стало и о драке на кухне. Лейтенант Газаев рассказал о своём разговоре с подчинённым.

Сформировав своё мнение, капитан созвонился с начальником местной милиции и вместе с ним отправился к родственникам девушки. Они встретились с Лейлой. И хоть молодая женщина была подавлена и говорить не очень-то хотела, особисту всё же удалось добиться от неё самого главного. Она призналась при свидетелях, что её юная родственница ходила на границу по своей воле, и что между ней и солдатом ничего кроме разговоров не было.

Осталось решить вопрос с отцом девушки. Разговор с ним, даже при посредничестве милицейского начальника, оказался нелёгким. В конце концов, пришли к компромиссу. Договорились, что Шамшур больше на заставу не вернётся, а местные не будут проводить в отношении пограничников каких-либо враждебных действий. Инцидент удалось замять.

ГЛАВА 12

Погранотряд навевал на Шамшура тоску. Тёмная казарма с рядами двухъярусных кроватей, гулкая столовая с кислым запахом и очередями у раздаточной, огромный пустой плац и мрачное здание штаба — всё это вгоняло его в уныние. Повсюду были чужие люди.

В комендантской роте он всё же встретил нескольких знакомых ещё по учебке, но отношения с ними оставались поверхностными. Единственным человеком, с кем Шамшур по-настоящему сошёлся,

dem Mädchen innerhalb der Grenzen des Anstands war. Es wurde auch über den Kampf in der Küche bekannt. Leutnant Gasajew erzählte von seinem Gespräch mit seinem Untergebenen.

Nachdem er sich eine Meinung gebildet hatte, rief der Hauptmann den örtlichen Polizeichef an und fuhr mit ihm zu den Verwandten des Mädchens. Sie haben Leila getroffen. Obwohl die junge Frau deprimiert und wenig gesprächsbereit war, gelang es dem Offizier, das Wichtigste aus ihr herauszubekommen. Sie gestand vor Zeugen, dass ihre junge Verwandte aus freien Stücken an die Grenze gegangen sei und dass es zwischen ihr und dem Soldaten nichts als Gespräche gegeben habe.

Es bleibt das Problem mit dem Vater des Mädchens zu lösen. Es war nicht einfach, mit ihm zu reden, selbst mit der Vermittlung des Polizeichefs. Am Ende wurde ein Kompromiss erzielt. Es wurde eine Vereinbarung getroffen, dass Schamschur nicht zum Außenposten zurückkehrt und die Einheimischen keine feindlichen Handlungen gegen die Grenzsoldaten vornehmen. Der Vorfall wurde vertuscht.

KAPITEL 12

Die Grenzschutzereinheit gab Schamschur ein tristes Gefühl. Die dunkle Kaserne mit ihren Etagenbetteihen, die triste Kantine mit ihrem säuerlichen Geruch und den Warteschlangen an den Ausgabestellen, der riesige, leere Exerzierplatz und das düstere Hauptquartiergebäude ließen ihn verzweifeln. Es waren überall Fremde.

In der Kompanie des Kommandanten traf er zwar ein paar Bekannte aus dem Ausbildungslager, aber seine Beziehungen zu ihnen blieben oberflächlich. Die einzige Person, mit der sich Schamschur wirklich verstand,

оказался его бывший сокамерник. Ещё на гауптвахте после отбоя, лёжа на откинутых от стены дощатых нарах, они шёпотом разговаривали до полуночи. К окончанию срока наказания оба солдата знали друг о друге практически всё. Именно Яшкин через несколько недель принёс своему новому другу известие от Джамили.

В тот день водитель бортового ЗИЛа рядовой Яшкин получил приказ отвезти на гарнизонный склад какие-то ящики и поддоны. Выезжая за ворота воинской части, он заметил на противоположной стороне улицы девушку. Незнакомка не просто шла мимо — она стояла напротив контрольно-пропускного пункта и внимательно разглядывала военных на проходной. Уже повернув на дорогу, Яшкин увидел в зеркале заднего вида, как девушка стала переходить проезжую часть, явно направляясь к КПП. Солдат отметил для себя этот факт.

Склад располагался неподалёку и через полчаса машина Яшкина вернулась назад. По дороге к погранотряду, водитель снова увидел девушку. Она шла медленно по улице. Вид у неё был задумчивый.

Подъехав к проходной, Яшкин высунулся из окна кабины и громко, стараясь перекричать звук работающего двигателя, спросил у часового, открывавшего перед ним створку ворот:

— И давно к вам на КПП девки шастают?

Щурясь на солнце, часовой ухмыльнулся. Поправляя съезжающий с плеча ремень автомата, он неспешно направился ко второй створке.

— Так, что она хотела? — продолжал интересоваться водитель.

war sein ehemaliger Zellengenosse. Sogar in der Arrestzelle, nachdem das Licht ausgegangen war, unterhielten sie sich bis Mitternacht im Flüsterton auf den angelehnten Holzkojen. Am Ende der Strafe wussten beide Soldaten praktisch alles über den anderen. Ein paar Wochen später war es Jaschkin, der seinem neuen Freund die Nachricht von Djamila überbrachte.

An diesem Tag erhielt der Fahrer des SIL-Lastwagens, Soldat Jaschkin, den Befehl, einige Kisten und Paletten in das Lager der Garnison zu bringen. Als er aus dem Tor der Militäreinheit fuhr, bemerkte er ein Mädchen auf der gegenüberliegenden Straßenseite. Die Fremde ging nicht einfach vorbei, sie stand vor dem Kontrollpunkt und musterte die Soldaten am Kontrollpunkt. Nachdem er bereits auf die Straße abgebogen war, sah Jaschkin im Rückspiegel, wie das Mädchen begann, die Fahrbahn zu überqueren und eindeutig auf den KDP (Kontroll-Durchlassposten) zusteuerte. Der Soldat vermerkte diese Tatsache für sich.

Das Lagerhaus war nicht weit entfernt und nach einer halben Stunde war Jaschkins Auto zurück. Auf dem Weg zum Grenzposten sah der Fahrer das Mädchen wieder. Sie ging langsam die Straße hinunter. Sie sah nachdenklich aus.

Als er auf das Torhaus zufuhr, lehnte sich Jaschkin aus dem Fahrerhausfenster und fragte den Wachposten, der vor ihm das Tor öffnete, laut und versuchte, das Geräusch des Motors zu übertönen:

- Wie lange kommen die Mädchen schon zu deinem KDP?

Der Wachposten blinzelte in die Sonne und grinste. Er richtete den Gürtel seiner Maschinenpistole, die ihm von der Schulter rutschte, und ging gemächlich auf das zweite Tor zu.

- Also, was wollte sie? - erkundigte sich der Fahrer weiter.

Часовой остановился, развёл руками и сообщил:

— Какого-то Романа спрашивала. Фамилию не помню.

— Шамшура! — тотчас же подсказал Яшкин.

— Точно, — обрадовался часовой. — Он самый.

Не успел солдат у ворот договорить, как Яшкин со скрежетом переключил передачу. Грузовик с рёвом рванул назад. Ещё несколько секунд и он уже мчался по улице вдогонку уходящей девушке. «Только бы она не свернула куда-нибудь!» — думал водитель, всматриваясь в фигуры немногочисленных прохожих, идущих вдоль домов.

Девушку он увидел на перекрёстке. Она намеревалась переходить его по пешеходному переходу. В нарушении правил дорожного движения, Яшкин выехал на полосу встречного движения и резко затормозил. Азербайджанка в ужасе остолбенела, вытаращившись на неожиданно возникший перед ней многотонный грузовик.

Яшкин открыл дверь и спросил:
— Вы искали Романа Шамшура?

— Да! — воскликнула девушка. — Вы знаете его?

От её испуга секундной давности не осталось и следа.

— Это мой друг. Что ему передать?

— Мне надо его увидеть, — произнесла подружка Шамшура. — Вы можете его позвать?

Водитель огляделся по сторонам. Остановившийся на перекрёстке грузовик уже привлёк внимание прохожих. Необходимо было как можно быстрее решить вопрос и уезжать.

— Приходите завтра, но только не на КПП. За отрядом, на противоположной отсюда стороне,

Der Wachposten blieb stehen, warf die Hände hoch und meldete sich:

- Jemand hat nach Roman gefragt. Ich erinnere mich nicht an seinen Nachnamen.

- Schamschura! - forderte Jaschkin sofort auf.

- Genau, - freute sich der Wächter. - Der ist es.

Kaum hatte der Soldat zu Ende gesprochen, legte Jaschkin mit einem Kreischen den Gang ein. Der Lkw fuhr eilig zurück. Noch ein paar Sekunden mehr und er raste die Straße hinunter und verfolgte das flüchtende Mädchen. „Ich hoffe, sie weicht nicht aus!“ - dachte der Fahrer und betrachtete die Gestalten der wenigen Passanten, die an den Häusern entlanggingen.

Er sah das Mädchen an einer Kreuzung. Sie beabsichtigte, sie auf dem Fußgängerübergang zu überqueren. Jaschkin fuhr verkehrswidrig auf die Gegenfahrbahn und bremste scharf ab. Die Aserbajdschanerin taumelte entsetzt, als sie auf den plötzlich vor ihr aufgetauchten tonnenschweren Lkw starrte.

Jaschkin öffnete die Tür und fragte:
- Haben Sie nach Roman Schamschur gesucht?

- Ja!, - rief das Mädchen aus. - Kennen Sie ihn?

Von ihrem Schreck von vor einer Sekunde war keine Spur mehr zu sehen.

- Er ist ein Freund von mir. Was kann ich ihm mitteilen?

- Ich muss ihn sehen, - sagte die Freundin Schamschurs. - Können Sie ihn für mich holen?

Der Fahrer sah sich um. Der Lkw hatte an der Kreuzung angehalten und zog bereits die Aufmerksamkeit der Passanten auf sich. Die Angelegenheit musste so schnell wie möglich geklärt werden und er musste gehen.

- Kommen Sie morgen, aber nicht zum KDP. Hinter der Abteilung befindet sich eine Straße, auf der

есть улица. Там никогда никого нет, и там вы сможете увидеться. Скажите, когда вы придёте? Я Ромку предупрежу. Он вас там встретит.

— А сейчас его можно увидеть? — с надеждой спросила девушка.

— Я не знаю, где он. Увижу его только вечером.

— Я буду завтра утром, в восемь часов.

— Хорошо, я ему передам — ответил Яшкин и захлопнул дверь.

Шамшура Яшкин нашёл после ужина в казарме. Там стоял гвалт из-за стихийного сборища, организовавшегося вокруг неизвестного молодого мужчины в гражданской одежде. Его тайно провели на территорию части солдаты из хозяйственного взвода. Эти бойцы были призваны из Украины, и, судя по всему, гражданский только что приехал оттуда же.

— Я вам говорю, хлопцы, нечего вам тут сидеть! — убеждал собравшихся пришедший. Он расположился внизу на двухъярусной койке, а вокруг него сгрудилось около двух десятков человек. — В Украине сейчас такие дела разворачиваются! Новое государство строится, армия создаётся! Родине нужны такие, как вы! Поэтому вы должны возвращаться домой!

— И как же нам возвращаться? — спросил один из солдат.

— Очень просто. Если вы согласны, то говорите нам. Мы конкретно по каждому человеку договариваемся с местными, и те помогают нам переправлять вас за пределы республики. В Баку формируется самолёт, который доставит вас в Украину. А там, как захотите: или продолжите свою службу в украинской армии, или уволитесь на дембель.

gegenüberliegenden Seite von hier. Es ist nie jemand da, und man kann sich dort treffen. Sagen Sie, wann kommen Sie? Ich werde es Romka sagen. Er wird Sie dort treffen.

- Ist es möglich, ihn jetzt zu sehen? - fragte das Mädchen hoffnungsvoll.

- Ich weiß nicht, wo er ist. Ich sehe ihn erst am Abend.

- Ich werde morgen früh um acht Uhr dort sein.

- In Ordnung, ich werde es ihm sagen, antwortete Jaschkin und schloss die Tür.

Jaschkin fand Schamschur nach dem Abendessen in der Kaserne. Es gab einen Aufruhr über die spontane Versammlung eines nicht identifizierten jungen Mannes in Zivilkleidung. Er wurde von Soldaten des Wirtschaftszuges heimlich auf das Territorium der Einheit gebracht. Die Soldaten waren aus der Ukraine eingezogen worden, und der Zivilist schien ebenfalls gerade von dort gekommen zu sein.

- Ich sage euch, Jungs, ihr braucht hier nicht zu sitzen! - Der Mann kam herein, um die Menge zu überzeugen. Er saß unten auf einem Etagenbett, und etwa zwei Dutzend Menschen drängten sich um ihn herum. - Solche Dinge passieren jetzt in der Ukraine! Ein neuer Staat wird aufgebaut, die Armee wird geschaffen! Die Heimat braucht Menschen wie euch! Deshalb müsst ihr wieder nach Hause gehen!

- Und wie sollen wir zurückgehen? - fragte einer der Soldaten.

- Ganz einfach. Wenn Sie einverstanden sind, sagen Sie es uns. Wir verhandeln speziell für jede Person mit den Einheimischen und sie helfen uns, Sie außerhalb der Republik zu befördern. In Baku wird ein Flugzeug zusammengestellt, das Sie in die Ukraine bringt. Und dort können Sie entweder Ihren Dienst in der ukrainischen Armee fortsetzen oder zur Versetzung in die Reserve gehen.

Собравшиеся загудели. Возвращение на родину и увольнение раньше срока многим казалось привлекательным. Однако были и скептики:

— Что ты нам заливаешь!? — произнёс один из присутствующих, коренастый сержант из комендантской роты. — С какими местными ты будешь договариваться?

— Есть люди, заинтересованные в вашем отъезде, — неопределённо высказался гражданский.

— Ну, так мы знаем, что это за люди, — продолжал сержант. — Они из Народного Фронта!

Гул в помещении усилился. Активисты этой организации большинством воспринимались как злейшие враги пограничников. Именно боевики Народного Фронта организовывали нападения на военнослужащих, захватывали автотранспорт, угрожали семьям офицеров, всячески баламутили местное население, настраивая его против военных.

— То есть ты нам предлагаешь снюхаться с Народным Фронтом. Да они уроды! — повысил голос щуплый ефрейтор. — Да я с ними на одном гектаре срать не сяду!

— Подождите, хлопцы! — попытался исправить ситуацию гражданский. — Какая разница, с кем мы будем сотрудничать, чтобы вас вывезти?

— А мы — это кто? — продолжал интересоваться коренастый.

— Мы — это Народный Рух Украины! — гордо произнёс приезжий. — Мы помогаем украинцам вернуться домой. Если вы сейчас не уедете, то завтра неизвестно, что с вами будет.

Die Menge tuschelte. Nach Hause zurückzukehren und vorzeitig auszusteigen schien für viele attraktiv. Aber es gab auch Skeptiker:

- Was wollen Sie uns damit sagen? - sagte einer der Anwesenden, ein stämmiger Feldweibel aus der Kompanie des Kommandanten. - Mit was für Einheimischen wollen Sie verhandeln?

- Es gibt Leute, die an Ihrer Abreise interessiert sind, - sagte der Zivilist unbestimmt.

- Nun, wir wissen, wer sie sind, - fuhr der Feldweibel fort. - Sie sind von der Volksfront!

Das Lärmen im Raum verstärkte sich. Die Aktivisten dieser Organisation wurden von den meisten als die schlimmsten Feinde der Grenzsoldaten wahrgenommen. Es waren die Militanten der Volksfront, die Angriffe auf das Militärpersonal organisierten, Fahrzeuge beschlagnahmten, die Familien der Offiziere bedrohten und in jeder Weise die lokale Bevölkerung aufhetzten und gegen das Militär aufbrachten.

- Das heißt, du schlägst vor, dass wir mit der Volksfront anbändeln. Ja, sie sind Missgeburten! - erhob ein schwächlicher Gefreiter seine Stimme. - Ich werde nicht mit ihnen auf demselben Hektar scheißen!

- Wartet, Jungs, - versuchte der Zivilist die Situation zu klären. - Welchen Unterschied macht es, mit wem wir zusammenarbeiten sollen, um Sie herauszuholen?

- Und wer sind wir? - Der stämmige Mann fragte weiter nach.

- Wir sind die Volksbewegung der Ukraine! - verkündete der Neuankömmling voller Stolz. - Wir helfen den Ukrainern, in ihre Heimat zurückzukehren. Wenn Sie jetzt nicht gehen, weiß niemand, was morgen mit Ihnen passieren wird.

— Почему неизвестно? —
послышалось из толпы. — Выведут
нас отсюда.

— Может и выведут, — не стал
спорить агитатор. — Но вопрос, куда?
Зашлют вас куда-нибудь к белым
медведям в тундру, и будете вы
ждать своего дембеля до посинения.
Вы что думаете, москали с вами
цацкаться будут?

Среди собравшихся
присутствовали и москали, то есть
солдаты, призванные с территории
РСФСР. Они с интересом наблюдали
за происходящим, но в разговор не
вступали.

— Значит, — резюмировал
щуплый ефрейтор. — Ты
предлагаешь нам свалить, а пацанов
из России оставить один на один с
мамедями!? И кем мы после этого
будем!? Суками конченными!?

— Вообще-то, за побег из части
можно дисбат схлопотать! — заметил
кто-то из присутствующих.

Сборище снова зашумело — по
всему было видно, что настроение
колыхнулось в невыгодную для
руховца сторону.

— Никто вас в Украине не будет
преследовать за это! — попытался
перекричать присутствующих
агитатор. — Я вам это гарантирую!

— Знаешь, что? — произнёс
сержант. — Вали-ка ты отсюда! Мы
на Украину вернёмся, но без твоей
помощи.

— Эй! Ты за всех не
расписывайся! — двинулся в его
сторону один из солдат хоззвода. В
его фигуре угадывалась недюжинная
физическая сила, а мрачная
физиономия не сулила ничего
доброго. Однако сержант оказался не
из робкого десятка.

— Ну, так и вали вместе с ним,
бандера! — тотчас же повысил он
градус напряжённости.

- Warum ist das unbekannt? - war
eine Stimme aus der Menge zu hören. -
Sie werden uns von hier wegbringen.

- Vielleicht werden sie das, -
argumentierte der Agitator nicht. - Die
Frage ist nur, wohin? Man schickt Sie zu
den Eisbären irgendwo in die Tundra,
und Sie warten auf Ihre Entlassung, bis
Sie blau im Gesicht sind. Glauben Sie,
dass die Moskauer sich um Sie
bemühen werden?

In der Menge befanden sich auch
Moskauer, d.h. vom Gebiet der RSFSR
eingezogene Soldaten. Sie
beobachteten das Geschehen mit
Interesse, beteiligten sich aber nicht an
der Unterhaltung.

- Also, - resümierte der schwächliche
Gefreite. - Du schlägst vor, dass wir
weggehen und die russischen Jungs mit
den Mameds (*Codename für ballistische Rakete*)
allein lassen? Und was werden wir
danach sein? Verfluchte Scheißkerle!?

- Eigentlich kannst du in ein
Strafbataillon kommen, wenn du aus der
Einheit entkommst! - bemerkte einer der
Anwesenden.

Die Versammlung begann wieder zu
lärmern - aus allem war klar, dass die
Stimmung in eine für den Ruchowiten
ungünstige Richtung schwankte.

- Niemand in der Ukraine wird Sie
dafür verfolgen! - der Agitator hat
versucht, die Anwesenden
niederzuschreiben. - Ich garantiere es
Ihnen!

- Weißt du was? - sagte der Gefreite.
- Raus hier! Wir werden in die Ukraine
zurückkehren, aber ohne deine Hilfe.

- He! Du sollst nicht für alle
unterschreiben! - einer der Soldaten des
Dienstzuges bewegte sich auf ihn zu. Er
war ein körperlich starker Mann, und
das grimmige Gesicht verhiess nichts
Gutes. Der Feldwebel war jedoch kein
Mann, der schüchtern war.

- Nun, raus mit ihm, Bandera! (*Bandera-
Sympathisant*) - erhöhte er sofort den
Spannungspegel.

— Хлопцы, только не надо ссорится! — заволновался агитатор. — Ведь мы украинцы! Мы должны держаться друг друга!

В этот момент в казарму вбежал молодой боец, дежуривший на лестничной клетке:

— Шухер! Офицер идёт! — негромко крикнул он.

Солдаты задвигались, расходясь. Гражданский и его сопровождающие, не теряя ни секунды, покинули спальное помещение.

Всё это время рядовой Шамшур находился неподалёку. Одетый, не снимая сапог, он лежал на застеленной кровати и молча слушал разговор. Шамшур не любил такие сборища и никогда в них не участвовал. Дезертировать он и не собирался. К тому же, после знакомства с Джамилей возвращение домой для него отошло на второй план.

— Привет, Рома! — плюхнулся Яшкин на соседнюю койку. — Что тут за шум?

— Агитатор с Украины приходил, — лениво отозвался Шамшур. — наших к побегу склонял, только пацаны его послали.

— Правильно! — удовлетворённо сказал водитель. — Не время ещё вам уезжать. Особенно тебе не время. У тебя здесь ещё незаконченные дела есть.

Яшкин довольный воззрился на своего товарища. Тот непонимающе спросил:

— Ты о чём?

— Я сегодня твою подругу видел и даже с ней разговаривал.

— Где!? — моментально сел на кровати Шамшур.

— Да прямо на улице, — засмеялся товарищ. — Смотрю, идёт симпатичная такая девушка. Ну, думаю, наверняка, Ромкина любовь. Спрашиваю её: вы, девушка, не нашего ли Романа Шамшура будете

- Leute, kämpft einfach nicht! - Der Agitator wurde aufgeregt. - Schließlich sind wir Ukrainer! Wir müssen zusammenhalten!

In diesem Moment rannte ein junger Soldat, der im Treppenhaus Dienst hatte, in die Kaserne:

- Kusch! Der Offizier kommt! - rief er leise.

Die Soldaten zogen sich zurück. Der Zivilist und seine Begleiter verließen, ohne eine Sekunde zu verschwenden, die Schlafräume.

Die ganze Zeit über war der Soldat Schamschur in der Nähe. Mit seinen Stiefeln bekleidet, lag er auf dem gemachten Bett und hörte dem Gespräch schweigend zu. Schamschur mochte solche Versammlungen nicht und nahm nie an ihnen teil. Er hatte nicht die Absicht zu desertieren. Außerdem lag für ihn nach der Bekanntschaft mit Djamila die Rückkehr nach Hause in weiter Ferne.

- Hallo, Roma! - Jaschkin ließ sich auf das nächste Bett fallen. - Was soll der ganze Lärm hier?

- Der Agitator aus der Ukraine kam, - antwortete Schamschur träge. - Er wollte uns zur Flucht überreden, aber die Jungs haben ihn weggeschickt.

- Richtig! - sagte der Fahrer befriedigt. - Es ist noch nicht an der Zeit, dass sie gehen. Vor allem nicht für dich. Du hast hier noch etwas zu erledigen.

Jaschkin sah seinen Kameraden zufrieden an. Der fragte unverständlich:

- Wie meinst du das?

- Ich habe deine Freundin heute gesehen und sogar mit ihr gesprochen.

- Wo? - sofort setzte sich Schamschur auf das Bett.

- Direkt auf der Straße, - lachte der Genosse. - Ich sah ein hübsches Mädchen vorbeigehen. Nun, ich denke, es muss die Liebe von Roman sein. Ich fragte sie: sind Sie nicht die Braut von unserem Roman Schamschur, junge

невестой? А она мне говорит: да, вот ищу его, паразита, он ведь обещал на мне жениться.

— Да ну, тебя! Брехло! — разочаровано бросил Шамшур и снова улёгся на кровать, закинув руки за голову.

— А если серьёзно, Рома, то я действительно её сегодня видел. Она на КПП приходила, тебя спрашивала.

Шамшур не знал, верить ему или нет. Яшкин придал своей физиономии такой правдивый вид, что его друг, наконец, поверил. Он снова сел:

— Почему ты меня сразу не позвал!

— Откуда я знал, где ты!?

— И что она сказала?

— Сказала, что хочет тебя видеть, — Яшкин успокаивающе похлопал Шамшура по плечу. — Рома, не волнуйся! Завтра в восемь утра ты с ней встретишься.

ГЛАВА 13

Ночью Шамшур долго не мог заснуть. Он лежал под синим верблюжьим одеялом и довольно улыбался в темноту. Парень испытывал тёплое чувство нежности к девушке. Надо же, ради него она не побоялась прийти к воинской части и заговорить с незнакомыми солдатами! Смелость Джамилы его смущала и радовала. Эта отчаянная девчонка была способна на многое.

На следующий день в назначенное для свидания время Шамшур был в автопарке. В указанном Яшкиным месте, в дальнем углу, он обнаружил щель в бетонном заборе. От посторонних глаз её заботливо прикрыли пустыми топливными бочками. Шамшур пролез через эту дыру и, пройдя с опаской вдоль серой

Frau? Und sie sagt zu mir: ja, ich suche ihn, der Halunke, er hat versprochen, mich zu heiraten.

- Komm schon, du! Lügner! - Schamschur warf sich mit einem enttäuschten Blick aufs Bett und legte die Hände hinter den Kopf.

- Aber im Ernst, Roma, ich habe sie heute gesehen. Sie kam zum KDP und fragte nach dir.

Schamschur wusste nicht, ob er ihm glauben sollte oder nicht. Jaschkin schaute so wahrheitsgetreu in sein Gesicht, dass sein Freund ihm schließlich glaubte. Er setzte sich wieder hin:

- Warum hast du mich nicht sofort angerufen!

- Woher wusste ich, wo du bist?

- Und was hat sie gesagt?

- Sie sagte, sie wolle dich sehen, - klopfte Jaschkin Schamschur beruhigend auf die Schulter. - Roma, mach dir keine Sorgen! Morgen früh um acht triffst du sie.

KAPITEL 13

In der Nacht lag Schamschur lange Zeit wach. Er lag unter der blauen Kameldecke und lächelte zufrieden in die Dunkelheit. Er fühlte ein warmes Gefühl der Zärtlichkeit gegenüber dem Mädchen. Sie hatte keine Angst gehabt, zu einer Armeeeinheit zu kommen und ihm zuliebe mit fremden Soldaten zu sprechen! Djamilas Kühnheit brachte ihn in Verlegenheit und erfreute ihn. Dieses verzweifelte Mädchen war zu vielem fähig.

Am nächsten Tag, zur vereinbarten Zeit, war Schamschur auf dem Fuhrpark. An der von Jaschkin angegebenen Stelle, in der hintersten Ecke, fand er eine Lücke im Betonzaun. Es war sorgfältig vor neugierigen Blicken durch leere Treibstoffässer abgedeckt worden. Schamschur kletterte durch dieses Loch und bog,

обшарпанной стены, свернул на соседнюю улицу. Там на другой стороне в глубокой утренней тени у закрытых ворот какого-то заброшенного предприятия он увидел Джамилю.

Солдат устремился через проезжую часть — девушка шагнула навстречу. Казалось, что они бросятся сейчас друг другу в объятия, однако этого не произошло. Приблизившись, они только коснулись друг друга ладонями.

— Я так боялся тебя больше не увидеть, — тихо сказала Шамшур.

— А я думала, как тебя найти, — в ответ произнесла Джамиля.

Оба стояли в нерешительности. Между ними сохранялась незримая стена, сквозь которую они друг друга видели и говорили, но ближе подойти не осмеливались. Неожиданно Джамиля сделала усилие и прорвала эту преграду. Она буквально провалилась в его объятия. Шамшур подхватил её и прижал к себе. Он стоял и дышал запахом её волос. Он не смел поверить в своё счастье! Оба поняли, что разлука только сблизила их ещё больше.

— Как ты узнала, что я здесь? — прошептал солдат.

— А где же тебе быть, как ни здесь, — ответила девушка.

— Что мы теперь будем делать?

Джамиля пожалла плечами, потом неожиданно спросила:

— Скажи, ты меня любишь?

Шамшура окатило жаром. Он почувствовал величайшее облегчение. Накануне ночью он думал, что ей сказать, как произнести слова любви. Он боялся обидеть её или испугать своим слишком откровенным признанием. Лёжа на кровати, он представлял эту встречу, подбирал подходящие фразы, проговаривал их про себя, но всё, придуманное им, казалось ему

всichtig an der grauen, schäbigen Wand entlanggehend, in die nächste Straße ein. Dort auf der anderen Seite, im tiefen Morgenschatten, sah er Djamila an den geschlossenen Toren einer verlassenen Fabrik.

Der Soldat eilte über die Fahrbahn - das Mädchen trat auf ihn zu. Es schien, als wollten sie sich einander in die Arme werfen, aber sie taten es nicht. Als sie näher kamen, berührten sie sich nur mit den Handflächen.

- Ich hatte solche Angst, dass ich dich nie wieder sehen würde, - sagte Schamschur leise.

- Und ich habe überlegt, wie ich dich finden kann, - antwortete Djamila.

Beide standen unschlüssig da. Zwischen ihnen war eine unsichtbare Wand, durch die sie sich sehen und unterhalten konnten, sich aber nicht trautes, näher zu kommen. Plötzlich machte Djamila eine Anstrengung und durchbrach die Barriere. Sie fiel ihm buchstäblich in die Arme. Schamschur packte sie und hielt sie dicht bei sich. Er stockte und atmete den Duft ihres Haares ein. Er wagte nicht, an sein Glück zu glauben! Beide erkannten, dass die Trennung sie nur noch näher zusammengebracht hatte.

- Woher wusstest du, dass ich hier bin? - flüsterte der Soldat.

- Wo sonst solltest du sein, wenn nicht hier, - antwortete das Mädchen.

- Was werden wir jetzt tun?

Djamila zuckte mit den Schultern, dann fragte sie plötzlich:

- Sag, liebst du mich?

Schamschur war mit Hitze überschüttet. Er fühlte die größte Erleichterung. In der Nacht zuvor hatte er sich gefragt, was er ihr sagen sollte, wie er Worte der Liebe sprechen konnte. Er hatte Angst, sie zu kränken oder sie mit seinem allzu offenen Geständnis zu erschrecken. Auf dem Bett liegend stellte er sich dieses Treffen vor, er wählte passende Phrasen, murmelte sie vor sich hin, aber

глупым и необедительным. Одним простым вопросом девушка сняла с него весь этот груз. Ему оставалось только произнести одно короткое слово.

— Да! — выдохнул он.

Она ещё сильнее прижалась к нему, молча уткнувшись в плечо. Он тоже ничего не говорил, понимая, что какие-либо слова сейчас совершенно лишние.

Влюблённые стояли так несколько минут, наслаждаясь близостью друг друга. Потом Джамиля снова взглянула на Шамшура. Её глаза были полны слёз.

— Ты плачешь? — удивился он.

— Скажи, ты будешь помнить меня? — спросила она.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я улетаю сегодня, — изменившимся голосом произнесла Джамиля. — Отец отправляет меня в Баку.

Шамшур был потрясён! Он почувствовал, что то невероятное счастье, которое он только что испытывал, обнимая девушку, стремительно улечивается.

— Подожди, но так нельзя! — воскликнул он. — Ты что, готова улететь!?

— Я не хочу, но, что я могу сделать?

— Ну, я не знаю! Уговори отца, откажись, заболей, спрячься! — Шамшур лихорадочно перебирал варианты выхода из положения. Он понял, что если не помешает отъезду Джамилы, то навсегда потеряет её. Пока она здесь, в Нахичевани, есть ещё какая-то надежда, что они будут вместе.

Он вспомнил историю своей одноклассницы, которая, влюбилась в парня, значительно старше её, и сбежала с ним, спрятавшись на даче у подруги. К тому времени, когда их

alles, was ihm einfiel, erschien ihm albern und nicht überzeugend. Mit einer einfachen Frage befreite ihn das Mädchen von all dieser Last. Alles, was er tun musste, war, ein kurzes Wort zu sagen.

- Ja! - atmete er aus.

Sie drückte sich noch fester an ihn und stützte sich schweigend auf seiner Schulter ab. Er sagte auch nichts, da er wusste, dass keine Worte nötig waren.

Die Liebenden standen ein paar Minuten lang so da und genossen die Nähe des anderen. Dann schaute Djamilia wieder zu Schamschur. Ihre Augen waren voll von Tränen.

- Weinst du? - wunderte er sich.

- Sag mir, wirst du dich an mich erinnern? - fragte sie.

- Warum fragst du?

- Ich werde heute abreisen, - sagte Djamilia mit veränderter Stimme. - Mein Vater schickt mich nach Baku.

Schamschur war fassungslos! Er spürte, dass das unglaubliche Glück, das er gerade bei der Umarmung des Mädchens empfunden hatte, schnell verblasste.

- Warte, aber das kannst du nicht machen! - rief er aus. - Bist du bereit, wegzufiegen!

- Ich möchte das nicht, aber was kann ich tun?

- Nun, ich weiß es nicht! Den Vater überreden, verweigern, krank werden, verstecken! - Schamschur ging fieberhaft seine Optionen durch. Ihm wurde klar, dass er Djamilia für immer verlieren würde, wenn er ihre Abreise nicht verhindern würde. Solange sie hier in Nachitschewan war, gab es noch Hoffnung, dass sie zusammen sein würden.

Er erinnerte sich an die Geschichte seiner Klassenkameradin, die, nachdem sie sich in einen wesentlich älteren Jungen verliebt hatte, mit ihm durchbrannte und sich in der Datscha einer Freundin versteckte. Als sie

нашли, родители девушки были уже готовы на любые уступки дочери.

— Давай сбежим вместе! — предложил Шамшур неожиданно сам для себя. — Сбежим и спрячемся!

Он тут же понял, насколько безрассудна эта идея, и произнёс в отчаянии:

— Господи, как это глупо!

— А давай убежим! — вдруг поддержала его Джамилля. — Самолёт улетит без меня, а дальше мы что-нибудь придумаем.

Шамшур не знал, как ему реагировать. Побег выглядел безумной авантюрой, однако это был единственный способ помешать отцу Джамилли их разлучить.

— Ты можешь где-нибудь спрятаться? — спросил он у девушки.

— В нашем доме, в селе, — тотчас же ответила Джамилля. — Сейчас он пуст.

— Как туда добраться?

— На автобусе.

— Тогда поехали! — и он увлёк её за собой.

Джамилля послушно пошла за ним, но, сделав несколько шагов, спохватилась:

— Стой! Нам не туда!

Она потянула Шамшура в обратную сторону.

Через час девушка и солдат садились в рейсовый автобус. Шамшур сказал, что не отпустит Джамиллю, что будет сопровождать её до самого дома. Она не возражала. Они оба не хотели разлучаться. Влюблённые искали возможности остаться наедине, чтобы никаких соглядатаев, попутчиков и даже случайных свидетелей не было рядом! Мысль о том, что они могут оказаться одни, вызывала у обоих душевный трепет. Они не признавались друг другу в своём

gefunden wurden, waren die Eltern des Mädchens bereit, ihrer Tochter Zugeständnisse zu machen.

- Lass uns zusammen weglaufen! - schlug Schamschur vor, unerwartet für sich selbst. - Lass uns wegrennen und uns verstecken!

Er erkannte sofort, wie leichtsinnig die Idee war und stieß verzweifelt aus:

- Gott, ist das dumm!

- Lass uns weglaufen! - Djamilia ermutigte ihn plötzlich. - Das Flugzeug wird ohne mich abfliegen, und dann werden wir uns etwas einfallen lassen.

Schamschur wusste nicht, wie er reagieren sollte. Weglaufen sah wie ein verrücktes Abenteuer aus, aber es war die einzige Möglichkeit, Djamilias Vater daran zu hindern, sie zu trennen.

- Kannst du dich irgendwo verstecken? - fragte er das Mädchen.

- In unserem Haus, im Dorf, - antwortete Djamilia sofort. - Es ist jetzt leer.

- Wie kommt man dorthin?

- Mit dem Bus.

- Dann nichts wie los! - und er hat sie fortgerissen.

Djamilia folgte ihm gehorsam, aber als sie ein paar Schritte gegangen war, wurde ihr klar, dass sie nicht mehr weiter wusste:

- Halt! Das ist nicht der richtige Weg!

Sie zog Schamschur in die entgegengesetzte Richtung.

Eine Stunde später stiegen das Mädchen und der Soldat in einen Linienbus ein. Schamschur sagte, dass er Djamilia nicht gehen lassen würde, dass er sie den ganzen Weg nach Hause begleiten würde. Sie hat nicht widersprochen. Sie wollten beide nicht getrennt werden. Das Liebespaar suchte nach einer Gelegenheit, allein zu sein, damit keine Spione, Reisebegleiter oder gar zufällige Zeugen in der Nähe waren! Der Gedanke, dass sie allein sein könnten, war beiden sehr unangenehm. Sie gestanden sich ihren

желании, но оба стремились его осуществить.

Тот факт, что Шамшур самовольно покинул территорию части, его совершенно не волновал. Никакие наказания не могли заставить его возвратиться назад, ведь рядом была Джамила, которая ради него решила идти против воли отца.

Чтобы скрыть свою принадлежность к армии, Шамшур выправил куртку поверх армейского ремня и снял форменную кепку. В регионе, находящимся на полувоенном положении, человек в камуфлированном обмундировании не вызывал к себе особого интереса. В камуфляже ходили бойцы местных вооружённых формирований, активисты Народного Фронта, просто любители пощеголять в армейской пятнистой форме.

Куда сложнее было скрыть славянскую внешность. В автобусе в основном ехали женщины с детьми и пожилые люди. Кое-кто из них то и дело с интересом посматривал в сторону странной пары, однако заговаривать с ними не спешили.

Старенький пазик, надсажено подвывая двигателем, преодолевал крутые подъёмы предгорья. Вдоль дороги тянулась ярко жёлтая труба, уложенная прямо на грунт. Трубопровод проложили совсем недавно. Вокруг него то там, то здесь валялись пустые газовые баллоны.

Шамшур прекрасно понимал, что его поездка в обычном пригородном автобусе — из ряда вон выходящее событие. Боевики Народного Фронта к тому времени уже не раз брали в заложники военных. Местное население этому всячески способствовало. Военнослужащим был строго запрещён выход на неподконтрольную территорию. Несмотря на это, солдат сознательно пошёл на риск.

Wunsch nicht gegenseitig, aber beide waren begierig, ihn zu erfüllen.

Die Tatsache, dass Schamschur die Einheit ohne Erlaubnis verlassen hatte, kümmerte ihn überhaupt nicht. Keine Strafe konnte ihn zur Rückkehr zwingen, denn Djamila war um seinetwillen dort, und sie hatte es gewagt, gegen den Willen ihres Vaters zu gehen.

Um seine Armeezugehörigkeit zu verbergen, strich Schamschur seine Jacke über den Armeegürtel und nahm seine Uniformmütze ab. In einer Region, die halbmilitärisch geprägt war, erregte ein Mann in Tarnuniform nicht viel Interesse. Die Tarnung wurde von Mitgliedern lokaler bewaffneter Formationen, Aktivisten der Volksfront und solchen, die ihre Militäruniformen einfach gerne zur Schau stellten, getragen.

Es war viel schwieriger, ihr slawisches Aussehen zu verbergen. Der Bus war hauptsächlich mit Frauen, Kindern und älteren Menschen gefüllt. Einige von ihnen betrachteten das seltsame Paar mit Interesse, aber sie hatten es nicht eilig, mit ihnen zu sprechen.

Der alte, kleine Bus fuhr mit heulendem Motor die steilen Ausläufer hinauf. Eine leuchtend gelbe Rohrleitung zog sich entlang der Straße, direkt auf dem Boden verlegt. Die Rohrleitung war erst kürzlich verlegt worden. Hier und da lagen leere Gasflaschen herum.

Schamschur war sich durchaus bewusst, dass seine Fahrt in einem gewöhnlichen Vorortbus ein nicht alltägliches Ereignis war. Zu diesem Zeitpunkt hatten die Kämpfer der Volksfront das Militär bereits mehr als einmal als Geisel genommen. Die lokale Bevölkerung hatte in vielerlei Hinsicht dazu beigetragen. Soldaten war es strengstens untersagt, unkontrolliertes Gebiet zu betreten. Trotzdem war der Soldat das Risiko bewusst eingegangen.

В свою очередь, Джамилю собственная решительность и пугала, и возбуждала. Сама она никогда бы не осмелилась на побег, но решимость Шамшура вселила в неё уверенность.

Кому-то поведение этих двоих может показаться наивным или нелогичным, но требовать расчётливости ума от влюблённых бессмысленно. Поступки их зачастую безумны.

Пазик, скатившись с предгорной возвышенности, въехал в небольшой городок. Там многие пассажиры вышли, однако не все. Среди тех, кто остался был седой старик в видавшем виде пиджаке и сапогах. Он сидел сзади и внимательно наблюдал за парой. Беглецы чувствовали его недобрый взгляд.

Дальше дорога тянулась параллельно границе, проходя через селение, в котором им предстояло выйти. После городка старик заговорил с рядом севшей женщиной. Шамшур ничего не понял из его речи, но почувствовал, что Джамиля напряглась, прислушиваясь к разговору. Он догадался, что говорят о них. Скорее всего, старик чего-то заподозрил. Солдат и девушка с нетерпением ждали следующей остановки — это был пункт их прибытия.

Автобус остановился, не доехав ста метров до придорожного базарчика. Шамшур и Джамиля вместе с несколькими пассажирами вышли. За парой, кряхтя и что-то бормоча себе под нос, вылез старик. Он огляделся по сторонам и довольно шустро засеменял к стоявшему неподалёку уазику. Солдат проследил, куда он направляется, и у него ёкнуло в груди! Возле машины он увидел знакомую фигуру в камуфляже. Это был Джафар — боевик, с которым

Djamilas eigene Entschlossenheit ihrerseits erschreckte und erregte sie zugleich. Sie selbst hätte es nie gewagt zu fliehen, aber Schamschurs Entschlossenheit gab ihr Zuversicht.

Das Verhalten der beiden mag dem einen oder anderen naiv oder unlogisch erscheinen, aber von Liebenden einen berechnenden Verstand zu verlangen, ist sinnlos. Ihre Handlungen sind oft wahnsinnig.

Der kleine Bus rollte die Ausläufer hinunter und in eine kleine Stadt. Viele der Passagiere stiegen aus, aber nicht alle. Unter denen, die blieben, war ein grauhaariger alter Mann in einer abgewetzten Jacke und Stiefeln. Er saß ganz hinten und beobachtete das Paar genau. Die Flüchtenden spürten seinen unfreundlichen Blick.

Von dort aus verlief die Straße parallel zur Grenze und führte durch das Dorf, wo sie aussteigen wollten. Nach dem Dorf sprach der alte Mann mit einer Frau, die sich neben ihn setzte. Schamschur verstand nichts von seiner Rede, aber er spürte, dass Djamilia sich anspannte, als sie dem Gespräch zuhörte. Er vermutete, was über sie gesagt wurde. Der alte Mann muss etwas geahnt haben. Der Soldat und das Mädchen warteten ungeduldig auf die nächste Haltestelle - das war der Punkt ihrer Ankunft.

Der Bus hielt an, bevor er den hundert Meter entfernten Basar am Straßenrand erreichte. Schamschur und Djamilia und ein paar andere Fahrgäste stiegen aus. Hinter dem Paar stieg, grunzend und vor sich hin murmelnd, der alte Mann aus. Er schaute sich um und ging ziemlich schnell auf ein nahes UAS-Auto zu. Der Soldat verfolgte, wohin er ging, und er spürte ein Stechen in der Brust! Er sah eine vertraute Gestalt in Tarnkleidung neben dem Auto. Es war Dschafar, der Kämpfer, mit dem er ein paar Wochen zuvor eine Auseinandersetzung gehabt hatte.

несколько недель назад ему довелось выяснять отношения.

Взяв крепко девушку за руку, Шамшур потянул её в ближайшую улочку.

— Ты видела, к кому он пошёл? — спросил солдат, опасливо оборачиваясь.

— Да! — в ужасе прошептала Джамия.

— Пошли отсюда!

Пара бросилась по узкой извилистой улочке, стараясь как можно дальше уйти от злополучного уазика. Оба поняли, что старик сейчас выдаст их, поэтому не теряли ни минуты.

Пройдя вдоль глухих заборов несколько переулков, беглецы решили, что опасность уже миновала. На перекрёстке у водопроводной колонки они остановились.

— Ну, а теперь куда? — спросил Шамшур.

— Туда! — махнула Джамия в сторону.

— Идём, — солдат сделал несколько шагов в том направлении, куда указала девушка. И тут в конце улицы из-за поворота навстречу им выкатился уазик. На его переднем сидении рядом с водителем скалил золотые зубы Джафар.

Шамшур кинулся назад, увлекая за собой девушку. Сзади они услышали звук взревевшего мотора. Стало понятно, что их увидели и теперь попытаются догнать на машине.

Та часть села, в котором они оказались, застраивалась ещё в те времена, когда автомобилей и в помине не было. Поэтому многие улочки были узкими и предназначались только для пешеходов. Именно в такой пешеходный проулок и юркнула пара. Они бежали, что было сил, пересекали более-менее широкие

Schamschur nahm das Mädchen fest am Arm und zog sie auf die nächste Straße.

- Hast du gesehen, zu wem er gegangen ist? - fragte der Soldat und drehte sich vorsichtig um.

- Ja!, - flüsterte Djamilia entsetzt.

- Los, verschwinden wir hier!

Das Paar eilte die enge, gewundene Straße hinunter und versuchte, sich so weit wie möglich von dem unglückseligen UAS-Auto zu entfernen. Beide wussten, dass der alte Mann im Begriff war, sie zu verraten, also verschwendeten sie keine Minute.

Sie gingen ein paar Gassen entlang einer Straßensperre und nahmen an, dass die Gefahr vorüber sei. An einer Kreuzung bei einer Wasserleitungssäule hielten sie an.

- Nun, wohin jetzt? - fragte Schamschur.

- Da lang! - Djamilia winkte zur Seite.

- Gehen wir, - der Soldat machte ein paar Schritte in die Richtung, in die das Mädchen gezeigt hatte. Am Ende der Straße wich ein UAS-Auto aus der Kurve aus und kam ihnen entgegen. Auf dem Beifahrersitz, neben dem Fahrer, grinste Dschafar mit seinen Goldzähnen.

Schamschur eilte zurück und nahm das Mädchen mit. Hinter ihnen hörten sie das Geräusch eines aufheulenden Motors. Es wurde klar, dass sie gesehen wurden und nun versuchen sie, sie mit dem Auto aufzuholen.

Der Teil des Dorfes, in dem sie sich befanden, wurde zu einer Zeit erbaut, als es noch keine Autos gab. Daher waren viele Straßen eng und nur für Fußgänger bestimmt. Genau in diese Fußgängerzone stürzte das Paar. Sie rannten so schnell sie konnten, überquerten mehr oder weniger breite Straßen mit gelegentlichen Fußgängern und tauchten in völlig leere enge

улицы, где то и дело им попадались прохожие, и углублялись в совершенно пустые узкие проходы между дворами. В глазах мелькали кирпичные стены, каменные и глиняные заборы, высокие ворота и маленькие калитки. Вслед раздавался собачий лай.

Беглецы не заметили, как оказались на окраине села. О возвращении назад не могло быть и речи. Их, наверняка, узнали, и скрыться в доме Джамилы теперь вряд ли дадут. Необходимо было где-то спрятаться. За околицей, через заезженную грунтовую дорогу, до самой железнодорожной насыпи простирался абрикосовый сад.

Оба остановились, пытаюсь отдышаться. Шамшур взглянул на девушку. На разгорячённом покрасневшем лице Джамилы было написано отчаяние.

— Мне страшно! — сказала она.

— Не бойся, — ответил солдат. — Сейчас мы спрячемся и подумаем, что нам делать дальше.

— Где мы спрячемся? — девушка была готова расплакаться.

— На границе!

Эта мысль пришла Шамштуру неслучайно. Перед ним лежал как раз участок местности, подконтрольный его заставе. Он исходил эту территорию вдоль и поперёк.

— Пошли, — махнул он девушке.

— Я знаю место, где нас никто не найдёт.

Джамилы последовала за ним. Она меньше всего хотела попасть в руки Джафара.

До железной дороги, отделявшей совхозный сад от пограничной зоны, дошли быстро. Оставалось преодолеть её. Парень и девушка взобрались на железнодорожную насыпь и тут вдалеке они снова увидели злополучный узик. Он

Passagen zwischen Höfen ein. Backsteinmauern, Stein- und Lehmzäune, hohe Tore und kleine Pforten blitzten vor ihren Augen auf. In ihrem Rücken war das Bellen eines Hundes zu hören.

Die Flüchtlinge merkten nicht, wie sie am Rande des Dorfes landeten. Zurückgehen kam nicht in Frage. Sie wurden wahrscheinlich erkannt, und jetzt ist es unwahrscheinlich, dass sie sich in Djamilas Haus verstecken dürfen. Es war notwendig, sich irgendwo zu verstecken. Hinter dem Ortsrand erstreckte sich über einen ausgetretenen Feldweg ein Aprikosengarten bis zum Bahndamm.

Beide blieben stehen und versuchten, zu Atem zu kommen. Schamschur sah das Mädchen an. Auf Djamilas gerötetem Gesicht lag ein Ausdruck der Verzweiflung.

- Ich habe Angst! - sagte sie.

- Hab keine Angst, - antwortete der Soldat. - Jetzt werden wir uns verstecken und überlegen, wie wir vorgehen.

- Wo sollen wir uns verstecken? - das Mädchen war den Tränen nahe.

- An der Grenze!

Der Gedanke ist Schamschur nicht zufällig gekommen. Vor ihm befand sich ein Bereich unter seinem Außenposten. Er hatte dieses Gebiet weit und breit durchquert.

- Komm, - winkte er dem Mädchen zu. - Ich kenne einen Ort, an dem uns niemand finden kann.

Djamila folgte ihm. Das Letzte, was sie wollte, war, Dschafar in die Hände zu fallen.

Die Bahnlinie, die den Sowchosgarten von der Grenzzone trennt, war schnell erreicht. Es war nur eine Frage der Zeit, bis sie sie überqueren würden. Der Junge und das Mädchen kletterten den Bahndamm hinauf, und in der Ferne sahen sie das unglückselige UAS-Auto wieder. Es

мчался в их сторону вдоль абрикосовых насаждений.

Оба, не сговариваясь, кинулись вниз. Впереди, до самой реки, было обширное пространство, заросшее кустами дикого шиповника и облепихи. В нескольких местах речную долину пересекали глубокие промоины. Спрятаться, исчезнуть, раствориться в густых зарослях было единственным выходом из положения.

Они бежали со всех ног, петляя между кустарниками. Чуть правее была незаметная с насыпи ложбина, выходящая к речному берегу. На её склоне ещё осенью пограничники оборудовали секрет — скрытое от посторонних глаз место в непролазных зарослях, больше похожее на лёжку какого-то дикого зверя. Именно туда Шамшур стремился. Там можно было затаиться и переждать.

«Наверное, они уже у насыпи, — подумал беглец о своих преследователях. — Ещё минута, и они будут наверху!» Впереди уже маячил спасительный распадок — до него оставалось пару сотен метров. В этот момент Джамила остановилась. Она тяжело дышала. Последние минуты бега Шамшур буквально тащил её за руку.

— Я больше не могу! — простонала она чуть не плача.

— Осталось совсем немного! — взмолился он.

Шамшур был готов нести девушку на руках, но она нашла в себе силы для последнего рывка. Не оборачиваясь, задыхаясь, они всё же добежали до склона впадины и обессиленные съехали вниз. Шамшур надеялся, что они успели скрыться, прежде чем боевики могли бы их увидеть. Он не знал, что с противоположной стороны их через бинокль разглядывает другой человек.

raste entlang der Aprikosenanlagen auf sie zu.

Beide stürzten nach unten. Vor ihnen, bis zum Fluss, lag eine riesige Fläche, die mit Büschen wilder Hagebutten und Sanddorn bewachsen war. Tiefe Rinnen durchzogen das Flusstal an mehreren Stellen. Verstecken, untertauchen, im Dickicht verschwinden war der einzige Ausweg.

Sie rannten so schnell sie konnten und schlängelten sich durch die Büsche. Etwas weiter rechts befand sich eine von der Böschung aus unbemerkte Mulde, die das Flussufer überragte. An seinem Hang hatten die Grenzwächter im Herbst einen geheimen Ort eingerichtet, der vor neugierigen Blicken im Dickicht verborgen war und eher wie ein Versteck für ein wildes Tier aussah. Dorthin strebte Schamschur. Dort konnte man sich verstecken und abwarten.

„Sie müssen jetzt am Damm sein, - dachte der Flüchtige über seine Verfolger. - Noch eine Minute, und sie wären oben!“ Eine Schlucht lag vor ihnen - noch ein paar hundert Meter. In diesem Moment blieb Djamila stehen. Sie atmete schwer. Schamschur hat sie in den letzten Minuten ihres Laufs buchstäblich am Arm gezogen.

- Ich kann nicht mehr weitergehen! - stöhnte sie fast weinend.

- Es bleibt nicht mehr viel Zeit! - begann er zu beten.

Schamschur war bereit, das Mädchen auf seinen Armen zu tragen, aber sie fand die Kraft, einen letzten Versuch zu unternehmen. Ohne sich umzudrehen, liefen sie keuchend immer noch an den Rand der Mulde und rollten sich erschöpft hinunter. Schamschur hoffte, dass sie entkommen waren, bevor die Kämpfer sie sehen konnten. Er wusste nicht, dass auf der gegenüberliegenden Seite ein anderer

Именно в этот день младший сержант Кирильчук заступил на охрану государственной границы на данном участке. Ему в подчинение назначили двух молодых бойцов. Один из них и доложил старшему наряда о появлении вдали двух подозрительных, бегущих в направлении границы. Кирильчук взглянул в бинокль и не поверил своим глазам. Благодаря двенадцатикратному приближению он узнал своего бывшего сослуживца.

— Да это же Шамшур со своей девкой! — изумлённо произнёс он. Младший сержант потянулся к переговорному устройству радиостанции. Нажав кнопку вызова, он произнёс позывные заставы. Дождавшись ответа дежурного связиста, старший наряда сообщил:

— Необходима тревожная группа! На пятнадцатом участке в направлении границы двигаются двое... — Кирильчук на секунду задумался и после уточнил. — Двое неизвестных. Подозреваю попытку нарушения границы. Начинаю преследование. Как понял меня? Приём.

— Понял тебя отлично! — ответил связист. — Высылаю тревожную группу на пятнадцатый участок.

Отключив связь, старший наряда скомандовал:

— За мной!

Тем временем беглецы шли по заросшей лощине. Шамшур продолжал тянуть Джамилю за руку. Девушка была обессилена. Она хотела упасть и так оставаться лежать без движения. До неё наконец дошло понимание безвыходности своего положения.

Mann sie durch ein Fernglas beobachtete.

An diesem Tag trat Unteroffizier Kiriltschuk seinen Posten zur Bewachung der Staatsgrenze in diesem Gebiet an. Zwei junge Männer wurden ihm zur Unterordnung zugewiesen. Einer von ihnen meldete dem Leiter der Patrouille das Auftauchen von zwei verdächtigen Personen in der Ferne, die in Richtung der Grenze liefen. Kiriltschuk schaute durch das Fernglas und traute seinen Augen nicht. Dank der zwölffachen Einstellung erkannte er seinen ehemaligen Kameraden.

- Ja, es ist Schamschur und sein Mädchen! - sagte er erstaunt. Der Unteroffizier griff nach der Funksprechanlage. Er drückte die Rufaste und sagte das Rufzeichen des Außenpostens. Während er auf die Antwort des diensthabenden Funkers wartete, meldete sich der Leiter der Abteilung:

- Alarmgruppe erforderlich! Es sind zwei Personen auf dem fünfzehnten Abschnitt, die sich Richtung Grenze bewegen... - Kiriltschuk dachte eine Sekunde nach und klärte dann auf. - Zwei unbekannte Personen. Ich vermute einen Versuch, die Grenze zu durchbrechen. Verfolgung starten. Können Sie mich hören? Ende.

- Habe dich ausgezeichnet verstanden! - antwortete der Funker. - Ich schicke eine Alarmgruppe zum 15. Abschnitt.

Nachdem die Verbindung getrennt wurde, gab der Leiter der Einheit das Kommando:

- Mir nach!

In der Zwischenzeit liefen die Flüchtenden über eine überwucherte Schlucht. Schamschur zog Jamila immer wieder am Arm. Das Mädchen war erschöpft. Sie wollte umfallen und so regungslos liegen bleiben. Schließlich erkannte sie die Ausweglosigkeit ihrer Situation.

— Пстой! — простонала она и остановилась. — Может я вернусь?
— Зачем?
— Тогда они не станут тебя искать.

— Джамиля, нет! Ты понимаешь, что это будет конец всему!

— А если они нас найдут? Что будет с тобой?

Этот вопрос себе Шамшур уже задавал. Действительно, а если их всё-таки обнаружат? Что с ним сделает Джафар? Джамилю он, конечно, не тронет, а вот ему придётся туго. Солдат с тоской подумал, что он безоружен, а значит и абсолютно беспомощен перед вооружёнными людьми.

— Джамиля, успокойся! — произнёс он с деланной уверенностью. — Они нас не найдут. Пойдём, здесь совсем рядом.

Они снова двинулись, молча прошли около сотни метров, и тут неожиданно сверху, совсем близко, прозвучал грубый окрик:

— А ну, стоять!

Во время своего бегства на границу в голове Шамшура возникала мысль, что он может столкнуться со своими сослуживцами. Но то, что это случится именно так, он не ожидал. Солдат повернулся и невольно застонал от отчаяния. Со склона спускался Кирильчук. Это было самое худшее, что могло произойти.

«Но почему мне так не везёт!?» — подумал Шамшур. Он готовился к встрече с кем угодно, но только не со своим врагом.

Необходимо было что-то предпринять. Бежать было уже бессмысленно! Да и куда? Разве что только через реку, в Иран. Шамшур лихорадочно соображал, что ему делать. Надо было договариваться.

— Серёга, послушай. Я знаю, как ты ко мне относишься, но сейчас давай забудем старые обиды! Я прошу тебя, помоги мне!

- Warte! - stöhnte sie und blieb stehen. - Kann ich nicht zurückgehen?

- Wozu?

- Dann werden sie nicht nach dir suchen.

- Djamila, nein! Ist dir klar, dass das das Ende von allem wäre?

- Und wenn sie uns finden? Was wird mit dir passieren?

Diese Frage hatte sich Schamschur bereits gestellt. Was wäre, wenn sie sie tatsächlich finden würden? Was würde Dschafar mit ihm machen? Natürlich würde er Djamila nicht berühren, aber er würde in Schwierigkeiten geraten. Der Soldat dachte sehnsüchtig daran, dass er unbewaffnet und damit völlig hilflos gegen bewaffnete Männer war.

- Djamila, beruhige dich!, - sagte er mit gespielter Zuversicht. - Sie werden uns nicht finden. Komm schon, es ist nicht weit von hier.

Sie zogen wieder weiter, gingen etwa hundert Meter schweigend, als plötzlich, ganz in der Nähe, ein grober Schrei von oben ertönte:

- Na, stehen bleiben!

Während seiner Flucht zur Grenze hatte Schamschur den Gedanken im Kopf, dass er auf seine Kameraden stoßen könnte. Aber dass es genau so kommen würde, hatte er nicht erwartet. Der Soldat drehte sich um und stöhnte unwillkürlich vor Verzweiflung. Kiriltschuk kam den Hang hinunter. Es war das Schlimmste, was passieren konnte.

"Aber warum habe ich so viel Pech?" - dachte Schamschur. Er bereitete sich darauf vor, jeden zu treffen, nur nicht seinen Feind.

Es musste etwas getan werden. Es hatte keinen Sinn, wegzulaufen! Und wohin? Außer über den Fluss in den Iran. Schamschur überlegte fieberhaft, was zu tun sei. Er musste sich arrangieren.

- Sergej, hör zu. Ich weiß, was du für mich empfindest, aber jetzt lass uns den alten Groll vergessen! Ich bitte dich, mir zu helfen!

Младший сержант и его подчинённые молча приближались. Джамия в ужасе смотрела на них.

— Не выдавай нас! — продолжал Шамшур, отступая назад. — За нами гонятся. Они хотят забрать её и увезти. Прикрой нас! Дай уйти! Прошу тебя!

Тут он посмотрел Кирильчуку в глаза и осёкся. Глаза эти светились злорадством. Его недруг ликовал, он готов был расхохотаться.

— Шамшур, скажи мне, ты идиот? — наконец, произнёс младший сержант. — Ты, что мне предлагаешь?

Он, словно осторожный хищник, стал аккуратно обходить беглецов, словно хотел рассмотреть их со всех сторон.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помог? Серьёзно? У тебя что, совсем крыша поехала? — Кирильчук изобразил на лице возмущение. — Нет, Шамшур! Я тебя прикрывать не стану. Ты дезертир, сбежавший из-за девки. Пощады от меня не жди!

Тут ему пришла другая мысль и он тут же её весело озвучил:

— А может ты решил сбежать с ней в Иран? А? Признавайся!

Не дожидаясь ответа, он заключил:

— Я не знаю, зачем ты сюда припёрся, но сделал ты это зря!

К этому моменту Шамшур понял, что Кирильчук его не пощадит. Он понял, что у него нет выбора, и сделал отчаянную попытку. Беглец неожиданно бросился на одного из молодых бойцов. Тот округлил глаза, попятился, выставив вперёд автомат, но нападавший перехватил ствол и с силой ударил солдата в лицо. «Индус» неуклюже вскинул руками. Шамшур тут же выдернул у него оружие. Всё произошло в считанные

Der Unteroffizier und seine Untergebenen näherten sich schweigend. Djamila starrte sie entsetzt an.

- Verrate uns nicht! - Schamschur fuhr fort und trat einen Schritt zurück. - Wir werden gejagt. Sie wollen sie wegnehmen und wegbringen. Gib uns Deckung! Lass uns gehen! Ich bitte dich!

Dann sah er in Kiriltschuks Augen und er stockte. Diese Augen glühten vor Schadenfreude. Sein Feind jubelte, er war bereit zu lachen.

- Schamschur, sag mir, bist du ein Idiot? - sagte schließlich der Unteroffizier. - Du, was bietest du mir an?

Wie ein vorsichtiges Raubtier schritt er vorsichtig um die Flüchtenden herum, als wolle er sie von allen Seiten untersuchen.

- Du willst, dass ich dir helfe? Ernsthaft? Hast du den Verstand verloren? - Kiriltschuks Gesicht war ein Ausdruck der Empörung. - Nein, Schamschur! Ich decke dich nicht. Du bist ein Deserteur, der wegen eines Mädchens abgehauen ist. Erwarte keine Gnade von mir!

Dann kam ihm ein anderer Gedanke und er sprach ihn sofort fröhlich aus:

- Vielleicht hast du beschlossen, mit ihr in den Iran zu fliehen? А? Gib es zu!

Ohne auf eine Antwort zu warten, schloss er:

- Ich weiß nicht, warum du hierher gekommen bist, aber du hast es umsonst getan!

Zu diesem Zeitpunkt wurde Schamschur klar, dass Kiriltschuk ihn nicht verschonen würde. Er erkannte, dass er keine Wahl hatte und unternahm einen verzweifelten Versuch. Der Flüchtige stürzte sich plötzlich auf einen der jungen Kämpfer. Dieser verdrehte die Augen, wich zurück und warf sein Maschinengewehr nach vorne, doch der Angreifer fing den Lauf ab und traf den Soldaten mit Wucht ins Gesicht. Der „Hindu“ warf unbeholfen die Hände

секунды. Мгновение, и он уже направил ствол на безоружного.

— А ну, в сторону! — приказал он ему. Тот попятился, не устоял на ногах и неуклюже завалился прямо в кусты. В его глазах был испуг, он выставил вперёд руку, как будто намеревался остановить её пулю.

— Автоматы на землю! — крикнул Шамшур. Он повёл стволом в сторону второго «индуса». Тот с растерянностью посмотрел на Кирильчука, как бы спрашивая своего старшего, как ему поступить. Сам Шамшур в эти секунды с лихорадочно думал, что ему делать, ведь он в реальности не собирался стрелять. Как будто прочитав его мысли, младший сержант спросил:

— Ну, и что дальше? Будешь стрелять?

— Рома, не надо! — произнесла Джамилля. Шамшур взглянул на неё. Казалось, что девушка сейчас разрыдается. Её глаза были полны слёз.

— Джамилля, иди сюда! — позвал он её, но она не двигалась с места, а только отрицательно качала головой.

— Прощу тебя, не надо, — повторила она еле слышно.

Шамшур понял, что это конец — он сам загнал себя и Джамиллю в ловушку! Он не знал, как поступить дальше. Опустив оружие, Шамшур шагнул к девушке. В этот момент Кирильчук вскинул автомат и выстрелил.

Впоследствии Шамшура спрашивали, что он ощущал в то мгновение, когда в него попала пуля. Он сравнил это с сокрушительным ударом гигантской кувалды. Удар этот был настолько мощным, что Шамшур не устоял на ногах. Его накрыло удушающей волной нестерпимой

hoch. Schamschur riss ihm sofort die Waffe aus der Hand. Es geschah alles in Sekundenschnelle. Einen Moment, und schon richtete er den Lauf auf den unbewaffneten Mann.

- Nun, beiseite! - befahl er ihm. Der Mann taumelte zurück und fiel unbeholfen ins Gebüsch. Seine Augen waren erschrocken, und er streckte die Hand vor, als wolle er damit eine Kugel aufhalten.

- Maschinengewehre auf den Boden! - rief Schamschur. Er hob seine Waffe in Richtung des zweiten „Hindus“. Der schaute Kiriltschuk verwirrt an, als würde er seinen Vorgesetzten fragen, was er tun sollte. Schamschur selbst überlegte in diesen Sekunden fieberhaft, was er tun sollte, denn er hatte nicht wirklich vor zu schießen. Als ob er seine Gedanken gelesen hätte, fragte der Unteroffizier:

- Und was kommt jetzt? Willst du schießen?

- Roma, nicht! - sagte Djamila. Schamschur sah sie an. Es schien, als ob das Mädchen gleich in Tränen ausbrechen würde. Ihre Augen waren voll von Tränen.

- Djamila, komm her! - rief er ihr zu, aber sie bewegte sich nicht, sondern schüttelte nur verneinend den Kopf.

- Bitte nicht, - wiederholte sie mit schwacher Stimme.

Schamschur erkannte, dass dies das Ende war - er hatte sich und Djamila in eine Falle gelockt! Er wusste nicht, was er als nächstes tun sollte. Schamschur senkte seine Waffe und trat auf das Mädchen zu. In diesem Moment hob Kiriltschuk seine Maschinenpistole und feuerte.

Schamschur wurde später gefragt, wie er sich in dem Moment fühlte, als er von der Kugel getroffen wurde. Er verglich es mit dem vernichtenden Schlag eines riesigen Vorschlaghammers. Der Schlag war so stark, dass Schamschur sich nicht auf den Beinen halten konnte. Eine

боли. Ему показалось, что он закричал. На самом деле он тихо простонал, повалившись на бок. Боль парализовала его. Он перестал что-либо видеть. Боль растекалась по всему телу, она пульсировала в ушах. Сквозь эту пульсацию он отдалённо услышал крик Джамили. После этого весь мир перевернулся и выключился. Наступила абсолютная тьма.

ГЛАВА 14

— Ну, что, молодой человек, приходим в себя!

Сквозь пелену сна Шамшур услышал мягкий мужской голос. Это были первые слова, которые он чётко разобрал. До этого в его сознании звучали плохо различимые звуки, какие-то глухие голоса, звон металлических предметов.

Шамшур попытался открыть глаза, но это ему с первого раза не удалось. С большим трудом он всё же разлепил веки и, ослеплённый ярким дневным светом, снова зажмурился.

— Он очнулся! — произнёс женский голос. Кто-то дотронулся до его головы.

— Ну, вот и хорошо, — ответил мужчина. — Следи за его состоянием, а я пойду поговорю с капитаном.

Послышались шаги, хлопнула дверь, вокруг стало тихо. Шамшур, не открывая глаз, спросил:

— Где я?

В ответ ничего не произошло — его не услышали.

— Эй! Что со мной? — произнёс он, еле ворочая языком. После короткой паузы, последовала реакция. Женщина подошла ближе,

erstickende Welle von unerträglichem Schmerz umhüllte ihn. Er dachte, er hätte geschrien. In der Tat stöhnte er leise und sackte auf die Seite. Der Schmerz lähmte ihn. Er konnte nichts mehr sehen. Schmerz kräuselte sich durch seinen Körper, es pochte in seinen Ohren. Durch dieses Pochen hindurch hörte er aus der Ferne den Schrei Djamilas. Danach wurde die ganze Welt auf den Kopf gestellt und stillgelegt. Absolute Dunkelheit setzte ein.

KAPITEL 14

- Nun, junger Mann, kommen Sie zur Vernunft!

Durch den Schleier des Schlafes hörte Schamschur eine leise Männerstimme. Es waren die ersten Worte, die er klar erkennen konnte. Davor war sein Bewusstsein erfüllt von undeutlichen Geräuschen, einigen gedämpften Stimmen, dem Klirren von Metallgegenständen.

Schamschur versuchte, die Augen zu öffnen, aber es gelang ihm nicht beim ersten Versuch. Mühsam öffnete er seine Augenlider und schloss, geblendet vom hellen Tageslicht, die Augen wieder.

- Er ist wach! - sagte eine Frauenstimme. Jemand berührte seinen Kopf.

- Nun, das ist gut, - antwortete der Mann. - Behalte seinen Zustand im Auge, und ich rede mit dem Hauptmann.

Schritte waren zu hören, die Tür schlug zu, und alles war still. Schamschur, der seine Augen nicht öffnete, fragte:

- Wo bin ich?

Als Antwort geschah nichts - er wurde nicht gehört.

- Hey! Was ist los mit mir? - sagte er und bewegte kaum seine Zunge. Nach einer kurzen Pause gab es eine Reaktion. Eine Frau trat näher, beugte

склонила, обдав его ароматом духов, и ласково произнесла:

— Ты что-то сказал, миленький?

— Где я? — повторил Шамшур. Он всё не мог найти в себе силы открыть глаза. Теперь он понял, что говорит очень тихо, фактически шепчет.

— Ты в госпитале, — ответила женщина. — Постарайся не разговаривать. Ты ещё очень слаб.

Обладателем мужского голоса был начальник госпиталя майор медицинской службы Мамедов. Он вышел в коридор, где его ждал капитан особого отдела.

— Гасан Рашидович, как он? — спросил офицер. Врач взял его под руку и повёл к себе в кабинет.

— Операция прошла успешно, — устало заговорил он. — Состояние стабилизировалось. Он вышел из медикаментозного сна. Будем надеяться на лучшее.

— Ну, слава богу! Значит выживет?

— Мало сделать операцию, — неопределённо высказался майор. — Необходимо ещё и выходить пациента.

Мамедов открыл кабинет, вошёл, бросил связку ключей на стол, снял белый халат.

— Пришлось всю ночь сидеть с этим парнем. Боялся осложнений.

Медик сел за письменный стол, открыл один из его ящиков, достал бутылку коньяка и два стакана.

— Да, кстати, кто его так?

Особист тяжело вздохнул, уселся на стул у стены, закинул ногу на ногу, прикрыл колено фуражкой.

— Боец этот оказался для нас большой проблемой. Самовольно покинул часть. Был обнаружен

сich über ihn, beduftete ihn mit Parfüm und sagte zärtlich:

- Hast du etwas gesagt, Liebster?

- Wo bin ich?, - wiederholte

Schamschur. Er konnte immer noch nicht die Kraft finden, seine Augen zu öffnen. Jetzt merkte er, dass er sehr leise sprach, eigentlich flüsterte.

- Du bist im Krankenhaus, - antwortete die Frau. - Versuch nicht zu sprechen. Du bist noch sehr schwach.

Die Stimme des Mannes war die des Leiters des Krankenhauses, Major Mamedow vom medizinischen Dienst. Er kam auf den Korridor hinaus, wo ein Hauptmann der Sonderabteilung auf ihn wartete.

- Hassan Raschidowitsch, wie geht es ihm? - fragte ihn der Offizier. Der Arzt nahm ihn unter den Arm und führte ihn in sein Büro.

- Die Operation war ein Erfolg, - sagte er müde. - Sein Zustand hat sich stabilisiert. Er ist aus dem Medikamentenschlaf. Hoffen wir das Beste.

- Na, Gott sei Dank! Er wird also überleben?

- Eine Operation reicht nicht, - sagte der Major undeutlich. - Man muss den Patienten auch pflegen.

Mamedow öffnete das Büro, kam herein, warf einen Schlüsselbund auf den Tisch, zog seinen weißen Kittel aus.

- Musste die ganze Nacht mit diesem Burschen aufbleiben. Ich hatte Angst vor Komplikationen.

Der Mediziner setzte sich an seinen Schreibtisch, öffnete eine seiner Schubladen, zog eine Flasche Cognac und zwei Gläser heraus.

- Ja, übrigens, wer hat ihm das angetan?

Der Offizier seufzte schwer, setzte sich auf einen Stuhl an der Wand, schlug die Beine übereinander und bedeckte sein Knie mit seiner Mütze.

- Dieser Soldat stellte sich als ein großes Problem für uns heraus. Hat die Einheit selbstständig verlassen. Er

нарядом на границе. Оказал сопротивление — завладел оружием. Старший наряда вынужден был стрелять.

— Странно, — заметил майор, плеснув из бутылки и протянув стакан капитану. — Сейчас все, наоборот, бросают оружие и бегут в другом направлении. У нас в дивизии повальное дезертирство.

— Тут всё сложнее, — особист понюхал стакан, затем с удовольствием сделал глоток. — Солдат этот раньше служил на этой же заставе, и у него возникли любовные отношения с одной из местных жительниц. Именно с ней он и оказался в пограничной зоне.

— Занятно, — произнёс врач и тоже отпил из стакана. — И что они на границе забыли?

— Судя по всему, скрывались от преследования. Родственники девушки были категорически против их отношений. Когда они узнали, то подняли большой скандал. Ситуация могла выйти из-под контроля. Мы перевели солдата в отряд. Увы, это не помогло. Как они встретились, мы не знаем.

— Любовь между азербайджанкой и солдатом, — задумчиво сказал майор. — Такое нынче редкость.

— Да, связь совершенно несуразная, — заметил капитан и выпил оставшийся коньяк. — Не понимаю, что их может объединять.

Медик крутил пустой стакан в руках, о чём-то размышляя. Особист ждал — не нальёт ли хозяин ещё, но тот был погружён в свои мысли.

— Ну, да ладно! — произнёс капитан, вставая. — Спасибо за угощение. Я к себе в штаб.

wurde von einer Patrouille an der Grenze gefunden. Er wehrte sich und nahm die Waffe. Der Patrouillenführer war gezwungen zu schießen.

- Seltsam, - bemerkte der Major, schenkte aus der Flasche ein und reichte das Glas dem Hauptmann. - Heutzutage wirft jeder seine Waffen weg und rennt in die andere Richtung. Wir haben eine Menge Desertionen in der Abteilung.

- Hier ist alles komplizierter, - der Offizier roch an dem Glas, nahm dann erfreut einen Schluck. - Der Soldat diente zuvor auf diesem Außenposten und hatte eine Liebesbeziehung mit einer der Einheimischen. Mit ihr landete er in der Grenzzone.

- Interessant, - sagte der Arzt und nahm einen Schluck aus dem Glas. - Was haben sie an der Grenze zu suchen?

- Offenbar versteckten sie sich vor Verfolgung. Die Verwandten des Mädchens waren vehement gegen die Beziehung. Als sie das herausfanden, lösten sie einen großen Skandal aus. Die Situation hätte aus dem Ruder laufen können. Wir haben den Soldaten an die Einheit übergeben. Leider hat es nicht geholfen. Wie sie sich kennengelernt haben, wissen wir nicht.

- Liebe zwischen einer Aserbaidshanerin und einem Soldaten, - sagte der Major nachdenklich. - So etwas gibt es heutzutage nur noch selten.

- Ja, die Verbindung ist absurd, - bemerkte der Hauptmann und trank den Rest des Cognacs. - Ich verstehe nicht, was sie miteinander zu tun haben.

Der Mediziner drehte das leere Glas in seinen Händen und dachte über etwas nach. Der Sonderoffizier wartete, ob der Gastgeber noch mehr einschenken würde, aber dieser war in seine Gedanken vertieft.

- Na, kommen Sie! - sagte der Hauptmann und stand auf. - Danke für

Он надел фуражку и направился к выходу.

— А что стало с девушкой? — спросил ему вдогонку военврач.

— Мы вынуждены были сразу же передать её представителям семьи, — ответил особист. — Если бы мы этого не сделали, то вам пришлось бы оперировать значительно больше людей.

Капитан вышел. Майор Мамедов печально смотрел в стакан. Он, азербайджанец по национальности, женился на русской женщине. С ней он душа в душу прожил двадцать лет и вырастил двоих детей. Это она сейчас находилась в реанимации и наблюдала за раненым Шамшуром. Никто и никогда не мог бы назвать их отношения несуразными.

В госпитале Шамшур пролежал месяц. За это время к нему неоднократно наведывались особист и следователь военной прокуратуры. Один раз заезжал теперь уже старший лейтенант Газаев.

Вначале июня майор Зыкин, наконец, получил добро на отъезд. Временно исполняющим обязанности начальника заставы назначили бывшего замбоя, повысив его накануне в звании.

Через неделю после своего назначения Газаев по каким-то своим делам прибыл в погранотряд и навестил в госпитале Шамшура. Тот уже чувствовал себя неплохо, пытался ходить, держась за стенку, стал местной достопримечательностью. В первые дни после того, как его перевели из реанимации в обычную палату, к

die Bewirtung. Ich bin auf dem Weg ins Hauptquartier.

Er setzte seine Mütze auf und machte sich auf den Weg zum Ausgang.

- Und was ist aus dem Mädchen geworden? - fragte ihn anschließend der Militärarzt.

- Wir mussten sie sofort an die Familie übergeben, - antwortete der Offizier. - Wenn wir das nicht getan hätten, hätten Sie viel mehr Menschen operieren müssen.

Der Hauptmann ging hinaus. Major Mamedow schaute traurig in sein Glas. Er, ein Aserbajdschaner von Nationalität, hatte eine Russin geheiratet. Mit ihr hatte er zwanzig Jahre lang in bester Eintracht gelebt und zwei Kinder großgezogen. Sie war diejenige, die sich jetzt auf der Intensivstation um den verletzten Schamschur kümmerte. Niemand könnte ihre Beziehung jemals als absurd bezeichnen.

Schamschur verbrachte einen Monat im Krankenhaus. Während dieser Zeit erhielt er mehrere Besuche vom Sonderoffizier und dem Ermittler der Militärstaatsanwaltschaft. Einmal kam der jetzige Oberleutnant Gasajew zu Besuch.

Anfang Juni erhielt Major Sykin endlich die Erlaubnis, das Land zu verlassen. Der ehemalige stellvertretende Leiter des Außenpostens war zum kommissarischen Leiter ernannt worden, nachdem er am Vortag befördert worden war.

Eine Woche nach seiner Ernennung ging Gasajew in eigener Sache zum Grenzschutzkommando und besuchte Schamschur im Krankenhaus. Der fühlte sich bereits gut, versuchte zu gehen, während er sich an einer Wand festhielt, und war zu einem lokalen Wahrzeichen geworden. In den ersten Tagen, nachdem er von der Intensivstation auf eine reguläre Station verlegt wurde, kam

раненому заглянул практически весь женский персонал госпиталя. Любовная история солдата в разговорах медсестёр и поварих обросла несусветной романтической чушью. Говорили, что он выкрал дочь влиятельных родителей, хотел вместе с ней бежать в Иран, и что для их поимки была организована целая спецоперация.

Военная прокуратура завела дело по факту огнестрельного ранения военнослужащего, но тут как раз подошло время вывода войск из Нахичевани. Первыми автономную республику покидали солдаты срочной службы, призванные с территории Украины. Рядовой Шамшур был один из них. Стрелявший в него младший сержант Кирильчук тоже. Удерживать обоих дальше никто не хотел — не знали, как к этому отнесётся украинская сторона. В прокуратуре решили поскорее избавиться от лишней обузы и поспешили переквалифицировать дело, а после его закрыть.

Свою службу Шамшур закончил в военном госпитале в Одессе. Туда сразу же после вывода из Закавказья его направили на комиссование. С Кирильчуком он так и не встретился. Они вылетали из Нахичеванского аэродрома в разные дни.

О том, что произошло сразу после того рокового выстрела, Шамшур узнал со слов старшего лейтенанта Газаева. Тревожная группа во главе с офицером прибыла на место почти сразу. Раненому сумели оказать помощь, остановить кровотечение, а после на вертолёте доставили в госпиталь, где ему сделали операцию.

— Ты хочешь знать, что с ней стало? — спросил Газаев, не

fast das gesamte weibliche Personal des Krankenhauses vorbei, um den Verwundeten zu sehen. Die Liebesgeschichte des Soldaten wurde in den Gesprächen der Krankenschwestern und Köche zu einem Haufen romantischen Unsinn. Es hieß, er habe die Tochter einflussreicher Eltern entführt und wolle mit ihr in den Iran fliehen, und es sei eine spezielle Operation organisiert worden, um sie zu ergreifen.

Die Militärstaatsanwaltschaft eröffnete einen Fall wegen der Schussverletzung eines Soldaten, aber es war gerade noch Zeit für die Truppen, Nachitschewan zu verlassen. Die ersten, die die autonome Republik verließen, waren Soldaten aus der Ukraine. Soldat Schamschur war einer von ihnen. So auch Unteroffizier Kiriltschuk, der auf ihn schoss. Niemand wollte die beiden weiter halten - sie wussten nicht, wie die ukrainische Seite darüber denken würde. Die Staatsanwaltschaft beschloss, die unnötige Belastung so schnell wie möglich loszuwerden und beeilte sich, den Fall neu zu klassifizieren und dann abzuschließen.

Schamschur beendete seinen Dienst in einem Militärkrankenhaus in Odessa. Dorthin wurde er unmittelbar nach seinem Rückzug aus dem Transkaukasus für einen Krankenurlaub geschickt. Er hat Kiriltschuk nie getroffen. Sie flogen an verschiedenen Tagen vom Flugplatz Nachitschewan aus.

Was unmittelbar nach dem tödlichen Schuss geschah, erfuhr Schamschur aus den Worten von Oberleutnant Gasajew. Eine Alarmgruppe unter der Leitung des Offiziers traf fast sofort an Ort und Stelle ein. Der Verwundete wurde behandelt und die Blutung gestoppt, dann wurde er mit dem Hubschrauber ins Krankenhaus gebracht, wo er operiert wurde.

- Willst du wissen, was aus ihr geworden ist? - fragte Gasajew, ohne

дожидаясь вопроса. — Когда я приехал на место, то у неё была истерика. Её от тебя не могли оттащить. А потом появились эти... Они были вооружены и очень серьёзно настроены. В какой-то момент я думал, что мы перестреляем друг друга. Короче, я приказал ребятам не мешать им, и они забрали девчонку. Она сопротивлялась, кричала, но всё было бесполезно. Что с ней теперь и где она, я не знаю.

Шамшур слушал своего командира, уставившись немигающим взглядом в стену напротив. Офицеру даже показалось, что солдат мало интересуется предметом разговора.

Когда Газаев собрался уходить, раненый вдруг спросил:

— Что мне теперь делать, товарищ лейтенант?

— Как что, Рома!? Жить! Возвратиться домой, обнять отца и мать! Забыть обо всём. Начать новую жизнь. Я тебе уже говорил об этом. Думаю — теперь ты поступишь правильно.

ЭПИЛОГ

Пассажирский поезд «Николаев-Москва» замедлял ход у платформы Киевского вокзала. Вдоль состава, лавируя между встречающимися, быстро шёл, почти бежал, низенький полноватый человек с портфелем под мышкой. Вид у него был расхристанный — куртка расстёгнута, кепка сдвинута на затылок, лицо покраснелось, на висках под чёрными слипшимися прядями блестели капли пота. Обегая людей, он то и дело заглядывал в двери открывающихся тамбуров.

Поезд наконец уткнулся в тупик, дёрнулся и замер. На перрон стали

auf eine Frage zu warten. - Als ich am Tatort ankam, war sie hysterisch. Sie konnten sie nicht von dir wegbringen. Und dann tauchten diese Typen auf... Sie waren bewaffnet und sehr ernst. An einem Punkt dachte ich, wir würden uns gegenseitig erschießen. Jedenfalls habe ich den Jungs gesagt, dass sie ihnen nicht in die Quere kommen sollen, und sie haben das Mädchen mitgenommen. Sie wehrte sich, sie schrie, aber es war sinnlos. Was mit ihr passiert ist und wo sie jetzt ist, weiß ich nicht.

Schamschur hörte seinem Kommandanten zu und starrte ohne zu blinzeln an die Wand gegenüber. Der Offizier hatte sogar das Gefühl, dass der Soldat wenig Interesse an dem Gespräch hatte.

Als Gasajew sich anschickte zu gehen, fragte der Verwundete plötzlich:

- Was soll ich jetzt tun, Genosse Leutnant?

- Was tun, Roma?! Leben! Geh nach Hause, umarme deinen Vater und deine Mutter! Vergiss alles. Beginne ein neues Leben. Das habe ich dir schon gesagt. Ich denke, du wirst jetzt das Richtige tun.

EPILOG

Der Personenzug „Nikolajew-Moskau“ wurde auf dem Bahnsteig des Kiewer Bahnhofs langsamer. Entlang des Zuges, zwischen den Menschen, die ihm entgegenkamen, manövrierte ein kleiner, übergewichtiger Mann mit einer Aktentasche unter dem Arm, der schnell ging, fast rannte. Sein Gesicht war gerötet, an den Schläfen glitzerten Schweißtropfen unter schwarzen, klebrigen Locken. Während er die Leute umrundete, spähte er durch die sich öffnenden Türen der Waggons.

Der Zug kam schließlich zum Stillstand, ruckte und kam zum Stillstand. Die Fahrgäste begannen, den

выходить пассажиры, они выгружали багаж и детей.

— Валера! — закричал полноватый, увидав впереди двух мужчин. Они только что вышли из вагона. На плечах обоих висели большие спортивные сумки. — Здравствуй, дорогой! Как я рад, что ты приехал!

Человек с портфелем протянул одному из мужчин руку для приветствия. После обратил внимание на другого:

— А это, кто с тобой?

— Роман Шамшур, — отрекомендовал своего товарища Валера. — Мы раньше вместе работали.

— Михай, — представился полноватый. Он, заглянув в глаза новоприбывшему, спросил. — Что ты умеешь делать?

— Он, Миха, всё умеет, — произнёс Валера, прежде чем его попутчик успел открыть рот. — Специалист — высший класс. Я у него учился.

— Я делаю всё, — не стал скромничать Шамшур. — Штукатурку, гипсокартон, откосы. Кладу плитку, клею обои. И с подвесными потолками работал, и со встроенной мебелью. С сантехникой и электрикой тоже знаком. Жизнь заставила.

— Плитка — это хорошо! — обрадовался Михай. — Мне плиточники нужны.

Он одобрительно похлопал Шамшура по плечу и весело скомандовал:

— Ну, что, пошли!? Я отвезу вас к себе на квартиру, а завтра утром поедем на объект.

— Ух-ты! — весело отреагировал Валера. — Ты уже здесь квартиру купил? Квартиру Михай приобрёл в Химках. Двухкомнатная хрущёвка требовала

Bahnsteig zu verlassen und Gepäck und Kinder auszuladen.

- Walera! - rief der dickgesichtige Mann, als er zwei Männer vor sich sah. Sie waren gerade aus dem Wagen ausgestiegen. Auf ihren Schultern trugen sie beide große Sporttaschen. - Hallo, mein Lieber! Wie froh bin ich, dass du angekommen bist!

Der Mann mit der Aktentasche streckte seine Hand aus, um einen der Männer zu begrüßen. Dann richtete er seine Aufmerksamkeit auf den anderen Mann:

- Und das, wer ist das bei dir?

- Roman Schamschur, stellte Walera seinen Kameraden vor. - Wir haben früher zusammen gearbeitet.

- Michai, - stellte sich der übergewichtige Mann vor. Er schaute in die Augen des Neuankömmlings und fragte. - Was können Sie tun?

- Er, Michai, weiß, wie man alles macht, sagte Walera, bevor sein Begleiter den Mund öffnen konnte. - Spezialist - die höchste Klasse. Ich habe es von ihm gelernt.

- Ich mache alles, - sagte Schamschur, ohne bescheiden zu sein. - Gips, Putz, Trockenbau, Schrägen. Ich fliese, tapeziere. Ich habe mit abgehängten Decken und Einbaumöbeln gearbeitet. Ich kenne mich auch mit Klempnerarbeiten und Elektrik aus. Das Leben hat mich dazu gezwungen.

- Fliesen ist gut! - Michai war begeistert. - Ich brauche Fliesenleger.

Er klopfte Schamschur anerkennend auf die Schulter und befahl fröhlich:

- Nun, lass uns gehen. Ich bringe Sie in die Wohnung und morgen früh gehen wir auf die Baustelle.

- Wow, - antwortete Walera fröhlich. - Hast du hier schon eine Wohnung gekauft? Michai hat eine Wohnung in Chimki gekauft. Die Zwei-Zimmer-

капитального ремонта, поэтому новый её хозяин пока перебираться туда не спешил. Чтобы жильё зря не пустовало, он селил там строителей, приезжавших в Москву на заработки. Это было выгодно, так как работяги эти трудились у него и у него же получали зарплату, из которой регулярно высчитывалась стоимость проживания.

Михай приехал в Москву в начале девяностых. Начинал с простого рабочего на стройке, потом стал бригадиром. Со временем благодаря опыту и природной пронырливости выбился в прорабы. Специализировался по квартирным ремонтам. Сначала у него трудились земляки-молдаване, половина из которых были то ли его родственниками, то ли односельчанами. Спустя несколько лет соотечественников стало не хватать. Пришлось нанимать нелегалов из бывших союзных республик. Так среди его работников появились таджики, узбеки и украинцы. Последних он ценил за профессионализм и одновременно недолюбливал за склонность к пьянству.

С Валерой Михай познакомился за год до этого. Украинец добросовестно работал, в рюмку не заглядывал, в воровстве замечен не был, и прораб стал регулярно привлекать его на свои объекты. Вот и на этот раз он позвонил Валере на Украину и предложил срочную работу. Тот согласился и сообщил, что приедет не один, а с напарником.

Шамшура он уговаривал поехать на заработки уже давно. Сам Валера, как перекасти поле, много лет мотался на работу то в Польшу, то в Россию. Семьи он не имел, потому и был лёгок на подъём. В отличие от своего товарища Шамшур, будучи человеком семейным, за пределы Украины не выезжал. Зарабатывал он весьма

Chruschtschow-Wohnung war stark reparaturbedürftig, so dass der neue Besitzer es nicht eilig hatte, dort einzuziehen. Damit die Wohnung nicht leer stand, beherbergte er Bauarbeiter, die nach Moskau kamen, um Geld zu verdienen. Das war profitabel, denn diese Arbeiter arbeiteten für ihn und erhielten von ihm ein Gehalt, von dem regelmäßig die Lebenshaltungskosten abgezogen wurden.

Michai kam in den frühen Neunzigern nach Moskau. Angefangen hat er als einfacher Bauarbeiter, dann wurde er Vorarbeiter. Mit der Zeit arbeitete er sich durch Erfahrung und natürlichen Scharfsinn bis zum Polier hoch. Er spezialisierte sich auf Wohnungsrenovierungen. Zunächst beschäftigte er Landsleute aus Moldawien, von denen die Hälfte entweder seine Verwandten oder Dorfbewohner waren. Nach ein paar Jahren wurden seine Landsleute rar. Er musste Illegale aus ehemaligen Sowjetrepubliken einstellen. So tauchten unter seinen Arbeitern Tadschiken, Usbeken und Ukrainer auf. Letztere schätzte er für ihre Professionalität und mochte sie gleichzeitig wegen ihrer Neigung zum Trinken nicht.

Michai hatte Walera im Jahr zuvor kennengelernt. Der Ukrainer hatte fleißig gearbeitet, schaute nicht ins Glas, war nicht als Dieb bekannt, und der Vorarbeiter stellte ihn regelmäßig für seine Projekte ein. Diesmal rief er Walera in der Ukraine an und bot ihm eine dringende Arbeit an. Er stimmte zu und sagte, dass er nicht allein, sondern mit einem Partner kommen würde.

Er hatte Schamschur schon lange überredet, zur Arbeit zu gehen. Walera selbst war wie ein Vagabund viele Jahre in Polen und Russland tätig gewesen. Er hatte keine Familie, deshalb war er leichtlebig. Anders als sein Freund hat Schamschur, ein Familienmensch, die Ukraine nie verlassen. Er verdiente sehr bescheiden, und das zwang ihn

скромно, и это, в конце концов, вынудило его согласиться на предложение друга.

— Рассказывай, что за работа, — сказал Валера, усаживаясь рядом с водителем. Михай сдал задом, ловко вырулил. Выехав с парковки, он тут же нырнул в густой поток автомобилей.

— Значит так! Квартира в новом жилом комплексе. Пять комнат, просторный холл, большая кухня, ванна с туалетом и ещё туалет отдельно. Площадь — около двухсот квадратов. Перегородки уже есть, штробление сделали, проводку проложили. Ваша задача — всё остальное. Начнёте, как всегда, с выравнивания потолков и стен. Где надо, зашиваете гипсокартоном, ставите арматуру, затем стяжка, сантехника и дальше по плану. Делаете квартиру под ключ. На всё вам даётся два месяца.

— Отлично! — с удовольствием потёр руки Валерий. — Как насчёт подсобников?

— Вот с этим проблема, — скривился Михай. — Хозяин — азербайджанец. Бизнесмен. Платит хорошо, но поставил условие, чтобы ни таджики, ни узбеки в его квартире ремонт не делали. Так мне и сказал: чтоб никаких чурок — только нормальные люди. А все нормальные, как назло, по объектам растыканы. Бригада украинцев в Балашихе сидит уже второй месяц, а мои молдаване в Одинцово и Реутово квартиры только начали. Свободные лишь парни из Средней Азии, но они, видите ли, ему не нравятся!

— Не ты прикинь! — хохотнул Валера, поворачиваясь к сидящему сзади Шамшуру. — Сам чурка, а на

schließlich dazu, das Angebot seines Freundes anzunehmen.

- Erzähl mir von dem Job, - sagte Walera und nahm neben dem Fahrer Platz. Michai wich zurück und lenkte geschickt aus. Er fuhr aus dem Parkhaus und tauchte sofort in den dichten Strom der Autos ein.

- Also! Die Wohnung befindet sich in einer neuen Wohnanlage. Fünf Zimmer, eine geräumige Diele, eine große Küche, ein Badezimmer mit Toilette und eine separate Toilette. Sie ist etwa zweihundert Quadratmeter groß. Die Trennwände stehen, die Verlegung ist erfolgt, die Verkabelung ist erledigt. Eure Aufgabe ist es, den Rest zu erledigen. Ihr beginnt, wie immer, mit dem Nivellieren der Decken und Wände. Wo es nötig ist, bringen ihr Gipskartonplatten, Einbauten und Armaturen an, dann Estrich, Sanitäranlagen und so weiter gemäß dem Plan. Ihr macht eine schlüsselfertige Wohnung. Ihr habt zwei Monate Zeit, um alles zu erledigen.

- Ausgezeichnet! - Walera rieb seine Hände genüsslich aneinander. - Was ist mit den Helfern?

- Das ist das Problem, - schnitt Michai eine Grimasse. - Der Besitzer ist Aserbajdschaner. Geschäftsmann. Er zahlt gut, hat aber zur Bedingung gemacht, dass weder Tadschiken noch Usbeken in seiner Wohnung Reparaturen durchführen. Er sagte mir, ich sollte keine Vollidioten nehmen, nur normale Leute. Und all die normalen Leute, wie sich herausstellte, waren auf den Baustellen verstreut. Ein Team von Ukrainern in Balaschicha ist bereits im zweiten Monat, und meine Moldawier in Odinzowo und Reutowo haben gerade mit der Arbeit begonnen. Nur Typen aus Zentralasien sind frei, aber die mag er nicht!

- Verstehst du das nicht? - Walera lachte und wandte sich an Schamschur, der hinter ihm saß. - Er ist selbst ein

других чурок свысока смотрит. Вот дела!

— Он не чурка, он хачик, — уточнил молдаванин, но тут же задумался. — Или хачики — это армяне?

— Какая разница! — не унимался Валера. — Они ведь все черножопые, что кавказцы, что азиаты! Выходит, что у них какая-то градация есть?

— А что ты удивляешься? — обидчиво заметил Михай. — Вы, украинцы, нас, молдаван, тоже ниже себя ставите. Мамалыжниками обзываете, анекдоты сочиняете про нас.

— Да, ладно, Михай! — засмеялся Валера. — Ты что, обижаешься? Мы ж это не со зла.

Неожиданно Шамшур подал голос:

— Сейчас не имеет значение, кто ты — чурка, хачик, молдаванин или хохол. Сейчас у кого деньги, тот и белый человек. А если ты нищий, то будь ты хоть самый русский россиянин, уважать тебя никто не будет.

— Это точно, — вздохнул Михай. Валера только хмыкнул.

Два месяца для украинцев прошли в непрерывной работе. Выходных не брали, лишь раз в неделю, в воскресенье, заканчивали в обед, чтобы во второй половине дня постираться, да приготовить чего-нибудь горячего. В остальные дни питались сухомятку.

Ремонт подходил к концу. Обоих отделочников грела мысль, что скоро они получат неплохие деньги за свой труд. К этому примешивалось и чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы. Когда дел оставалось на несколько дней, в квартире появился невысокий темноволосый мужчина в сопровождении суетсякого Михая. На узком лице незнакомца выделялся

Vollidiot und blickt auf andere Vollidioten herab. Genau so ist es!

- Er ist kein Vollidiot, er ist ein Kaukasier, - stellte der Moldawier klar, begann dann aber zu überlegen. - Oder sind Kaukasier Armenier?

- Welchen Unterschied macht das! - ließ Walera nicht nach. - Das sind alles Schwarzärsche, sowohl Kaukasier als auch Asiaten! Es muss also eine Art Abstufung zwischen ihnen geben, oder?

- Warum bist du überrascht? - bemerkte Michai empfindlich. - Ihr Ukrainer stellt auch uns Moldawier unter euch. Sie nennen uns Mamalygas und machen Witze über uns.

- Komm schon, Michai! - lachte Walera. - Bist du beleidigt? Wir haben es nicht aus Bosheit getan.

Plötzlich meldete sich Schamschur zu Wort:

- Jetzt spielt es keine Rolle, wer du bist - ein Vollidiot, ein Kaukasier, ein Moldawier oder ein Ukrainer. Heutzutage ist derjenige, der Geld hat, ein hochwertiger Mann. Und wenn du ein Bettler bist, dann wird dich niemand respektieren, egal wie russisch du bist.

- Das ist sicher, - seufzte Michai. Walera grinste nur.

Zwei Monate sind für Ukrainer in ununterbrochener Arbeit vergangen. Sie machten keine freien Tage, nur einmal in der Woche, sonntags waren sie mittags fertig, damit sie nachmittags ihre Wäsche waschen und etwas Warmes kochen konnten. An den anderen Tagen aßen sie Trockenfutter.

Die Renovierung neigte sich dem Ende zu. Den beiden Ausbaufacharbeiter wurde warm bei dem Gedanken, dass sie bald für ihre Arbeit gut bezahlt werden würden. Es gab auch ein Gefühl der Zufriedenheit über eine gut gemachte Arbeit. Als nur noch ein paar Tage übrig waren, erschien ein kleiner, dunkelhaariger Mann in Begleitung eines hektischen Michai im Haus. Auf dem schmalen

длинный нос. Взгляд его был внимательным и цепким. Шамшуру он кого-то напоминал, но кого именно, припомнить так и не удалось, да и не особо хотелось. Мало ли людей на кого-то похожих встречаются на жизненном пути.

Незнакомец оказался хозяином жилья. Михай обращался к нему по имени Самед Алиевич, водил по комнатам, без устали расхваливал его вкус и выбор материалов, заверял в высоком качестве работ. Отдельно отметил, что ремонтом занимались славяне, а не таджики или узбеки. Азербайджанец был немногословен. Всё осмотрел, сдержано похвалил и под конец сказал, что на следующий день квартиру посетит его жена.

— Я постоянно занят, — сказал он. — Приезжаю поздно, а вот моя жена дома будет целый день. Поэтому я хочу, чтобы ей здесь всё нравилось. Ты меня понимаешь?

— Конечно, Самед Алиевич! — заверил его Михай. — Я завтра ей всё покажу в подробностях. Если вашей супруге что-то не понравится, мы сразу же переделаем.

На следующий день, ближе к полудню, в квартире действительно появилась женщина. Она приехала с сыном и дочерью. Девочке было не больше четырёх лет. Она бегала по комнатам, визжала, всюду заглядывала, пряталась за дверями. За ней по пятам следовал её старший брат лет десяти. Он добросовестно следил, чтобы сестрёнка не упала или никуда не влезла, пока их мать осматривала помещения.

Михай тараторил без умолку, спешил открывать двери и кидался показывать всё, на что падал взгляд хозяйки. Накануне, обоим украинцам он признался, что по собственному опыту знает — если жене ремонт

Gesicht des Fremden stach eine lange Nase hervor. Sein Blick war scharf und eindringlich. Er erinnerte Schamschur an jemanden, aber an wen, daran konnte er sich nicht erinnern, und es interessierte ihn auch nicht besonders. Es gibt nur wenige Menschen, die wie alle anderen auf dem Lebensweg aussehen.

Der Fremde entpuppte sich als der Hauseigentümer. Michai sprach ihn mit dem Namen Samed Alijewitsch an, führte ihn durch die Räume, lobte unermüdlich seinen Geschmack und die Auswahl der Materialien und versicherte ihm die hohe Qualität der Arbeit. Er betonte auch, dass die Arbeit von Slawen, und nicht von Tadschiken oder Usbeken gemacht wurde. Der Aserbaidshaner war still. Er inspizierte den Ort, lobte zurückhaltend und sagte schließlich, dass seine Frau ihn am nächsten Tag besuchen würde.

- Ich bin ständig beschäftigt, - sagte er. - Ich komme später an, aber meine Frau wird den ganzen Tag zu Hause sein. Ich möchte also, dass sie alles hier genießt. Hast du mich verstanden?

- Natürlich, Samed Alijewitsch!, - versicherte ihm Michai. - Ich werde ihr morgen alles im Detail zeigen. Wenn Ihrer Frau etwas nicht gefällt, werden wir es sofort ändern.

Am nächsten Tag, gegen Mittag, tauchte tatsächlich eine Frau in der Wohnung auf. Sie kam mit ihrem Sohn und ihrer Tochter an. Das Mädchen war nicht mehr als vier Jahre alt. Sie rannte durch die Räume, quietschte, schaute überall nach, versteckte sich hinter Türen. Auf ihren Fersen folgte ihr älterer Bruder von etwa zehn Jahren. Er achtete darauf, dass sie nicht hinfiel oder in irgendetwas hineingeriet, während ihre Mutter sich umsah.

Michai plapperte immer weiter, eilte, um Türen zu öffnen, und eilte, um alles zu zeigen, was die Herrin anschaute. Am Tag zuvor hatte er den beiden Ukrainern gesagt, dass er aus eigener Erfahrung wisse, dass es kein Problem

понравится, то с мужем уже никаких проблем не будет.

В то время, когда прораб расшаркивался перед хозяйкой, оба отделочника завершали работу с кафелем. Валера называл это подтиранием соплей. Шамшур с помощью тряпки наводил глянец на плитку в ванной комнате. Незадолго до этого он затёр последние швы. Его коллега возился на кухне.

Наконец, осмотр квартиры закончился. Судя по всему, женщина осталась довольна. Михай попросил отпустить его, так как ему срочно понадобилось ехать на другой объект. Хозяйка квартиры поблагодарила, провела его до входной двери и попрощалась. Шамшур увидел её из ванной, однако лица не разглядел. Отметил только, что одета она со вкусом и, несомненно, дорого. Закрыв дверь, женщина продолжала стоять в холле. В этот момент Валера, думая, что посетители ушли, заорал из кухни:

— Ромка, у тебя резиновый шпатель? Гони его сюда!

— Сейчас дам, — отозвался Шамшур. Он пошарил в углу, где лежали инструменты, достал нужное, встал и направился к дверям. На этот раз он увидел лицо хозяйки и мысленно отметил, что она хороша собой. Шамшур натянуто улыбнулся и произнёс с кивком:

— Здравсьте.

Он пересёк холл, заглянул на кухню, сказал: «Держи!», подал шпатель и возвратился в ванную.

— Роман? Это ты!? — неожиданно прозвучало сзади. Шамшур повернулся в недоумении. Женщина неотрывно смотрела на него таким взглядом, что он тут же смутился.

— Этого не может быть! — засмеялась она. — Роман, ты живой!?

mit dem Ehemann geben würde, wenn seiner Frau die Renovierung gefalle.

Während der Polier vor der Wirtin katzbuckelte, waren die beiden Monteure dabei, die Fliesenarbeiten zu vollenden. Walera nannte es „den Rotz abwischen“. Schamschur benutzte einen Lappen, um die Fliesen im Bad zu polieren. Nicht lange vorher hatte er die letzten Fugen verfugt. Sein Kollege hantierte in der Küche herum.

Endlich war die Besichtigung der Wohnung vorbei. Offenbar war die Frau zufrieden. Michai bat darum, entschuldigt zu werden, da er dringend zu einer anderen Immobilie musste. Die Vermieterin bedankte sich, begleitete ihn zur Haustür und verabschiedete sich. Schamschur sah sie vom Badezimmer aus, konnte aber ihr Gesicht nicht sehen. Er bemerkte nur, dass sie geschmackvoll und zweifellos teuer gekleidet war. Die Frau schloss die Tür und blieb im Flur stehen. In diesem Moment rief Walera, der dachte, dass die Besucher gegangen waren, aus der Küche:

- Romka, hast du einen Gummispachtel? Gib ihn her!

- Ich gebe ihn dir, - sagte Schamschur. Er kramte in der Ecke, wo die Werkzeuge lagen, holte, was er brauchte, stand auf und ging zur Tür. Er erblickte das Gesicht seiner Arbeitgeberin und bemerkte in Gedanken, dass sie eine gut aussehende Frau war. Schamschur lächelte angespannt und sagte mit einem Nicken:

- Hallo.

Er durchquerte den Flur, schaute in die Küche und sagte: „Hier!“, übergab den Spachtel und ging zurück ins Bad.

- Roman? Bist du das? - kam ein unerwartetes Geräusch von hinten. Schamschur drehte sich fassungslos um. Die Frau starrte ihn so an, dass es ihm sofort peinlich war.

- Das kann nicht sein! - Sie lachte. - Roman, du lebst!?

Шамшур стоял, как болван, ничего не понимая.

— Ты что, меня не узнаёшь? Это я — Джамиля!

Слова эти были подобны удару в солнечное сплетение. От них перехватило дыхание, сильно сжалось в груди, а ноги стали ватными. Шамшур был поражён! Перед ним, действительно, стояла Джамиля — теперь он узнал её! Только это была уже не та девушка — тонкая и нежная, с копной растрёпанных волос. Перед ним предстала красивая, хорошо одетая, холёная и явно знающая себе цену особа. Её чёрные густые волосы были туго стянуты на затылке, очерченные макияжем глаза под идеальным изгибом бровей контрастировали с чистым белым лбом, а красная помада на губах горела ярким маслянистым блеском.

В первые мгновения у Шамшура в голове возник ворох несвязных мыслей. Он не знал, как ему реагировать. Он тут же почувствовал, насколько убого выглядит в своём нынешнем виде и положении.

— Здравствуй, Джамиля! — только и смог он сказать.

— Я думала — ты умер! Я все эти годы считала тебя погибшим!

— Как для покойника, я не так уж плохо выгляжу, — попытался он пошутить.

— Это невероятно! — она была поражена не меньше, чем он. — Ведь мне сказали, что ты убит. Я сама видела. Я жить тогда не хотела! Я так плакала!

— Я был ранен. Месяц лежал в госпитале. Потом вернулся на Украину.

— Как я рада, что ты жив! — в её глазах заблестели слёзы. — Ты не представляешь. Я все это время считала себя виновной в твоей смерти. Это так тяжело!

Schamschur stand da wie ein Dummkopf und verstand nichts.

- Erkennst du mich nicht? Ich bin's - Djamilal!

Die Worte waren wie ein Schlag auf den Solarplexus. Sie raubten ihm den Atem, ließen seine Brust zusammenziehen und seine Beine wattig werden. Schamschur war erstaunt! Djamilal stand tatsächlich vor ihm - jetzt erkannte er sie! Nur war es nicht dasselbe Mädchen - schlank und zart, mit einem Schopf zerzauster Haare. Sie war schön, gut gekleidet, gepflegt und eindeutig ein Mensch mit Selbstachtung. Ihr dichtes schwarzes Haar war fest in den Nacken gezogen, ihre geschminkten Augen unter dem perfekten Schwung ihrer Augenbrauen standen im Kontrast zu ihrer sauberen weißen Stirn, und ihr roter Lippenstift glänzte mit einem öligen Schimmer.

In den ersten Momenten war Schamschurs Geist mit unzusammenhängenden Gedanken gefüllt. Er wusste nicht, wie er reagieren sollte. Er spürte sofort, wie erbärmlich er in seiner jetzigen Erscheinung und Position aussah.

- Hallo, Djamilal! - war alles, was er sagen konnte.

- Ich dachte, du wärst tot! Ich dachte, du wärst all die Jahre tot!

- Für einen toten Mann sehe ich gar nicht so schlecht aus, - versuchte er zu scherzen.

- Das ist unglaublich! - sie war genauso schockiert wie er. - Man sagte mir, du seist tot. Ich habe es selbst gesehen. Ich wollte nicht leben! Ich habe so sehr geweint!

- Ich wurde verwundet. Ich war einen Monat lang im Krankenhaus. Dann ging ich zurück in die Ukraine.

- Ich bin so froh, dass du am Leben bist! - Sie hatte Tränen in den Augen. - Das kannst du dir nicht vorstellen. Die ganze Zeit dachte ich, ich wäre für deinen Tod verantwortlich. Es ist so schwer!

Шамшур не знал, что ответить. Ему было тоскливо. Хотелось отмотать время назад, забиться в угол, не подавать голоса, не поворачиваться, сделать всё, чтобы его не узнали. Лучше было бы, вообще, не выходить на работу.

Со слезами Джамилля всё же справилась. Закинув голову назад, она пальцами смахнула с ресниц капли и тут же засмеялась. От этого смеха у Шамшура защемило в сердце.

— Я глупая — плачу, когда надо радоваться.

Теперь она с интересом разглядывала его. Он ощутил неловкость.

— Скажи, Роман, как ты живёшь?

От этих слов Шамшуру стало совсем тошно. Ему ли, заробитчанину из Украины, рассказывать жене московского бизнесмена о своей жизни! Он с горькой усмешкой пожал плечами:

— Живу, не ожидая чуда. Работаю. Вот, можешь посмотреть, — и он развёл руками, приглашая её взглянуть.

Джамиллю, похоже, не интересовал, кафель и укрытая полиэтиленом сантехника. Она смотрела на него печальным внимательным взглядом. Этот взгляд был невыносим. Шамшур решил сбить его вопросом:

— А ты, значит, жена Самеда?

— Да. Ты разве знаешь его?

— Конечно. Я вспомнил его. Он нам на заставе видео крутил.

— Точно, — засмеялась она. — Он говорил, что видеопрокат был его первым бизнесом.

— А как ты всё это время жила? — спросил в свою очередь Шамшур.

Джамилля погрузилась.

Schamschur wusste nicht, was er antworten sollte. Er fühlte sich traurig. Er wollte die Zeit zurückspulen, sich in eine Ecke kauern, nicht die Stimme erheben, sich nicht umdrehen, alles tun, damit er nicht erkannt wird. Es wäre besser gewesen, erst gar nicht zur Arbeit zu gehen.

Djamila schaffte es jedoch, die Tränen zu unterdrücken. Sie neigte den Kopf zurück, strich sich mit den Fingern die Tropfen von den Wimpern und lachte sofort. Dieses Lachen ließ Schamschurs Herz schmerzen.

- Ich bin dumm - ich weine, wenn ich mich freuen sollte.

Jetzt schaute sie ihn interessiert an. Er fühlte sich unbehaglich.

- Sag, Roman, wie lebst du?

Bei diesen Worten wurde es Schamschur ziemlich übel. Er, ein Wanderarbeiter aus der Ukraine, sollte nicht der Frau eines Moskauer Geschäftsmannes von seinem Leben erzählen müssen! Er zuckte mit einem bitteren Lachen mit den Schultern:

- Ich lebe, ohne ein Wunder zu erwarten. Arbeiten. Hier, du kannst es dir ansehen, - und er breitete seine Hände aus, um sie einzuladen, sie sich anzusehen.

Djamila schien sich nicht für die gekachelten, mit Polyäthylen verkleideten Sanitäreanlagen zu interessieren. Sie sah ihn mit einem traurigen, aufmerksamen Blick an. Dieser Blick war nicht zu ertragen. Schamschur beschloss, ihn mit einer Frage abzuschließen:

- Und du, also, bist Sameds Frau?

- Ja. Kennst du ihn wirklich?

- Natürlich kenne ich ihn. Ich erinnere mich an ihn. Er hat uns auf dem Außenposten Videos gezeigt.

- Richtig, - lachte sie. - Er sagte, dass die Videothek sein erstes Geschäft war.

- Und wie hast du die ganze Zeit gelebt? - fragte Schamschur.

Djamila wurde traurig.

— Первое время — очень плохо. Отец увёз меня в Баку. Занялся там политикой, а через год его арестовали. Мне с братьями пришлось возвратиться в наше село, а там я на улицу не могла выйти. Люди за спиной шептались, смеялись, пальцами показывали, сплетни разводили.

— Почему?

Женщина словно споткнулась, замолчала, потом сказала:

— Разве ты не понимаешь? Мне не простили тебя.

Шамшур не находил слов. Джамия продолжила:

— Всё изменилось благодаря Самеду. Он оказался единственным, кому было плевать на слухи. Он предложил мне выйти за него замуж. Даже несмотря на то, что его родители были против.

В этот момент в дверях ванной появился сын Джамии. Он бросил настороженный взгляд на Шамшура, затем спросил мать о чём-то по-азербайджански. Женщина ласково ему ответила, хотела погладить по голове, но мальчик увернулся от материнской руки и снова зыркнул недобрим колющим взглядом на незнакомого ему мужчину. Вслед за братом в холл вбежала его сестра.

— Твой сын похож на отца, — сказал Шамшур.

— А дочь — вылитая мать, — засмеялась Джамия, прижимая к себе девочку и, тут же спохватилась. — А у тебя дети есть?

— У меня дочка. Ей пять лет. Она тоже похожа на мать.

— Скажи, Роман, ты счастлив? — неожиданно спросила женщина.

Шамшур задумался. Счастливым он себя не считал. Пятнадцать лет после армии оставили в его душе только горечь от нереализованных надежд и обманутых ожиданий.

- Die erste Zeit war es sehr schlimm. Mein Vater nahm mich mit nach Baku. Er engagierte sich dort in der Politik, und ein Jahr später wurde er verhaftet. Meine Brüder und ich mussten in unser Dorf zurückkehren, wo ich nicht hinausgehen konnte. Die Leute tuschelten hinter meinem Rücken, lachten, zeigten mit dem Finger, verbreiteten Klatsch und Tratsch.

- Warum?

Es war, als ob die Frau strauchelte, zu sprechen aufhörte und dann sagte:

- Verstehst du denn nicht? Ich habe dir nicht vergeben.

Schamschur konnte die Worte nicht finden. Djamila fuhr fort:

- Dank Samed hat sich alles geändert. Er war der einzige, der sich nicht um die Gerüchte kümmerte. Er hat mich gebeten, ihn zu heiraten. Obwohl seine Eltern dagegen waren.

In diesem Moment erschien Djamilas Sohn in der Badezimmertür. Er warf einen misstrauischen Blick auf Schamschur, dann fragte er seine Mutter etwas auf Aserbajdschanisch. Die Frau antwortete ihm liebevoll und wollte ihm den Kopf streicheln, aber der Junge wich der Hand seiner Mutter aus und blickte den fremden Mann wieder mit einem unfreundlichen und stechenden Blick an. Nach ihrem Bruder rannte ihre Schwester in den Eingangsbereich.

- Dein Sohn sieht aus wie sein Vater, sagte Schamschur.

- Und deine Tochter sieht genauso aus wie ihre Mutter, - lachte Djamila und wiegte das kleine Mädchen in ihren Armen. - Hast du Kinder?

- Ich habe eine Tochter. Sie ist fünf. Sie sieht auch wie ihre Mutter aus.

- Sag mal, Roman, bist du glücklich? - fragte die Frau plötzlich.

Schamschur wunderte sich. Er betrachtete sich nicht als glücklich. Fünfzehn Jahre nach der Armee hatte in seiner Seele nur Bitterkeit über unerfüllte Hoffnungen und getäuschte

Первое время он ещё испытывал какие-то иллюзии, собирался возвратиться, найти Джамилю, но эти мечтания очень быстро разбились о реальность. Он понял, что это невозможно, и через какое-то время запретил себе об этом думать. Образ девушки он сохранял в своей душе, но никогда и никому о ней не рассказывал. В его жизни было немало женщин, но все они не выдерживали сравнения с той, которая стала для него эталоном. Серьёзные отношения возникли у него только спустя годы. Да и то, возникли они вынужденно. Очередная подруга оказалась беременной, и он понял, что это конец его холостому существованию. Незадолго до рождения дочери сыграли скромную свадьбу, а после началась семейная жизнь с её бытовыми хлопотами и необходимостью притираться характерами. Ни сколь либо значимого положения, ни особых материальных ценностей он так себе нажить и не сумел. Трудился обычным рабочим, тянул от зарплаты до зарплаты, жил на съёмных квартирах, всё надеясь на то, что в будущем жизнь его как-то изменится к лучшему.

— Не знаю, — ответил Шамшур на вопрос о счастье. — Я об этом никогда не думал.

— А я думала очень часто, — сказала Джамиля дрожащим голосом. — Стать счастливой мне мешала только мысль, что я виновна в твоей смерти. Теперь это прошло. Спасибо, что ты снова появился в моей жизни.

Всё это время сын упорно тянул мать к выходу. С другой стороны её дёргала за руку неугомонная дочка. Видимо, им стало скучно в пустой квартире. Прощаясь, Джамиля протянула Шамшuru руку. Он

Erwartungen hinterlassen. Anfangs hatte er noch Illusionen, wollte zurückkehren, um Djamilia zu finden, aber diese Träume prallten schnell an der Realität ab. Ihm wurde klar, dass das unmöglich war, und nach einer Weile verbot er sich, darüber nachzudenken. Er behielt das Bild des Mädchens in seiner Seele, hat aber nie jemandem von ihr erzählt. Es gab viele Frauen in seinem Leben, aber sie alle konnten dem Vergleich mit der einen, die sein Maßstab geworden war, nicht standhalten. Eine ernsthafte Beziehung hatte er erst Jahre später. Und selbst dann waren sie gezwungen. Es stellte sich heraus, dass eine andere Freundin schwanger war, und ihm wurde klar, dass dies das Ende seines Single-Daseins war. Sie hatten eine kleine Hochzeit kurz vor der Geburt ihrer Tochter, und dann begann das Familienleben mit seinen alltäglichen Sorgen und der Notwendigkeit, sich an die Persönlichkeiten des jeweils anderen anzupassen. Es gelang ihm nicht, eine bedeutende Position oder materielle Werte zu erwerben. Er arbeitete als Arbeiter, lebte in Mietwohnungen von Lohn zu Lohn und hoffte, dass sich sein Leben in Zukunft irgendwie zum Besseren wenden würde.

- Ich weiß es nicht, - antwortete Schamschur auf die Frage nach dem Glück. - Ich habe nie darüber nachgedacht.

- Und ich habe sehr oft darüber nachgedacht, - sagte Djamilia mit zittriger Stimme. - Das einzige, was mich davon abhielt, glücklich zu sein, war der Gedanke, dass ich für deinen Tod verantwortlich war. Das ist jetzt vorbei. Danke, dass du wieder in mein Leben gekommen bist.

Die ganze Zeit über hatte der Sohn seine Mutter zum Ausgang gedrängt. Auf der anderen Seite wurde sie von ihrer unruhigen Tochter an der Hand gezerrt. Offenbar langweilten sie sich in einer leeren Wohnung. Zum Abschied

осторожно пожал её, ощутив нежную мягкость женской ладони. Он тут же вспомнил, как держал её руки тогда, много лет назад. От этого сердце сжалось до реального ощущения боли.

— Я обязательно расскажу мужу о нашей встрече, — сказала она, обернувшись на выходе. — Он будет очень рад, ведь он тоже думает, что ты погиб.

Когда входная дверь закрылась, в холл из кухни с немим вопросом на лице вышел Валера. Он долго смотрел на мрачно что-то соображающего про себя Шамшура, потом сказал:

— Да, Рома, ты меня удивил. Не хочешь рассказать мне эту историю?

На следующее утро, раньше обычного, в квартиру в Химках ворвался возбуждённый Михай. Прямо с порога он закричал:

— Роман, что ты натворил!? Почему заказчик требует тебя уволить!?

Ответом ему стал недоумённый взгляд обоих украинцев.

— Вчера вечером, — продолжил прораб, проходя из коридора в комнату. — Часов в одиннадцать, а может и позже, мне позвонил хозяин квартиры, в которой вы работаете. Он сказал, что я должен сегодня же уволить рабочего по имени Роман Шамшур. Так и сказал мне — чтобы я его в своей квартире больше никогда не видел.

Михай вернулся в коридор, прошёл на кухню, налил в стакан из крана воды, залпом выпил, потом заговорил снова:

— Я спрашиваю его: Самед Алиевич, что случилось? А он мне — это тебя не касается, если не хочешь иметь проблем, то делай, как я сказал.

streckte Djamila ihre Hand nach Schamschur aus. Er schüttelte sie sanft und spürte die sanfte Weichheit der Handfläche der Frau. Er erinnerte sich sofort daran, wie er damals, vor vielen Jahren, ihre Hände gehalten hatte. Sein Herz krampfte sich zu einem echten Schmerzgefühl zusammen.

- Ich werde meinem Mann sicher von unserem Treffen erzählen, - sagte sie, als sie sich auf dem Weg nach draußen umdrehte. - Er wird sich sehr freuen, denn er denkt auch, dass du tot bist.

Als sich die Haustür schloss, kam Walera mit einer stummen Frage im Gesicht aus der Küche in den Flur. Er sah lange zu Schamschur, der düster vor sich hin dachte, und sagte dann:

- Ja, Roma, du hast mich überrascht. Willst du mir die Geschichte erzählen?

Am nächsten Morgen, früher als sonst, platzte ein aufgeregter Michai in die Wohnung in Chimki. Direkt von der Türschwelle aus rief er:

- Roman, was hast du getan!? Warum fordert der Kunde deine Entlassung!?

Die Antwort war ein verdutzter Blick von beiden Ukrainern.

- Letzte Nacht, - fuhr der Polier fort und ging vom Korridor ins Zimmer. - Gegen elf Uhr, vielleicht auch später, erhielt ich einen Anruf von dem Besitzer der Wohnung, in der du arbeitest. Er sagte mir, dass ich heute einen Mitarbeiter namens Roman Schamschur entlassen müsse. So hat er es mir erzählt - damit ich ihn nie wieder in meiner Wohnung sehe.

Michai kehrte auf den Korridor zurück, ging in die Küche, goss Wasser in ein Glas aus dem Wasserhahn, trank es in einem Zug aus und sprach dann wieder:

- Ich fragte ihn: Samed Alijewitsch, was ist passiert? Und er sagte zu mir - das geht dich nichts an, wenn du keinen Ärger bekommen willst, dann tu, was ich sage.

Молдаванин подошёл к Шамшуру, заглянул ему в глаза и спросил:

— Рома, признайся — ты нахамил его жене? Ты чем-то её обидел? Что произошло, когда я уехал?

— Да, что ты истерику устроил! — вмешался Валера. — Ничего особенного не было. Просто жена твоего Самеда когда-то давно была знакома с Ромкой. Этот чурка её, видно, приревновал.

— Как знакома?

— Очень просто! Она узнала его, сама с ним заговорила, даже всплакнула. Потом они поболтали минут пять, и она ушла.

— Час от часу не легче! Я думал, что Рома позволил себе какую-то выходку, а тут оказывается всё намного хуже! Вы, что полагаете, этот Самед — простой торговец с Черкизовского рынка? Нет, ребята, он серьёзный человек. Если кто-то становится причиной его ревности, то тут я пас! Мне неприятности не нужны!

— Если тебе сказали увольнять, значит увольняй, — заговорил Шамшур. Движением руки он остановил попытавшегося что-то сказать Валеру. — Квартира почти готова. С недоделками и один человек справится.

— Очень хорошо! — обрадовался Михай. — Я рад, что ты всё правильно понял.

В тот же день Шамшур уехал. Билет на поезд ему достал Михай, у которого оказались какие-то знакомства в железнодорожных кассах. Валера пообещал, что возвратится через неделю.

Найдя своё купе, Шамшур недолго думая залез на верхнюю полку. На предложение своих соседей перекусить и выпить он ответил вежливым отказом. Глядя в потолок, под стук колёс и болтовню внизу он

Der Moldawier kam zu Schamschur, sah ihm in die Augen und fragte:

- Roma, gib es zu - hast du deine Frau beleidigt? Hast du sie in irgendeiner Weise gekränkt? Was ist passiert, als ich gegangen bin?

- Ja, dass du hysterisch warst! - griff Walera ein. - Es ist nicht viel passiert. Es ist nur so, dass die Frau deines Samed Romka kannte. Dieser Schwachkopf muss eifersüchtig auf sie gewesen sein.

- Wie bekannt?

- Ganz einfach! Sie erkannte ihn, sprach selbst mit ihm, weinte sogar. Dann unterhielten sie sich etwa fünf Minuten lang und sie ging.

- Mit jeder Stunde ist es nicht einfacher geworden! Ich dachte, Roma hätte etwas falsch gemacht, aber es stellte sich heraus, dass es viel schlimmer war als das! Glauben Sie, dass dieser Samed nur eine Krämerseele vom Tscherkisowo-Markt ist? Nein, Leute, er ist ein seriöser Mann. Wenn jemand die Ursache für seine Eifersucht wird, dann bin ich raus! Ich will keinen Ärger!

- Wenn man dir sagt, du sollst ihn feuern, dann feure ihn, - sagte Schamschur. Mit einer Handbewegung stoppte er Walera, der versuchte, etwas zu sagen. - Die Wohnung ist fast fertig. Ein Mann kann auch mit den Restarbeiten zurechtkommen.

- Sehr gut! - Michai freute sich. - Ich bin froh, dass du es richtig gemacht hast.

Noch am selben Tag reiste Schamschur ab. Michai besorgte ihm eine Zugfahrkarte, da er einige Kontakte am Bahnschalter hatte. Walera versprach, dass er in einer Woche zurück sein würde.

Als er sein Abteil fand, brauchte Schamschur nicht lange, um auf das oberste Regal zu gelangen. Das Angebot seiner Nachbarn auf einen Imbiss und ein Getränk lehnte er höflich ab. Er schaute zur Decke hinauf, zum

думал о Джамиле и о том, какой она стала. Он попытался сравнить её с той юной девушкой, которую он так любил. И тут он понял, что не может вспомнить её прежние черты. Он сделал усилие, но безуспешно — в памяти упорно возникала красивая, холёная жена московского бизнесмена. Эта женщина, чужая жена и мать чужих детей, полностью затмила в его памяти дорогой сердцу образ. Она была для него совершенно посторонней. Он не ощущал к ней никаких чувств. Он понял, что той прежней Джамиле уже нет. Она умерла для него. Ирония судьбы была в том, что это произошло после того, как он для неё воскрес.

Шамшур закрыл глаза и вспомнил о своей жене и дочери. Тёплое чувство нежности разлилось по его душе. Он впервые за эти два месяца понял, как сильно по ним соскучился. «Всё-таки я счастливый человек, — подумал он, засыпая. — Мне надо было сказать об этом Джамиле».

Geräusch der Räder und dem Geplapper unter ihm, und dachte an Djamila und was aus ihr geworden war. Er versuchte, sie mit dem jungen Mädchen zu vergleichen, das er so sehr geliebt hatte. Und dann wurde ihm klar, dass er sich nicht an ihre früheren Gesichtszüge erinnern konnte. Er bemühte sich, aber vergeblich - die schöne, gepflegte Frau eines Moskauer Geschäftsmannes blieb ihm hartnäckig im Gedächtnis. Diese Frau, die Frau eines Fremden und die Mutter der Kinder anderer Leute, hatte sein liebgewonnenes Bild völlig in den Schatten gestellt. Sie war eine völlig Fremde für ihn. Er empfand keine Gefühle für sie. Er erkannte, dass die alte Djamila nicht mehr war. Sie war für ihn tot. Es war ironisch, dass dies geschah, nachdem er für sie wiederauferstanden war.

Schamsur schloss seine Augen und dachte an seine Frau und seine Tochter. Ein warmes Gefühl der Zärtlichkeit erfüllte seine Seele. Zum ersten Mal seit zwei Monaten merkte er, wie sehr er sie vermisste. „Ich bin also doch ein glücklicher Mensch, - dachte er, als er einschlief. - Das hätte ich Djamila sagen sollen“.